

Искатель 4

ФАНТАСТИКА·ПРИКЛЮЧЕНИЯ 1983

СЕРГЕЙ ПАВЛОВ

МЯГКИЕ ЗЕРКАЛА

Фантастический роман

ЧЕЛОВЕК БЕЗ ЛИЦА

(Вместо пролога)

3а окном бесновалась пурга. Где-то там, во тьме кромешной, с разбойничьим посвистом закручивались и налетали на стекло тугие снежные вихри. В холле было тепло, сумеречно и уютно. Поверхность стекла, словно широкое черное зеркало, отражала трепет каминного пламени. Трескали поленья, пахло сосновой смолой.

Печатается с сокращениями

Наслаждаясь уютом просторного низкого кресла, Альбертас Грижас перечитывал Гоголя. Ноги приятно гудели. На лыжной прогулке ветер выдул из головы все сегодняшние заботы. А в операторской заодно вылетела из головы и половина забот на сутки вперед. Легкость в мыслях необыкновенная.

Под потолком блеснула зарница.

— Телевизит разрешаю, — произнес Грижас обычную формулу для автоматики двусторонней видеосвязи.

Визитер не явился.

Грижас обвел глазами слабо освещенный пламенем камина холл, посмотрел в потолок; резные деревянные балки, казалось, подрагивали под натиском непогоды. В конце концов, кто-то мог ошибиться в выборе индекса абонента видеосвязи. Но в таких случаях телевизит отменяется вспышкой синего светосигнала. Ни визитера, ни вспышки. Грижас взглянул на розовые цифры часовного табло — время позднее, без малого полночь. Взялся за подлокотники, собираясь покинуть кресло, да так и замер с открытым ртом и поднятыми бровями. Перед ним прямо из воздуха выплыло рослое, широкоплечее привидение...

На первый взгляд это был классический средневековый фантом, от макушки до пят укутанный в белое. Неровные (сделанные, видимо, наспех) прорези для глаз несколько портили общее впечатление.

— Добрый вечер, — проговорил фантом по-английски. Голос глухой, неприятно гундосый — будто от сильной простуды.

— Добрая полночь, — поправил Грижас. По-русски. Из принципа. И, развлекаясь, добавил: — Милорд.

Двуязычная речь побудила к действию автоматику экспресс-переводчика. Было слышно, как лингверсор, шурша и вибрируя, подбирал для голоса визитера адекватную матрицу простудно-гундосого тона. Деликатный фантом (явно вразрез с обычайми нагловатых призраков англосаксонской замковой популяции) бормотал извинения:

— Прошу простить великодушно. В столь поздний час...

И в этот момент имитатор часовного боя приступил к своим информативно-звуковым обязанностям: «Бам... бам... бам...» Полночь. Грижас с удовольствием ощущал себя в атмосфере милого домашнего телеспектакля.

— Ничего, — сказал он. — Возникли вы даже чуть раньше срока, традиционного для некротических таинств. Приветствую вас в моем... гм... на моей охотничьей вилле. Садитесь. Приядьте там... э-э... у себя.

— Спасибо, я постою. Поверьте, я чувствую неловкость...

— Пустое, сударь, пустое! — Беспечным взмахом руки Грижас поторопился смягчить ситуацию. — Меня как медика больше волнует ваш носоглоточный дефект. Надеюсь, не простудного характера?

— Нет, к медицине это не имеет касательства. Зажатый пальцами нос — вот и все.

Прощупав взглядом белую фигуру гостя, Грижас спросил:

— Балахон, сооруженный вами из постельного белья, и все другое наводят на мысль, что вопросы типа «С кем имею честь?» бесполезны, не так ли?

— Сожалею, но пусть мое имя останется в тайне. И пусть

мой английский вас не смущает. Я вынужден камуфлировать свою речь иеродным языком. Не надо, чтобы вы опознали мой голос.

Тройная мера предосторожности:искаженный «простудой» иеродный язык в сочетании с переводом. Остроумно. Однако не слишком ли много для телеспектакля домашней режиссуры?..

Заинтригованный Грижас чувствовал: визитер до конца намерен упорствовать в этой игре. Тем любопытнее было бы попытаться его опознать. Полночный курьер потустороннего мира стоял спокойно и прямо — двухметровым белым столбом. Чей рост? Леонида Хабарова? Дениса Лапина? Егора Бакланова? Михайленко? Круглова?.. Здесь многие такого же роста. По крайней мере — более половины. На редкость рослый народ. Упрямый вдобавок. И с пресловутой сибирской амбицией.

— Занято, сударь, занятно... А если мне все же удастся вас опознать?

— Надеюсь, что нет. Сохраняя инкогнито, я оберегаю ваше спокойствие. Не надо, чтобы этот мимолетный контакт обернулся для вас чем-то вроде серьезного происшествия детективного свойства...

В словах визитера Грижас явственно уловил наличие намекающей интонации. Суть намека осталась, правда, в тени, но почему-то вспомнилась загадочная, восьмилетней давности история с «чужаком» на борту «Лунной радуги». Нет-нет да и вылезет эта колючка-воспоминание — ни к месту, ни ко времени. Бесполезная, как прошлогодний снег. Вылезет и кольнет в старую ранку неутоленного любопытства...

— Если у вас ко мне дело, милорд, дальновиднее было бы появиться с открытым забралом.

«Мягкие зеркала» — вторая книга романа-дилогии Павлова «Лунная радуга».

В первой книге (выпущена издательством «Молодая гвардия» в 1978 г.) повествуется о группе космодесантников, которые во время разведки лунной системы Урана неведомо как приобрели необычные совершенно экзотические свойства, во многом изменившие их человеческую сущность.

По возвращении на Землю космодесантники-экзоты попадают под наблюдение международной службы космической безопасности. «Кто они? — задается вопросом один из руководителей оперативного следствия. — Товарищи по несчастью? Изуродованные космосом люди? Не люди? Безопасные для нашей планеты или потенциально опасные? От решения этих вопросов, быть может, зависит судьба человечества...» Более всего следователей настораживают нелюдимость экзотов, их стремление сохранить тайну своей внутренней необыкновенности. Но, с другой стороны, многие поступки экзотов свидетельствуют: сознание и нравственные критерии бывших космодесантников не выходят далеко за пределы общечеловеческих норм. Сотрудникам службы космической безопасности предстоит распутывать клубок загадочных противоречий.

— Не уверен. — Визитер переступил с ноги на ногу, и складки экстравагантного одеяния колыхнулись. — Прошу и, более того, рекомендую принять мою маскировку как должное. Тем самым вы избавляете себя от ненужного перерасхода интеллектуальной энергии, а меня от вполне вероятного выговора по служебной линии.

Это был деликатный, но достаточно откровенный нажим. Грижас прищурился:

— А собственно, кому и чему вы служите?

— Людям. Прогрессу.

— Похвально. Я тоже. А на каком участке, если не секрет?

— Мой участок — Международное управление космической безопасности, Восточный филиал.

— Вот как!.. — протянул Грижас, меняя тон разговора.

— Очень досадно, что наши участки соприкоснулись, — посетовал визитер. — Мне нужна консультация. По вопросам физиотерапии.

Физиология? А экология?

— Физиолептики?.. А конкретнее?
Конкретнее, разве пойдет с физиолептической карточкой?

— Конкретнее речь пойдет о физиолептической карте.
— Единая ФЛК вашего организма находится, как и положено, в ФЛ-карточке. И довольно далеко отсюда — в отделе контроля и диагностики Международного центра космической медикологии. Вы должны это знать.

— Я это знаю. Меня интересует, чьи ФЛ-карты есть у вас. Здесь, на месте. Ведь проводите вы какие-то записи на профилактических медосмотрах.

— То, что есть у меня, нельзя называть ФЛ-картами. Всего лишь фрагменты. Биоритмика, основные физиологические параметры... Здесь не клиника и даже не курорт. Хотя, если честно, обстановка здорово смахивает на курортную.

— Мне бы ваш оптимизм — печально прогундосил гость.

— Что может быть проще! — немедленно подхватил Грижас. — Если уровень вашего настроения прямо зависит от таких мелочей, как объемная кардиосъемка или, скажем, анализ энцефалоритмики, я буквально за тридцать минут верну вам утерянный оптимизм. К обоюдному нашему удовольствию.

Визитер не ответил. «Служба космической безопасности в тупике, — подумал Грижас, наблюдая неподвижность складок маскировочного балахона. — Усиленно соображает, как быть». Пауза неприятно затягивалась.

— В конце концов, я профессиональный медик. Понимаете? В рамках врачебной тайны всегда найдется место для личных и даже ведомственных секретов.

— Дело не во мне, — ответил гость. — Видите ли, я был обязан самостоятельно получить ФЛ-карту одного из ваших подопечных. То есть все физиологические данные, которые отражали бы состояние его организма за последние двое суток.

«Значит, втайне подготовили аппаратуру, — подумал Грижас. — Канал регистрации, ФЛ-монитор... И не вышло. Самостоятельность!»

— Шпионаж на биотоковом уровне? — спросил он щурясь. — На гормональном?

— Ничего престивозаконного! Ни один нормативный параграф мировой конституции при этом не пострадал.

— Пострадал здравый смысл. Надо было заранее предусмотреть участие специалиста в делах, абсолютно для вас экзотических... Ладно. Так что там не получается с «нелегальной» физиолептикой?

— Не сработал мой ФЛ-монитор. Вчера вечером согласно инструкции я нажал кнопку включения. Вспыхнул зеленый светосигнал — все было в порядке. Завтра утром ФЛ-монитор должен был отключиться автоматически. Но это произошло сегодня. Перед сном я пошел взглянуть на светосигнал и увидел вместо зеленого красный. Вот коротко...

Грижас сочувственно покивал.

— Инструкция, кнопка, пришел, увидел, зеленый, красный. Н-да... Осмотреть ваш ФЛ-монитор я, по-видимому, не смогу. Наверняка он тщательно замаскирован в недрах какой-либо другой аппаратуры, и к нему просто-напросто не доберешься. Остается использовать мой монитор. Завтра, где-нибудь во второй половине дня, я выберу время и составлю подробную «копию» физиологии интересующего вас человека. Причем сделаю это в достаточной степени профессионально и — заметьте! — легально.

— Во второй половине дня будет поздно.

— Почему?

— После полудня этого человека здесь не будет.

— Вы уверены? — позволил себе усомниться Грижас.

— Да. Его ФЛ-карту вы должны записать во время утреннего медосмотра, не позже. И постарайтесь сделать так, чтобы это не очень насторожило его.

— В чем смысл такой перестраховки?

— Не надо его волновать. Пусть он об этом не думает. Ему предстоит серьезное дело.

— Даже так... Но ведь тогда вы просто обязаны обсудить предстоящее дело со мной. Как с медикологом.

— Нет, не обязан. Я понимаю вашу тревогу, но, поверьте, не нам обсуждать аспекты этого дела.

Минуту Грижас молчал, обдумывая ситуацию. Занятная встреча с фантомом нежданно-негаданно обернулась детективной историей слишком тревожного свойства... Было ясно: «подопытный кролик», избранный для какого-то секретного мероприятия, к службе космической безопасности отношения не имеет. Мероприятие это, бесспорно, таит в себе риск для здоровья, иначе объекту под балахоном не было бы никакого смысла стараться заполучить физиологические характеристики «кролика» накануне событий. Замысел прост: сравнить две свежие ФЛ-карты «кролика», записанные до событий и после. Одно неясно: что побудило службу космической безопасности затевать это дело без участия медиколога? А впрочем...

— Кто планировал ваше задание? — спросил Грижас. — Мне важно знать, был ли в составе инструкторов хотя бы один медиколог?

— Был, разумеется. И не один.

— И еще вопрос. Человек, которому вы намерены отвести роль подопытного кролика, дал на это свое согласие?

— Видите ли... Ну, в общем, пусть это вас не волнует. При-
нуждать его никто не намерен. О деле он, естественно, знает,
хотя и не во всех пока подробностях.

— Ну хорошо... Хотя хорошего нет и в помине. Да, в такой
обстановке, я чувствую, будет полезно иметь в руках его све-
жу ФЛ-карту...

— Полезно — не то слово. Вы обязаны ее иметь.

— Между прочим, — сухо заметил Грижас, — приказывать
мне имеет право здесь только один человек: Ярослав Иванович
Валаев.

— Безусловно. Я лишь пытаюсь вас убедить. И полагаю...

— Правильно полагаете, я сделаю все необходимое. Так кто
же этот мой... а заодно и ваш подопечный?

Гость выдержал паузу, тихо ответил:

— Андрей Тобольский.

На секунду Грижас оцепенел. Понадобилось несколько мими-
ческих усилий, чтобы захлопнуть приоткрытый рот и привести
физиономию в порядок.

— Что-о-о?.. — Он поднялся из кресла, прошел сквозь объ-
емное изображение визитера туда и обратно. — Шутить из-
волите?

— Это была бы неумная шутка, — возразил призрак.

Грижас взглянул на него и поворотом каминного канделябра
отрегулировал пламя на потрескивающих поленьях.

— Простите, сударь, но... в своем ли вы уме? Известно ли
вам, кто такой Андрей Васильевич Тобольский и какую роль
он здесь выполняет?

— Помощник Валаева. Здесь — второе по значимости лицо.

— А это как посмотреть. В шахматной партии ферзь — то-
же вторая по значимости фигура. — Грижас спрятал руки в
карманы пижамы. — Остроумно задумано. Разыгрывая какую-
то свою комбинацию, ваше ведомство намерено сделать риско-
ванный ход нашим ферзем... Я решительно против участия То-
больского в любого рода авантюрных делах. Даже если риск
минимален.

— Вот поэтому, Альбертас Казевич, мы, предвидя вашу по-
зицию, и не хотели доставлять вам лишнее беспокойство. По мо-
ей вине, извините, не получилось.

— Вы — нам, мы — вам... — Грижас поморщился. — Словно мы
не в одном коллективе. Словно я должен быть озабочен нашей
общей безопасностью больше, нежели вы, функционер безопас-
ности. Даже странно... Понимаете? Странно!

— Но это не помешает вам записать ФЛ-карту, ведь прав-
да? А чтобы не было впечатления, будто вас водят за нос,
вы можете в любой момент обсудить с Ярославом Иванови-
чем подробности нашего разговора. — Визитер, колыхнув бе-
лыми складками, осторожно добавил: — В любое время, ког-
да вам будет удобно.

— Не беспокойтесь, будить Валаева сейчас я, конечно, не
стану. Так говорите, он в курсе вашей затеи с Тобольским?

— В необходимом объеме.

«Это несколько меняет дело», — подумал Грижас.

— Разумеется, я сознаю особую важность секретных меро-
приятий вашего ведомства, — сказал он, стараясь придать сво-

ему голосу добродушную интонацию. Добродушия хватило только на одну фразу. — Однако заранее предупреждаю: без специального на то распоряжения Валаева ни ФЛ-карты, ни ее копии вы от меня не получите.

— Получателем ФЛ-карты буду не я. Мне она не нужна. Главное — обеспечить ее существование в натуре. Позвольте пожелать вам всего доброго.

— Будьте здоровы.

Фигура в белом растаяла в воздухе.

ЧАСТЬ I

1. УБИТЬ МИЛОСЕРДИЕМ

Они заблудились. Это было смешно — заблудиться в аллеях дендрария. Аллея маньчжурских аралий затерялась в зарослях канадского тиса. Дальше, среди частокола стволов бамбука, начиналась тропа.

— Ты не устала, малышка? Хочешь, я понесу тебя?

— Нет, папа, нет, я сама! — Вдруг она присела на корточки: — Гляди, я гриб нашла! Смешной какой! Синий-синий!

— Это не гриб. Это мяч. Кто-то его потерял. — Он поднял мяч из травы и несколько раз стукнул о землю. — Мой веселый, звонкий мяч, ты куда помчался вскачь?..

— Красный, желтый, голубой, не угнаться за тобой!.. Пап, гляди! Гуси-лебеди! Там!

Это был пруд. На темной воде белые лебеди. Высоченные араукарии, кисточки кипарисов, радиально-стрельчатые шары экзотической ксантореи... Красиво... Декоративно красиво. Над белопенными кронами цветущих эндохорий — купол садового павильона, облитый лучами низкого солнца... Волшебно, ненастительно красиво. Фриз павильона жарко отсвечивал позолотой.

— Сегодня нам здорово попадет, — сказал он. — От Ирины Леонтьевны.

— Не попадет, — серьезно сказала она. — Ирина Леонтьевна добрая, она всех детей любит. А их мамов и папов тоже любит. Гляди-ка, цветочек!.. Дай мне, я хочу, чтобы он был мой.

— Нет, малышка, нельзя. Он живой и растет.

— А как его зовут?

— Так же, как и тебя.

— Лилия Тобольская?

— Просто лилия. Тобольская — ведь это твоя фамилия.

— А сколько ему годиков?

— Дней скорее всего... Не знаю. Зато я знаю, что вон тому дереву — видишь? — столько лет, сколько тебе. Ну, может, чуточку больше.

Он поднял дочь на плечо и показал ей серебристо-голубоватую жиidenьскую корону молодого деревца.

— Его тоже зовут как меня?

— Его зовут «кавказский холодоустойчивый эвкалипт». Четыре года назад его здесь вырастила твоя мама...

Андрей открыл глаза. Вышел из состояния сна легко, будто и не спал вовсе. Ерунда — спал. И спал, хвала сонотрону, приятно. Сонотроника — превосходная, оказывается, вещь. Жаль, не знал этого раньше... Механически усвоил на лекциях принцип работы сонотронных систем и после экзамена не помнил почти ничего, кроме основных приемов пользования. Помнится, аудиторию позабавил способ нейтрализации навязчивых снов: перед уходом в дремотное царство Морфея надо было, тронув кнопку у изголовья, думать о разных растениях. Лучше всего о цветах. В итоге фантасмагорический коллаж тяжелых, с переживаниями сновидений, от которых иногда просыпаешься в холодном поту, обязательно подменялся реалиями спокойных воспоминаний. Воспоминаний во сне. Он никогда не пользовался услугами сонотронной техники, но вчера, минуту поколебавшись, решил попробовать. Не потому, что побаивался ночного кошмара, а так... Не хотелось видеть во сне Валентину. Нажав кнопку у изголовья, стал добросовестно думать о разных растениях. Ирония обстоятельств: думая о растениях, он не мог не думать о Валентине... Сонотрон не подвел. Она не приснилась, и впервые в жизни он был этому рад. Вот до чего дошли дела... Ну что ж, дела, значит, дошли теперь и до этого.

Едкая горечь обиды и гнева разлилась в груди. Сжав зубы, Андрей повернулся на бок, отшвырнул одеяло, приказал себе успокоиться. Без одеяла он чувствовал, как над постелью циркулирует холодный воздух. За пределами спального грота в лунном сиянии голубела лесная поляна. Таежная. Поляна была под снегом. Под снежными шапками — голые ветви двух старых берез, лапы темнеющих за ними пихт и черный навал бурелома. Рослые пихты стояли стеной, но даже эта стена не могла заслонить богатырских верхушек кедровника. К березам пробиралась рысь. Он долго смотрел на нее. Снег был мягкий, руки пробирались с трудом, оставляя в сугробах хорошо заметную борозду.

Тонко заныл сигнал будильника. Андрей по привычке пружинно сжался, перед тем как вскочить, но вспомнил: торопиться некуда. Вдобавок надо пройти медосмотр. Проходить его лежа в постели менее хлопотно.

— Доброе утро, — донеслось со стороны изголовья. — Если позволите — дистанционный вариант медосмотра. — Голос тихий и скользкий, как шелест шелковой ткани. — Вы готовы?

Из медицинского бокса выполз пенал и, повернувшись, вывалил на постель содержимое. Андрей нашарил мягкий шлем, усеянный бородавками датчиков, молча надел. Ощущая холод металла, натянул довольно тугие носки и перчатки.

— Музыку? Новости? — заботливо прошелестел автомат.

— Да, новости Внеземелья. Голос мужской. Без экрана.

Внеземелье изобиловало новостями. О том, какие корабли из каких портов стартовали, что несли и где финишировали, Андрей слушал вполуха. Слабой улыбкой отреагировал на сообщение о подходе «Байкала» к лунной системе Сатурна, — мало того, что новость запаздывала, агентство «Информвнезем» умудрилось лидер-контейнероносец «Байкал» назвать балкер-трампом.

Он провел ладонью по голой груди. Горькая муть еще не осела.

Что-то надо с этим делать, Валентина. Но что? Мне одному все равно ничего не решить. А решать вдвоем ты почему-то не захотела. Чем объяснить твое нежелание встретиться? И это нелепое бегство... Разлюбила?.. Приди и скажи об этом открыто и внятно. За пять лет ты хорошо изучила меня и могла бы не опасаться, что я устрою тебе неприятную сцену — обезумею от ярости или стану валяться в ногах, просить, умолять. Знала, что ничего этого не было бы, и знала отлично. Не моей, значит, слабости опасалась — своей? Еще не уверилась в правоте своего состояния чувств?.. Похоже. Иначе ты поступила бы по-другому, я ведь тоже знаю тебя... Ладно, подумай и разберись. Время есть. До моего возвращения. Будем обдумывать и разбираться порознь, уж раз ты так захотела. Правда, мне разбираться особенно не в чем. Люблю тебя и безумно боюсь потерять. Понимаешь? Безумно!..

— Извините, Тобольский... вас что-нибудь беспокоит?

— Нет, — резко ответил Андрей. До него не сразу дошло, что это голос не автомата. — А в чем дело?

— Сущие пустяки, Андрей Васильевич, сущие... — проворковал голос медиколога. — Меня позабавила аритмия вашего пульса. Впрочем... Вот теперь почти норма. Никаких претензий к вам не имею. Вы, кажется, что-то хотели сказать?

— Да. Вы не однажды нас уверяли, что сонотрон — это не столько безвредно, сколько полезно и даже приятно. Вчера мне в голову пришла фантазия проверить ваши рекомендации.

— Так. Ну и что же?

— А то, что сегодня, Альбертас Казевич, я ощутил интерес вашего сектора к моей вполне заурядной в медицинском плане особе. Ощущал с понятным недоумением.

— Рассеивать недоумения моя святая и приятная обязанность. Сонотрон ни при чем, виноват ваш предстоящий отъезд. Когда вернетесь обратно, вам снова придется, увы, потерять на меня полчаса личного времени. Удовлетворены ответом?

— Пожалуй... да.

— Могу быть чем-то полезен еще?

— Пожалуй, нет.

— Всего вам доброго. Будьте здоровы!

Андрей сорвал с себя медицинскую амуницию. Накинул на плечи свой старый боксерский халат.

В холле было светлее, чем в спальне: снежно-лунный ландшафт за пределами грота был здесь раза в два шире. Андрей отодвинул на край стола документы, открыл коробку портативного фотобликстера — над зеркалом отражателя пошли, сменяя друг друга, стоп-кадры стереоизображений Лилии. Вот она в белой шубке — обнимает пушистую лайку. Вот на санках: головой в сугроб!.. На празднике проводов русской зимы: счастливая, розовощекая, еле держит обеими руками расписной деревянный ковш в виде жар-птицы — приз за смелость (вместе с мальчишками старшего возраста брала приступом снежную крепость под ужасающий грохот шутых). Валентина боялась, и ему пришлось ее успокаивать, а она не

спускала с дочери напряженного взгляда и была такая краси-
вая, что он заново в нее влюбился.

Сверкнула зарница телевизита. Андрей поднял бровь. В хол-
ле стоял блондин в полетной форме координатора: желтые
брюки, черный свитер, серебристая эмблема — зигзаг импуль-
са на фоне стилизованного цветка магнолии. Узнав Копаева,
Андрей отвернулся, захлопнул коробку прибора, сунул в до-
рожный портфель. В сторону Копаева он не смотрел. Когда
на столе ничего не осталось, щелкнул замками, отбросил порт-
фель на толстый мшистый ковер. На сегодня с этим покончено.
Слегка размяться, позавтракать — и в бассейн...

Покончив с бритьем, Андрей вышел из душевой, натянул си-
ние брюки, вскрыл свежий пакет с белыми свитерами. На гру-
ди поблескивала золотая эмблема — цветок стилизованной ли-
лии и парящий над ней альбатрос. Постоял перед зеркалом,
вызвал на связь диетолога, распорядился доставить завтрак в
каюту. Взглянул на часы. Торопиться некуда — до старта
люгера больше трех с половиной часов. Возник соблазн: выйти
на лыжную горку «поймать ветерок». Нет, Грижас не даст.
Поднимет скандал и не даст. Даже пройтись по лыжне не
позволит, хотя там ее пропахали настолько, что ездить про-
тивно. Вчера не позволил. «Сделайте милость, Андрей Василь-
евич, разрешите своему организму стабилизироваться после ра-
бочей нагрузки. На двое суток я запрещаю вам все виды сило-
вых разминок. Бассейн, и только бассейн. Но и в воде без вся-
ких спортивных фокусов». Ладно, бассейн. Тоже неплохо. А что
касается «фокусов» — это Грижас как-нибудь переварит, ему
не впервые.

Андрей рассовал бытпринадлежности в гнезда фиксаторов,
вышел.

2. ОРЛЫ МУХ НЕ ЛОВЯТ

Пока он отсутствовал, автоматы-уборщики сделали свое дело:
искусственный мох был промыт и аккуратно причесан, свежо и
опрятно пахло геранью. Из спального отделения исчезло белье.
Рабочие стол и кресло тоже исчезли — в холле, кроме порт-
феля, ничего не было. Портфель не значился в программном
регистре уборщиков.

— Тринадцать-девять, — произнес Андрей формулу обраще-
ния для автомата-бытопроизводителя. — Завтрак.

Метровый участок ковра вспуился, неприятно зашевелился
(словно там задергалось что-то живое), мох сошел пухлыми
складками и, пропустив наружу матово-белую полусферу, сно-
ва сомкнулся вокруг ножки подъемника.

— Кресло, — добавил Андрей.

Ковер повторил неприятное шевеление. Усевшись, Андрей,
ощутил последнюю судорогу кресла, подумал: «Гармония меж-
ду вещами и человеками». Ударом пальца о край полусферы
заставил ее распахнуться. Приятный сюрприз: в хрустальном
вазоне живая ветка расконсервированного багульника. Едва
он наполнил бокал кумысом, как тишину под сводами грота
разогнали прозрачные звуки клавира Гайдна. Завтрак был сер-

вирован хрусталем алмазной огранки. Давно бы так. Металл надоел...

— Тринадцать-девять, будь любезен... окно.

Лунный блеск таежной поляны угас — за пределами грота распахнулась звездно-черная пропасть.

В стекловидных толщах диковинно вогнутых деталей интерьера каюты потекли ручи рубиново-красных огней (в спальне — медово-оранжевые). Будто сидишь в огненной полости раскаленного до свечения кварцевого массива. И будто бы свежесть воздуха объясняется тем, что открытая в звездную бесконечность сторона этой полости пропускает сюда космический холод.

Под прямым углом к траектории орбитального радиус-хода ничего, кроме звезд, не было видно. Андрей пил кумыс и смотрел, как драгоценный ковш Большой Медведицы медленно заваливался кверху дном. Ось этого медлительного, малозаметного для глаза переворота проходила через крайнюю звезду ковша — Дубхе (сегодня, как и вчера, она держалась у левого среза окна-экрана). Парадокс профессии космонавта: чаще всего имеешь дело как раз с неподвижными звездами. Во время крейсерского хода практически полная неподвижность звездной сферокартины утомляет молодых пилотов-стажеров больше, чем все остальное, — шестичасовое однообразие крейсерских вахт они пытаются скрасить разными способами. Он старался не вмешиваться. Сами должны усвоить: любые способы бесполезны. Кроме одного: ни на минуту не терять ощущения скорости. Но для этого надо родиться пилотом.

— Тринадцать-девять. Передний обзор.

Всю ширь обзорного поля заполнила собой дымящаяся выпуклость багровой атмосферы Титана. Красновато-оранжевый цвет плотной, как у Земли, газовой шубы создавал иллюзию, от которой сердце невольно сжималось в тревоге, — иллюзию мирового пожара. Казалось, «Байкал» совершает радиус-ход над планетой, застигнутой в момент уничтожительной войны... Крупнейший спутник Сатурна, медленно меняя panoramu очень расплывчатых багрово-дымных уплотнений в глубинах газовой — почти полностью азотной — оболочки, неторопливо поворачивался навстречу орбитальному движению корабля. Словно демонстрировал глобальность внутриатмосферного пожарища, а заодно свою планетарно-громоздкую неожиданность. Живописной противоположностью этому царству багровых красок был красиво переливающийся в верхнем, разреженном слое атмосферы шелковистый ультрамарин фотохимической дымки: местами с голубым отливом, местами с фиолетовым и густо-синим, как павлинье перо. По мере движения корабля голубые, синие и фиолетовые расплывы то вытягивались в широкие, но быстро тающие эфемерные арки, то преобразовывались в гигантские и тоже эфемерные трехцветные пятна. Кое-где сквозь дымку просвечивали самые яркие звезды. Прямо по курсу «Байкала» с опережением в полкилометра шел спутниковый комплекс «Титан-главный» — флагман орбитальных баз лунной системы Сатурна, или попросту ФОБ на языке сатурнологов. Андрею вспомнилось, как вчера утром, после корректировки сближения, штурман «Байкала» Иван Ермаков отпустил по адресу ФОБа:

«Сдается мне, эта штука сбежала из духового оркестра». А кто-то добавил: «И по пути разнесла продовольственный склад. Иначе откуда на ней такая прорва бидонов, бутылок, сосисок, колбас и консервных банок!..» Шутка была заразительна: теперь ему тоже казалось, будто центральный корпус ФОБа «здраво смахивает на ненормальных размеров корнет-а-пистон», окруженный четырьмя бидонообразными громадами и обильно увенчанный дополнительными пристройками самой причудливой формы, которые портили вакуум-архитектурную композицию этого, в общем-то, впечатляющего космотехнического комплекса.

Андрей неторопливо жевал, разглядывая щедро иллюминированный ФОБ и отмечая, что изменилось в нем за год. Изменилось многое. Сверкал на солнце парус новой антенны ДС (дальняя связь). Дополнительные пристройки, которых не было прежде, густо, как пеньки опятами, обросли разнообразным оборудованием. Везде были натыканы штанги и мачты, чаши лидаров, странно мерцающие синими блестками шары на тубусных удлинителях, собранные в гроздья кристаллоподобные блоки каких-то приборов. И еще там торчала в разные стороны всякая всячина. ФОБ начисто потерял силуэт корабля...

Семь лет назад этот космотехнический монстр не был ФОБом, а назывался «Дунай» и представлял собой экспериментальный корабль — первый из кораблей класса МКК — ДВС (скоростной многокорпусный контейнероносец для Дальнего Внеземелья). Проект МКК вызывал ожесточенные споры: скептики опасались вибрации боковых корпусов. И, как показали ходовые испытания «Дуная», опасались не зря: вибрация на два порядка превысила допуск. Даже скептики не были рады своей правоте, в конце концов Земле не нужна правота неудачи. Земле был нужен рентабельный космоТранспорт для надежной связи с базами Дальнего Внеземелья. Рентабельный — значит, более скоростной и более грузоемкий. То есть речь шла о строительстве многокорпусных сверхкораблей типа «люстра». Но результат испытаний «Дуная» кое на кого подействовал подобно ушату ледяной воды.

Узел противоречий вокруг проекта МКК — ДВС затянулся туго. С одной стороны, экономически соблазнительные преимущества лайнеров типа «люстра» в сравнении с однокорпусными лайнерами типа «моно». В том числе неслыханная простота погрузочно-разгрузочных операций. Принять на грузовой орбите Луны предварительно загруженные контейнерами корпуса, быстро соединиться с ними в компактную «люстру», быстро доставить по назначению и так же быстро освободиться от них, что может быть проще? С другой стороны, фиаско «Дуная». Чем больше увеличивали жесткость конструкций, тем сильнее трепала ее вибрация. Дело дошло до того, что кое-кто из признанных авторитетов в области космического кораблестроения публично отрекся от идеи «люстровых» сверхкораблей. Дескать, идея опередила свой век.

Но удача пришла. Причину вибрации устранили довольно просто: вообще отказались от жесткой конструкции. В результате новый экспериментальный МКК «Енисей» с его полужестким каскаднолюстровым сочленением трех концентрических ярусов вызвал в среде пилотов скорбное замешательство. Пилоты

буквально шарахались от предложений участвовать в ходовых испытаниях новорожденного сверхкорабля. «Меня — водителем этой трясучки?! Да ни за что!» — «Простите, я не умею летать на театральных люстрах». Преодолеть психологический барьер мог не каждый. Первым это сделал Валаев. Надо было видеть его лицо за минуту до старта. Скулы в буграх желваков, глаза сужены, а от холодного взгляда острых, как гвозди, зрачков мороз вдоль спины продирал. На двадцатой секунде отсчета готовности они с Валаевым, полулежа в спаренном пилотажменте, не сговариваясь повернули головы, чтобы взглянуть друг на друга. Валаев сказал: «Пустое болтают, Андрюша. Мы научим эту машину летать. И заодно научимся сами». Он ответил кратко: «Научимся». А за пять секунд до нуля добавил: «Орлы мух не ловят».

Валаев был прав: летать на «люстровых» МКК надо было учиться. Простейшие маневры (скажем, коррекция в картины плоскости), выполнить которые на конструктивно жестком кораблике — раз чихнуть, на полужесткой машине бросали пилотов в пот. «Енисей» казался игрушкой инерционных сил, и управлять его изменчиво гибкой архитектуройказалось делом немыслимым — при любом маневре чувствуешь себя как в тарелке с колышущимся студнем. А на маневре глубокого торможения, когда гигантская «люстра» медленно выворачивалась наизнанку всеми тремя ярусами, возникало чуть ли не ощущение катастрофы. Потом привыкли, появился опыт.

Свечение верхнеатмосферного слоя Титана померкло. Андрей оглядел сизую полосу возникшего впереди терминатора, перевел взгляд на прямую и тонкую, как лезвие шпаги, жемчужную вертикаль над пепельной линией горизонта. Лезвие, угрожая зениту, медленно поднималось в черное небо. Выше и выше...

Полыхнула малиново-красная молния.

— Телевизит разрешаю, — поспешил сказать Андрей и поднялся. — Салют, капитан!

В кресле напротив сидел Валаев.

— Сядь, — сказал капитан. — Салют.

У Валаева были русые волосы, крупные черты лица, большие руки, силы невероятной, и шафрановая от загара кожа. По контрасту с белым свитером и светлыми волосами кожа казалась темнее, чем на самом деле.

— Поздно поднялся? — спросил Валаев.

— Нет, — ответил Андрей. — Но торопиться мне вроде бы некуда.

Помолчали. Валаев вертел между пальцами что-то похожее на большую бронзовую монету с дыркой посередине.

— Как самочувствие? — полюбопытствовал он.

— Самочувствие великолепное, благодарю. Как ваше?

— Можешь не выкатываться, мы не на вахте. Как настроение?

Андрей посмотрел капитану в лицо.

— А на кой леший тебе мое настроение?

— Когда первый пилот уклоняется от телевизита координатора, это меня интригует.

— Он что... пожаловался?

— Ты должен его принять.

— А это уж как мне захочется, — сказал Андрей. — Тем бо-

лее что с сегодняшнего утра я не только не первый — вообще не пилот. Минимум на неделю.

— Ну за что такое мне наказание — командовать сибирским экипажем? — вслух подумал Валаев.

— Очень жаль, но с сегодняшнего утра я всего-навсего представитель экспертного отдела УОКСа.

— А я всего-навсего представитель снабжения. Целое утро пытался втиснуть главе хозяйственной службы «Титана», что пластик с дырками пенится быстрее монолитного и что технологии базовых строек будут в восторге. — Капитан подбросил в ладони дырчатый диск. — А координатор Аверьян Копаев — всего-навсего представитель МУКБОПа...

— Да?! — Андрей поднял бровь. — Чем я вызвал к себе любопытство службы космической безопасности?

— По-моему, это связано с твоими экспертными делами.

— На танкере?! Что за чушь!.. Кому нужен этот доисторический «кашалот»..

— Сатурнологам. Под орбитальную базу.

— Спасибо за информацию.

— В эксперты я тебя больше не отпущу. Первый раз и последний. Не твоя работа. Тем более если в ней замешан МУКБОП. Ты прирожденный «люстровик», гений скоростного пилотажа. Недаром коллегия прочит тебя в капитаны на «Лену» или «Тобол» — в принцах, брат, ходишь... Ты меня знаешь, я не люблю сорить комплиментами, но твой маневр глубокого торможения с выходом на Титан...

— Я тебя знаю, — перебил Андрей. — И теперь понимаю, кого из нас двоих ты успокаиваешь. Мне в это дело тоже внести свою лепту? Или как-нибудь обойдешься?

Несколько мгновений собеседники молча разглядывали друг друга. Валаев поднялся. Следом поднялся Андрей.

— Ладно, — сказал капитан. — Орлы мух не ловят. Что передать?

— Копаеву? Пусть приходит. — Андрей посмотрел на часы. — Бассейном придется пожертвовать.

— Не надо жертв. Все заняты подготовкой к разгрузке, и никого, кроме вас, голубчиков, в воде не будет.

3. НОКДАУН

В аэраии он зашел в гардеробный павильон, быстро разделся. Решетчатый потолок пропускал свет и тепло, в павильоне стоял запах нагреветого дерева. От жалюзи веяло прохладой — он чувствовал это голыми ногами. Холодок натягивало из бассейна. Температура воды наверняка ниже нормы. И превосходно. Затягивая ремень на плавках, он поглядел в щели между пластинами жалюзи. Сквозь прозрачную воду желтело дно. Противоположной стенки бассейна не было видно, потому что блеск натуральной воды сливался там с блеском иллюзорной лагуны атолла; на круговой песчаной косе торчали высокие пальмы. Непривычно тихо в бассейне — ни единого всплеска.

Из аэраии он выбрался по винтовой лестнице на трамплин и только теперь увидел сверху Копаева. Представитель

МУКБОПа лежал на парапете животом вниз, одетый, и, подпрев голову кулаком, смотрел в воду. Андрей невольно перевел глаза на то место, где вчера был пляж, и глазам не поверил. Вчера он сам наблюдал, как трое сменившихся с вахты парней, весело орудуя пневмохоботами монитора, наваливали в пляжное корыто гранулированную пластмассу. А сегодня насыпка куда-то исчезла.

Копаев увидел его, помахал рукой.

— Здравствуй, — сказал Копаев. — Доброе утро.

— Привет. — Андрей прыгнул в воду, вынырнул у трапа, вылез из воды. Сел и спросил: — Так о чем разговор?

— Голый одетого не поймет, — без улыбки пошутил Копаев и стал раздеваться. — Мокрый сухого — тем более. — Он бросился в воду. Шумно поплыл к трапу, вылез. — Мне представяться не надо?

— Нет, — сказал Андрей, — не надо.

— Вода ледяная, некому подогреть... Я, видимо, должен перед тобой извиниться.

— За холодную воду?

— За слишком ранний телевизит. Я здесь новичок и... Ну, словом, не все еще тонкости корабельного этикета мне...

— Ладно, оставь.

Андрей смотрел на иллюзорный ландшафт. Листва несуществующих пальм пошевеливал несуществующий ветер. Искусственное солнце уступало по яркости настоящему, ноправлялось со своими обязанностями неплохо: давало хороший загар.

— До старта люггера два с половиной часа, — проговорил Копаев. — Давай думать, кому лететь на Япет.

Андрей поднял бровь. Сухо ответил:

— Полетит тот, кому поручена работа эксперта.

— Андрей, тебе поручили мою работу. Сам понимаешь, экспертиза на танкере никому не нужна, — добавил Копаев. — И так ясно: «кашалот» давно устарел, его надо списывать. Прощу, сядь. Разговор впереди.

— О чём? Я мешать не намерен.

— Да. А помочь?

— Помочь? — Андрей покосился в сторону собеседника. — В каком смысле? Кому?

— В прямом смысле. Мне, себе, своим детям. Человечеству.

— Погоди насчет человечества. Ты предлагаешь мне быть твоим ассистентом?..

— Нет. В слова про то, что тебе поручили мою работу, вложен буквальный смысл.

— Позволь, позволь... Морозов был в курсе?

— Нет. Но утвердил тебя экспертом по нашей просьбе.

Андрей молча сел.

— Правда, это вовсе не значит, что мы затянули последнюю гайку, — продолжал Копаев. — Ты не сотрудник МУКБОПа и... как говорится, вольному воля. Скажу откровенно: я не в восторге от перспективы уступать тебе свое рабочее место и был бы рад твоему несогласию. Но руководство оперативно-следственного отдела считает, что у меня меньше шансов добиться нужного результата на танкере, чем у Андрея Тобольского.

«Вот это маневр!..» — подумал Андрей, разглядывая собе-

седника в упор. Вид у Копаева был действительно невеселый.

— Осталось узнать, — добавил Копаев, — как смотрит на рекомендацию нашего ведомства сам Тобольский.

Андрей помолчал. Аверьян сидел неподвижно и глядел на воду. Лицо его было теперь совершенно бесстрастным.

— Серьезное ведомство, — проговорил Андрей. — Если мы не прислушаемся к рекомендациям его руководства, это, по-видимому, не сделает нам чести... Но учти, я ставлю условие. Полная откровенность с твоей стороны, предельная ясность. Я никогда не затевал возни за чужой спиной и терпеть не могу, если ее затевают за моей собственной.

Глаза Копаева уставились куда-то вдали.

— Я обязан предупредить, — сказал он. — Возможно, дело будет для тебя тяжелым.

— Риск?

— Не думаю. Вряд ли. Хотя и это не исключено... Нет, я имел в виду сложности иного порядка. Пилоты УОКСа, как правило, плохо себе представляют нашу работу.

— Кто виноват? Все у вас под замком, под секретом. Я, к примеру, и настоящего паллера никогда в руках не держал.

— Понимаю. — Аверьян покивал. — В голове у тебя детективная каша. Темные коридоры старого танкера, паллер под мышкой, погони, стрельба... Вот только гоняться там будет не за кем. На борту «Анарды» всего один человек. Да и тот — капитан.

— Ты... серьезно? На танкере один Меф Аганн?

— По данным сектора орбитальной эксплуатации.

— Да они что там, в секторе, совсем обалдели! — взорвался Андрей.

— Не кричи, — попросил Копаев.

— Бросили человека одного на орбитальном приколе! А ну-ка тебя — в ржавую, грязную бочку, и чтоб на борту никого и миллионы километров до ближайшей базы?

— Вот и составь ему компанию. Повезет — узнаешь причину его добровольного одиночества.

— Добровольного? — переспросил Андрей. — Чушь! Позволь не поверить.

— Факты.

— Какие факты? Откуда?

— Из карманов твоего родного УОКСа. Как желаешь — вразброс, по порядку?

— Ладно... давай по порядку.

— Загибай пальчики. Год назад «Анарду» снимают с юпитерийской линии и загоняют сюда — на прикол у Япета. Команда согласно вашим традициям ритуально прощается с кораблем и, уронив скучную мужскую слезу, переходит на борт «Соймы»...

— С кораблями прощаться тебе приходилось?

— Бывало, с кораблями прощаются гораздо сентиментальнее, чем с людьми... Так вот, среди тех, кто вернулся на «Сойму» в Леонов, капитана «Анарды» не было. Вашей администрации, которая имела в виду торжественно проводить ветерана Дальнего Внеземелья на заслуженный отдых, оставалось развести руками. Загни первый палец.

— А что же администрация Сатурн-системы?

— Ничего. «Титан-главный» несколько запоздало сообщил на Луну, что Аганн самодеятельно развернул на «Анарде» подготовительный комплекс работ. Не дожидаясь актов списания и передачи, проводит очистку танков, стерилизацию и полуконсервацию кают, демонтаж полетного оборудования, мелкий ремонт...

— И все один?

— От услуг орбитальной команды он вежливо отказался. Загибай второй. Мало того, Аганн обещал к прибытию стройбазовых монтажников закончить подготовительные работы едва ли не в полном объеме.

— Но ведь «Титан» обязан...

— А что «Титан»? Им это на руку. Увязли в стройках по горло — монтируют сразу две стационарные базы, шесть орбитальных. Базу космодесантников «Снежный барс» расширять собираются, на очереди — исследовательская станция «Фермуар» в Кольце. У них тут, кроме проблем и забот, всего не хватает. Времени, мастерских, оборудования, материалов. Сегодня я был свидетелем разговора Валаева с хозяйственниками «Титана-главного». Валаев им документы на стол — дескать, радуйтесь, земляки, гору всяких товаров мы вам сибирским обозом доставили. Они ознакомились и говорят: «Мало. Для Сатурн-системы — капля в море. Нам нужно больше раз в сто. Система наша богатая, долги вернем с лихвой». Один оглядел капитанский салон, языком пощекал и говорит: «Вах, как роскошно живете! А у нас учёные-кольцевики спят где попало. Половина спит в условиях невесомости — верите, нет? В душевой, стыдно сказать, во-от такой список висит. Зачем? Купаться хочешь — пиши фамилию в очередь. Банный отсек для уважаемых людей соорудить не можем. Металла нет, керамита нет, монтажники заняты. Двадцать тонн самой обыкновенной пластины — проблема!» Валаев сидел перед ними как на иголках. Все, что мог, из корабельных запасов отдал. Вон даже насыпку из пляжного корыта выгребли...

Андрей чувствовал на себе изучающий взгляд Аверьяна, и это его раздражало.

— В общем ясно, — перебил он. — Не скоро дело у них до «Анарды» дойдет.

— Андрей, раньше всех это было ясно Аганну.

— Допустим. В итоге?..

— А ты загибай пальчики, загибай. В итоге получится кукиш, который продемонстрировал Аганн УОКСу в ответ на предложение выйти в отставку. Он обвел вокруг пальца всю вашу администрацию и добился желанного одиночества без отставки. И теперь — один на один с мириадами звезд и миллионами, как ты уже имел случай отметить, километров до ближайшей базы. Этакий, извольте видеть, Диоген Дальнего Внеземелья... Есть возражения? Что скажешь?

— Есть, — сказал Андрей. — Года полтора назад в Леонове на занятиях по переподготовке я часто видел Аганна. Иногда мы с ним беседовали. Однажды, затронув какую-то профессиональную тему, засиделись в холле гостиницы «Вега» почти до

утра. Никаких признаков мизантропии... О своих товарищах по работе он отзывался уважительно и тепло, с ним приятно было общаться.

— Твои слова удивили бы экипаж «Анаарды».
— Неправда. Аганн профессионал, экипаж относится к своему капитану с почтением.
— Да. Но все как один считают его нелюдимым.
— Может, здесь что-нибудь возрастное?
— Он выглядит старым?
— Н-нет... Сначала я даже принял его за ровесника Валаева. Однако Аганн старше нас с тобой лет на... пятнадцать?

— На двадцать. Ему пятьдесят три.
— В таком возрасте, говорят, иногда охота побить одному.
— Иногда.
— Не знаю, не знаю... Со мной он был общителен и приветлив, был откровенно рад поговорить о том о сем.
— Только с тобой.
— Ну что ж, — сказал Андрей, — теперь мне хотя бы понятно, почему вы решили меня... А вот за каким лешим прицепились к Аганну МУКБОП? Нелюдимость — черта, конечно, тяжелая, но...

— Минуту назад ты чуть ли не с кулаками...
— Я был не прав, извини.
— Ты был прав. Нашей службе давно следовало бы заняться Аганном. Еще в те времена... Или хотя бы когда «Сойма» ушла на Луну без него. Надо было немедленно выяснить, по какой причине этот отшельник надел сандалии отчуждения и направил стопы в вакуумную пустынь. И какому богу творит молитвы в своем орбитальном скиту...

Андрей почти со страхом смотрел Аверьяну в лицо. Представитель МУКБОПа словно бы ощетинился, как потревоженный дикобраз, лицо стало неузнаваемо жестким, глаза неприятно сузились. «Похоже, он ненавидит Аганна!.. — внезапно сделал для себя открытие Андрей и даже как-то растерялся от своей догадки. — Нет, при такой ситуации лететь к Япету должен именно я».

— Окунемся? — сказал он. — Жарко.
Копаев молча подтянул под себя ноги и буквально с места, подобно спущенной пружине, взвился вверх. В воду вошел через двойное сальто с винтом.

«Готовый цирковой номер, — подумал Андрей. — Шикарно их там тренируют, в МУКБОПе». Он подавил желание повторить прыжок Аверьяна (чувствовал, без подготовки выйдет конфуз) и отделился от парапета прозаической «ласточкой».

Покружил у самого дна, обследовал решетку на горловине сливного тоннеля. Вода была очень холодная и прозрачная — светло-желтое дно просматривалось далеко. Было видно, как мускулистое тело Копаева гибко скользнуло в сторону трапа.

— Не могу, — виновато сказал Аверьян, уступая Андрею место на трапе. — Не по мне это дело — открывать купальный сезон в Ледовитом океане. — Все его тело было в пурпурных шишках.

— Сибиряк называется...

- Меня сбивает с толку южный ландшафт. — Аверьян смотрел на лагуну. — Я впечатлительный.
- Может, твое сибирское происхождение тоже легенда?
- Нет. Мы с тобой земляки.
- В системе Сатурна мы все земляки.
- Я из Ангарска. Мы с тобой даже родились в одном и том же главрайоне восточносибирского мегаполиса.
- Правда?
- Чего ради буду обманывать?
- Ну мало ли... — Андрей поискал на ступеньках трапа сухое место. — Профессия у тебя такая.
- Плохо знаешь мою профессию.
- Вот слушаешь новости Внеземелья, и начинает казаться, будто работа всего вашего ведомства лежит в основном на плечах Западного филиала.
- Да, если ты имеешь в виду охрану правопорядка. Иное дело — проблемы космической безопасности в целом. Тут, как метко выразился один мой западный коллега, дел у обоих филиалов выше бровей. Зачастую приходится объединять дела и работать вместе. Называй себя как угодно — Востоком, Западом — проблемы не перестанут быть общими. К примеру, «нейтринно-солнечные синдромы» Меркурия били наотмашь любого. В очаговых районах венерианского «синего бешенства» и марсианского «резинового паралича» падал каждый четвертый.
- Что ни день сапиенс отвоевывает у Внеземелья новые территории, в каждом выпуске новостей полно победных реляций...
- А я о круговой обороне? — Лицо Копаева сделалось сумрачным. — Андрей, многим еще невдомек, что мы начинаем судорожно защищаться от неприятностей Внеземелья уже на исконной своей территории — в пределах Земли. Это я к вопросу о победных реляциях. А касательно состояния дел на оборонительном фронте имею доложить: ни круговой, ни сколько-нибудь надежной обороны создать мы не в силах. По крайней мере сейчас.
- Наши предки с помощью космонавтики прорубили в Пространство окно, и мы всегда считали это великим достижением...
- Окно они прорубили для нужд космической миссии человечества, — напомнил Копаев. Снял с поручня трапа забытые кем-то солнцезащитные очки. — А вовсе не для того, чтобы всякие там опасные неожиданности Внеземелья заползали через это окно в наши земные дома.
- Андрей, не сводя глаз с лица Аверьяна, облокотился на по ручень, спросил:
- Тебе непременно надо меня пугать?
- Моя задача скромнее: дать прочувствовать обстановку. — Аверьян протяжно вздохнул. Подышал на стекла очков.
- Не вздыхай. Не я затеял беседу.
- Думаю, мы не в силах притормозить маховик внеземной экономики. — Копаев надел очки, и Андрей увидел свое отражение в темных стеклах. — Я уж не трогаю другие маховики нашей сверхрасторопной цивилизации. На данном этапе.
- На данном... Как будет дальше?

— Андрей, в последнее десятилетие Внеземелье очень жестко дало нам понять: шутки в сторону. Есть основания для серьезного беспокойства за сохранность природной сущности человека вообще. Что и как будет дальше, никто не знает.

— Тебя послушать... Земля оскудела умами.

— Однажды мне довелось побывать на ученом совете института генетики, — вяло, словно бы нехотя проговорил Копачев. — Был любопытный доклад. Двое иммуногенетиков выразили сомнение, что человечество поступает осмотрительно, расширяя колонизацию Меркурия и Венеры. Особенно Меркурия...

Андрей уставился на собеседника.

— В чем смысл опасений?

— Насколько я понял, Солнышко наше — это такая штука, возле которой нам, человекам, следует держаться никак не ближе радиуса земной орбиты, — пояснил Аверьянов. — Во избежанис.

— Мутаций?

— Да. Воздействие всякого рода изученных и неизученных излучений... Десять, темпы меркурианских мутаций на порядок выше земных. Десять, на поколениях потомков это скажется неминуемо. Но я о другом. На ученом совете нашлись и такие, кто пытался освистать доклад. Понимаешь?

— А если докладчики перегнули палку?

— Встречный вопрос: а если нет?

— Тогда — третейский суд.

Аверьянов покивал:

— То есть третья группа умов должна рассудить спор двух первых. Так и делаем. Земля не оскудела умами. По любому вопросу безопасности Ближнего Внеземелья создаем ученыe советы, комиссии, подкомиссии, комитеты, агентства. Трудно даже сказать, сколько их работает под эгидой МУКБОПа. Международных и региональных. Специальных, функциональных, экспертизных, координационных. Всяких. Нагромождаем друг на друга этажи умов, ярусы авторитетов... Вдобавок теперь нас прижимают к стене «сюрпризы» Дальнего Внеземелья. Как быть? Уловать на неисчерпаемость интеллектуальных ресурсов родимой планеты?

— Значит, так обстоят дела... — пробормотал Андрей.

— Да, — сказал Аверьянов. — Лавина. Теперь основная наша забота — сохранить природную сущность людей вообще. Средств, правда, у нас для этого маловато... И знаний.

— Сдается мне, чем больше мы приобретаем знаний о Внеземелье, тем подозрительнее к нему относимся.

— Кто-то из древних сказал: «Во всякой мудрости есть много печали, ибо знания умножают скорби». Не предугаданы ли в бородатом афоризме наши теперешние затруднения с Внеземельем?

— Мы уклонились от предмета нашего разговора.

— Неужели?

Андрей быстро взглянул на него. Лицо Аверьяна было по-прежнему сумрачным. В темных стеклах очков отражался пальмовый частокол иллюзорной лагуны. Андрей пояснил:

— Я имею в виду «Анарду» и Мефа Аганна.

— Ты полагал, я толкую о чем-то другом?

— Хочешь сказать...
— Да. Аганн — один из самых тревожных «сюрпризов» Дальнего Внеземелья.

Андрей выпрямился. Погладил рифленый отпечаток поручня на локте, проговорил:

— Не зря, значит, мне показалось, что ты его ненавидишь.
Пальмовый частокол в стеклах очков Аверьяна мгновенно сменился отражением головы собеседника.

— Тебе показалось. Разве можно ненавидеть стену, о которую треснулся лбом в темноте?

Андрей смолчал.
— Я понимаю, Аганн произвел на тебя приятное впечатление. И превосходно. Там, на «Анарде», ты должен будешь постоянно поддерживать огонек «приятного впечатления».

— Мне это будет нетрудно.
— Ошибаешься, — тихо сказал Аверьян. — Именно в этом сложность твоей миссии.

— Ничего не понимаю, — признался Андрей.
— Аганн каким-то непостижимым образом физически ощущает малейшую к себе неприязнь. Вот потому-то тебя... вместо меня.

— Да? А у тебя что...
Копаев понял вопрос с полуслова:

— А я никогда приятно с ним не беседовал. Я его и в глаза не видел. Как полагают наши психологи, имитировать положительные эмоции мне не удастся. Полагают, тебе будет легче.

— Верно. Я не испытываю к Аганну ни малейшей неприязни. И не думаю, чтобы там...

— Поводы будут, — загадочно пообещал Копаев. — Кстати, о чем вы беседовали с ним в гостинице «Вега»?

— Я уже говорил. На профессиональные темы. Вспоминали, конечно, свою альма-матер. Меф тоже учился в иркутском вузе.

— Аганн упоминал о рейдере «Лунная радуга»?
— «Лунная радуга»?.. Нет. Это имеет значение?
— В беседе на профессиональные темы с первым пилотом «Байкала» бывший первый пилот «Лунной радуги» ни словом не обмолвился о рейдере, на котором летал многие годы. А ведь было здесь о чем поговорить. Один только рейд к Урану чего стоил.

— Нет, о системе Урана он не упоминал.
— Профессиональная беседа Аганна с тобой была на редкость содержательной. — Аверьян снял очки, нацепил их на поручень. — Что-нибудь вообще ты помнишь про оберонскую эпopeю десятилетней давности?

Андрей отвернулся и стал смотреть на блестящую воду лагуны. В тот год он летал пилотом-стажером — марсианская линия, танкер «Айгуль». Экипаж был печально заинтригован единственным исчезновением «Леопарда». Обсуждали на вахтах каждое сообщение с борта «Лунной радуги». Весть о гибели начальника рейда Николая Асеева потрясла пилота-стажера...

Андрею вспомнились кадры фильма про оберонский гурм. Десантники «Лунной радуги» в разноцветных скафандрах. По цвету, видимо, только и различали друг друга, но Асеева он узнал

легко. Сразу обратил внимание на человека в лиловом скафандре с лиловыми искрами катофотов, потому что этот скафандр превосходил размерами все остальные...

— Я знал Асеева, — сказал Андрей.

— Кого еще ты знал из погибших на Обероне? Напомню их имена: Мстислав Бакулин, Аб Накаяма, Леонид Михайлов, Рамон Джанелла и командир группы десантников Юс Элдер.

— Никого. Я был еще желторотым курсантом.

— А тех, кто вырвался из обсеронской западни?

— Видишь ли... — Андрей чувствовал себя неловко. — Весть о гибели Асеева так...

— Понимаю. Ну хорошо, Агнна ты теперь знаешь. Тимура Кизимова? Дэвида Нортона? Эдуарда Йонге? Жана Лорэ?

— Жан Лорэ... Такого не помню. Остальных знаю. Да и кто их не знает — известные космодесантники.

— После событий на Обероне Лорэ сразу вышел в отставку, — пояснил Аверьян. — Кстати, Нортон, Йонге, Кизимов тоже проявили нервозность и пытались выйти в отставку досрочно. Однако притихли, как только УОКС перевел их из Дальнего Внеземелья в десантный отряд на Меркурий. Что им мешало работать в системах внешних планет, остается неясным. Агнн повел себя по-другому. Дальнее Внеземелье его не пугает. Скорее наоборот...

— Но Кизимов, Нортон, Йонге теперь, я слышал, отставники?

— Теперь — да. Внешне все у них выглядят благополучно: ветераны Внеземелья на заслуженном отдыхе. Живут себе уединенно и тихо. Нортон и Йонге в Америке, Лорэ в Европе, Кизимов в Азии. Агнн почему-то обосновался в системе Сатурна, возле Япета.

— Дался тебе Агнн! Ну, скажем, характер у него не такой, как у прочих.

— Ну, скажем, характеры у них у всех разные, — не то возразил, не то согласился Копаев. — Но вот странность: все пятеро обладают общей чертой. Нелюдимостью.

— Иными словами, в МУКБОПе считают, что нелюдимость пятерки — внеземное «приобретение». Но об этом я уже догадался.

— А как насчет догадки о том, что до катастрофы на Обероне никто из них не отличался склонностью к отчуждению?

— А чего вы хотели? — осведомился Андрей. — Чтобы у них после драмы на Обероне все оставалось по-прежнему?

— Тяжелый вопрос. Но, как минимум, мы не могли не хотеть, чтобы каждая персона из этой экзотической пятерки оставалась человеком.

— Как минимум?

— Да. Они не люди, Андрей.

— Что?..

— Не люди, — подчеркнуто внятно сказал Аверьян. — И в этом все дело. — Он со злостью отпустил поручень трапа, вспрыгнул на парапет и зашагал туда, где была одежда.

Машинально поймав на лету падающие очки, Андрей посторяя, пытаясь определить свое отношение к словам Аверьяна. Разумеется, он сознавал, что по логике этих мгновений непре-

менно должен быть ошарашен, ошеломлен или хотя бы растерян. Но ничего такого не чувствовал. Ничего, кроме своей беспомощности. Как на развилке дорог в незнакомой степи. Он не мог заставить себя усомниться в человеческом естестве Аганна. Однако считать Копаева идиотом тоже вроде бы глупо. Во всяком случае — сложно. Пришлось бы менять давно устоявшийся взгляд на МУКБОП... Повесив очки на прежнее место, Андрей стал смотреть, как представитель МУКБОПа надевает желтые брюки.

Копаев вернулся, и Андрей очень близко увидел зрачки его серых внимательных глаз. Копаев стоял и смотрел собеседнику прямо в глаза.

— Ну, — пробормотал Андрей, — чего уставился?

— Да так... Мне показалось, я потряс тебя информационным ударом.

— Изучаешь, в глубоком ли я нокдауне? Счет открыть не забыл?

Аверьян кивнул в сторону аэрария.

— Пойдем туда, я должен кое-что показать. Здесь слишком светло.

Уже на ходу он доверительно сообщил:

— Каждая особь из этой пятерки нелюдей все еще сохраняет в себе ряд истинно человеческих качеств. Причем не только на словах. Кое-какие поступки и... В общем, в нашей системе понятию «нелюдь» мы пока предпочитаем кодовое название «экз-зот».

Андрей почувствовал облегчение.

4. ПРИНЦ НА ГОРОШИНЕ

В аэрарии Копаев огляделся и молча направился в гардеробный павильон.

Андрей задвинул за собой бамбуковую дверь и увидел, что Копаев разглядывает штатив с одеждой.

— Это моя, — пояснил Андрей.

— Догадываясь, — проворковал Копаев. Задрал голову кверху — на лице отпечаталась тень потолочной решетки. Весь он был исполосован тенями, как зебра. — А где тут... управление голосом? Никак не привыкну.

«Продолжаем дурака валять», — подумал Андрей. Отдал приказ автомату:

— Сорок-пятнадцать, верхние светофильтры.

Решетка потемнела — все в павильоне окрасилось в изумрудный цвет. Видный сквозь жалюзи блеск воды почему-то казался теперь с розоватым оттенком. Андрей сел на жесткий диван, добавил:

— Стол.

Представитель МУКБОПа, наблюдая, как из-под настила вырастает пластиковый бутон и разворачивается блином столешница, одобрительно проворковал себе под нос: «Ну что за прелость эта подпольная мебель!» — сел и, покопавшись в портфеле, выложил на стол коробку фотоблинкстера. Хотел открыть, но Андрей остановил его руку:

— Погоди. Все же... кто они? Нелюди? Или экзоты?
— Жаждешь подробностей?.. Это сложно.
— Ничего. Я постараюсь понять.
— Хорошо, постарайся. Тем более что даже там, в спецотделе МУКБОПа, многого не понимают.

Андрей смотрел на Копаева. Тот медлил, что-то соображая.

— Видишь ли... Сотрудникам Западного филиала удалось скопировать необычайно важный документ — дневниковые записи бывшего десантника-«оберонца» Дэвида Нортоня. Документ заставил нас сделать два, казалось бы, взаимоисключающих вывода. Первый — успокоительного свойства...

— А именно? — быстро спросил Андрей.

— О нем я упоминал. Это насчет истинно человеческих качеств. Анализ рукописи... да и поступков Нортоня объективно свидетельствует: сознание и нравственные критерии бывшего «оберонца» не выходят далеко за пределы общечеловеческих норм. А что касается второго вывода... Знаешь, мы до сих пор разводим руками. После событий на Обероне природная сущность Нортоня разительно изменилась. Она не адекватна биологической сущности землян.

— Так... В чем это выражается?

— В том, во-первых, что физиология Нортоня, похоже, базируется на энергетике небиологического происхождения. Его организм способен аккумулировать энергию каким-то иным путем, не свойственным человеческому организму. Во-вторых, не только аккумулировать, но и очень эффективно расходовать. Эффекты «расхода» весьма экзотичны, и зачастую их специфика самому Нортону непонятна и неподконтрольна. Чаще всего он просто не понимает, что именно с ним происходит. Причины своей физиологии... точнее сказать, квазифизиологии бывший десантник переносит муачительно тяжело. Но больше всего он боится «мертвой тишины». Что кодирует Нортон в своем дневнике словосочетанием «мертвая тишина», мы не знаем. Впрочем, не все нам понятно и про особенности, которые открытым текстом...

— Какие особенности?

— Буквально нечеловеческие.

— А конкретнее?

— Конкретнее... Трудно, видишь ли, языком человеческим об особенностях нечеловеческих... Ну вот, вообрази себе на минуту, будто бы ты ни с того ни с сего вдруг стал способен подолгу не дышать, подолгу обходиться без сна, видеть в полной темноте — даже сквозь плотно сжатые веки. Способен слышать, видеть и обонять ультразвук, радиоволны, пульсацию незаметных для нормального человека электромагнитных полей, чувствовать их...

— Но это же сила! — вставил Андрей. — Это бы я с удовольствием...

— Не торопись, — возразил Аверьянов. — Нечеловеческая сверхчувствительность для человека удовольствие сомнительное. Запусти руки в кучу поваренной соли — что почувствуешь? Ничего особенного, верно? Нечувствительным к соли тебя делает твоя надежная сибирская кожа. А если кожа содрана в двух-трех местах? Пожалуй, взвоешь.

— Ладно, соль аналогии я уловил.

— Нет, всерьез попробуйся представить себя в шкуре Нортона. Попробуй хотя бы мысленно окунуться в хаос недоступных нормальному человеку звуков, запахов, излучений всякого рода. В том числе — биоизлучений. Добавь сюда биоизлучения собственного тела и вообрази, что ты способен с болезненной острой ощущать ток крови в своих артериях и работу желез... Во время магнитной бури ты испытываешь головокружение, теряешь ориентировку в пространстве, а во время грозы голова твоя просто раскальвается от дикой мигрени. Без особого для себя вреда ты можешь нырнуть едва ли не в кипяток, но стоит тебе поплавать в ледяной воде или сильно продрогнуть, как из всех пор твоей кожи начинает сочиться какая-то пакость — нечто вроде ртутно-блестящего пота. А бывают моменты, когда в твоем теле срабатывает какой-то совсем уж загадочный механизм, и ты, леденея от ужаса, вдруг теряешь свой физический вес. На Земле! Ни днем, ни ночью тебе не дает покоя неутолимая потребность в движении, в мышечной нагрузке. Поэтому усталость и сон, которые одолевают тебя только раз в трое-четверо суток, воспринимаешь как высшее благо... Нет, лично мне такая жизнь не доставила бы удовольствия.

— С ума сойти... — прошептал Андрей.

— В точку, — одобрил Копаев. — Я говорил об ощущениях Нортона. Однако есть свидетельства, что по такого рода ощущениям Нортон, Лорэ, Кизимов и Йонге — полные аналоги. Сострадальцы-экзоты.

— Среди них не упомянул Аганна. Случайно?

— Нет. — Копаев поерзal. — Тут есть одна тонкость... Но не обнадеживай себя.

Андрей спросил:

— И что... ничем нельзя им помочь?

— Они страдают уже десять лет, но никто из них не обратился за помощью. Более того, на контакт с нами экзоты решительно не идут. И очень стараются скрыть свое внеземное уродство.

— С какой стати?

— Этот вопрос тревожит нас больше всего. Из двух зол нормальные люди выбирают, как правило, меньшее. Почему нашим экзотам страдания в одиночестве кажутся меньшим злом — загадка из загадок. Вот и попробуй тут разобраться, чье сознание берет у них верх. Людей? Или нелюдей?..

— И медики ничего не заметили? — усомнился Андрей.

— Перед медосмотром экзоты умеют временно избавляться от «чужеродного заряда», — терпеливо пояснил Аверьянов. — В результате их физиологические характеристики на некоторый срок приходят в норму. Правда, это из области наших догадок... Природа «чужеродного заряда» и механизм его нейтрализации пока остаются для нас тайной за семью печатями. Но сам по себе метод нейтрализации прост до смешного. Экзот накладывает ладонь на действующий сингуль-хроматический экран любого типа — и «чужеродный заряд» как бы стекает на экранную поверхность. Улавливаешь?

— Да. Продолжай.

— Структура кварцолитовой поверхности экрана как-то странно видоизменяется — кварцолит совершенно теряет прозрачность в том месте, где прикасался экзот. На экране остается угольно-черный отпечаток ладони. Мы регистрируем такие отпечатки под кодовым названием «черные следы». Именно они дали нам повод впервые заинтересоваться десантниками-экзотами.

— Агани имеет какое-нибудь отношение к...

— Можно мне по порядку? — вежливо перебил Копаев. — Так вот, о феномене «черных следов»... Трудно поверить, однако Международному управлению космической безопасности «черные следы» известны лишь из показаний очевидцев. По большей части — случайных. Лишь одному штатному сотруднику Западного филиала удалось увидеть этот таинственный феномен воочию. Увидеть, и только! Спецы научно-технической службы МУКБОПа в ярости от того, что до сих пор не могут заполучить «черный след» в свои руки. Разумеется, виноваты мы, оперативники. Но мы ничего тут не можем поделать, потому что экзоты, заметая свои «следы», уничтожают экраны. То есть попросту разбивают их вдребезги. А после «экранной диверсии» никогда не забывают убрать кварцолитовый мусор, и все у них шито-крыто... Вывод сделаешь сам?

— Для вас «черный след», похоже, играет роль решающего фактора... Ну, который...

— Который позволяет нам безошибочно выделять экзота из среды полноценных людей, — подсказал Аверьян. — Верно. И почему бы вам, Андрей Васильевич, не перейти на работу в МУКБОП?

Андрей не ответил. Копаев вздохнул и сказал:

— Ну ладно. Тогда, по выражению программистов прошлого века, перфокарты на стол... Действительно, наше ведомство пока не вправе зачислить Мефа Агана в компанию «черноследников». Для этого нет у нас прямых улик — никто не видел его черных меток, тождественных «черным следам» Кизимова, НORTона, Ионге, Лорэ. Однако есть косвенная улика — его нелюдимость. Лично меня эта улика вполне убеждает: я без особого риска дал бы Аганну название — суперэкзот.

— Вот даже как!.. А куда подевалась знаменитая ваша «презумпция невиновности»?

— Никуда она не подевалась. Остается в силе, пока не будет доказано обратное. А доказать мы надеемся с твоей помощью. Так или иначе, но Агани у нас на подозрении. Цепочка «черных следов» тянется за каждым из «оберонцев»-экзотов. Почему бы ей не тянуться за «оберонцем» Аганны? Давно прошли времена, когда у подозреваемых насилием брали отпечатки пальцев, и никто о тех временах не жалеет. Но в этой ситуации лично я уже близок к тому, чтобы испытывать ностальгию... В общем, пока думай что хочешь, но, всего вероятнее, Агани — матерый суперэкзот.

Щелкнула откинутая крышка фотоблинкстера. Копаев переключил клавиши управления — из боковой стенки прибора выдвинулся стержень с белым шариком на конце. Тронув клавиш поиска кадров, представитель МУКБОПа бросил взгляд на при-

молчавшего собеседника, взялся за шарик. В пространстве над зеркалом отражателя возник объемный портрет Мефа Агана — желтоволосая с проседью голова в натуральную величину. Умные бирюзово-синие глаза глядели доверчиво, благожелательно и чуточку грустно.

— Ну, это неинтересно, — пробормотал Аверьян, — Агана ты знаешь, Йонге, Кизимова, Симича, Нортони... Вот Жан Лорэ и Марко Винезе.

Андрей посмотрел на портреты Лорэ и Винезе, вспомнил, что этих людей он тоже видел когда-то в Леонове или в Гагарине. Тихо спросил:

— Значит, и Золтан Симич, и Марко Винезе?..

— Да, — подтвердил Аверьян, — из той же компании «оберонцев»-экзотов. Ведь после оберонского гурма спаслись семеро. Но о Винезе и Симиче не было речи, потому что и тот и другой пропали без вести позже. Винезе — во время разведки пещер Лабиринта Сомнений на Меркурии. Симич — в южной зоне Горячих скал на Венере.

— Но еще в этом году я видел Симича в Гагарине!

— Он погиб незадолго до старта «Байкала». Точнее, пропал без вести. Мы вынуждены так говорить, поскольку никто не видел трупов Симича и Винезе. Хотя и тот и другой скорее всего действительно погибли. В живых теперь остались только эти пятеро — Агана, Лорэ, Кизимов, Нортон, Йонге.

— Н-да, — протянул Андрей, — веселенькая история...

— Дальше будет еще веселее, — мрачно пообещал Аверьян. — Дальше идут портреты десантников, погибших на Обероне. Как у тебя со зрительной памятью?

— Не жалуюсь.

— Смотри и старайся запомнить.

— Зачем?

Копаев нахмурился:

— Ты ведь взялся за это дело? Я правильно понял?

Андрей внимательно посмотрел на него. Сказал:

— Ты правильно понял. Но леший меня подери, если мне тут все ясно.

Копаев взглянул на отведенную руку.

— Я, — сказал он, — даю тебе очень подробную информацию. И не скрываю, что это пока еще только синица в руке. А журавль... сам знаешь где. У Япета. О какой ясности может идти речь?

«Чего-то он все-таки не договаривает», — решил Андрей. Но смолчал. Ему вдруг стало тревожно и неуютно. Отчего ему стало тревожно и неуютно, он не мог себе объяснить, и от этого неприятное ощущение только усилилось. Он слышал, как представитель МУКБОПа что-то переключил на пультике фотоблинкстера, и едва не вздрогнул, увидев изображение головы Николая Асеева. Широкое массивное лицо, приплюснутые уши, слегка приплюснутый нос. Левая бровь рассечена светлой черточкой шрама.

Аверьян кивнул на портрет:

— Начальник рейда «Лунной радуги» к Урану...

— Не надо, — сказал Андрей. — Я знаю.

— В составе группы десантников «Лунной радуги», — невозмутимо продолжал Аверьян, — Асеев принимал участие в высадке на Оберон. Командир группы Юс Элдер был уверен в безопасности десанта. Его уверенность стоила жизни ему самому и еще пятерым. Асеев погиб, заслоняя собой, своим телом... Впрочем, фильм про оберонский гурм ты, наверное, помнишь?

Андрей не ответил. Перед глазами снова возник лиловый скайдер с лиловыми катофотами. Гибель Асеева — последние кадры этого фильма, но там уже почти ничего нельзя было понять. Медленное, как во сне, перемещение гигантских теней, их причудливая деформация, зеленые зарницы, снежная и ледяная пыль, бессильные перед клубами пыли лучи фар и дрожащие мутно-желтые ореолы вокруг лучей, окантованные полукружьями неярких радуг...

— Рамон Джанелла, — сказал Копаев, и Андрей увидел над зеркалом отражателя рыжеволосую, коротко стриженную (это в обычай у десантников) голову незнакомца. Длинное лицо с едва различимыми на загорелой коже крапинками веснушек, длинный некрасивый нос.

— Мстислав Бакулин, Леонид Михайлов, Накаяма.

Чертами лица Мстислав напоминал Валаева. Правда, рот иной формы: разрез черезсчур правильный (красивый, но какой-то математически точный), сурово сжатые губы. Волосы русые, глаза гипнотически-пристальные, светло-серые — почти белесые.

— Взгляни теперь.

Андрей увидел на фотоблинкстере свой портрет, перевел взгляд на Копаева.

— Нет, ты посмотри внимательнее.

— Это не я, — сказал Андрей. — Похож на меня... Очень. Но это не я.

— Верно. Не ты. Юс Элдер. Погибший на Обероне друг Мэфа Аганина.

Аверьян закрыл фотоблинкстер. Несколько секунд Андрей следил, как загорелые пальцы Копаева застегивают замки портфеля. Опомнившись, проговорил:

— Погоди, Аверьян... почему же раньше...

— ...Никто не обратил внимания на ваше с Элдером необычайное сходство? — Копаев надел свитер, одернул рукава. — Очень просто. Портрет Элдера сделан лет двенадцать назад — в то время, когда командиру десантников было сорок. И чтобы такое сходство с Элдером в конце концов стало бросаться в глаза, тебе надо было... э-э... несколько возмужать.

Андрей смотрел в пространство мимо Копаева. В голове была каша. Вопросы, которые он намерен был задать Аверьяну, улетучились все до единого. Он напрочь забыл их. Как будто после знакомства с внешностью Элдера, все остальное сместилось куда-то, соскользнуло.

Андрей ощутил, что сидеть ему неудобно: словно колючка впилась в бедро. Он нащупал колкий предмет. Это была пластмассовая «горошина» — неровно окатанная частичка пляжной насыпки.

— Принц на горошине, — прокомментировал Аверьян. —

Кстати, в принцах ты ходишь последний рейс. На днях коллекция УОКСа должна утвердить тебя капитаном «люстровика» — дело решенное. Андрей Тобольский, капитан Дальнего Внеземелья... Звучит.

«Звучит», — подумал Андрей.

Он бросил «горошину» за спину, поднялся, приказал автомату убрать светофильтры. Подошел к штативу с одеждой.

— О чём это я хотел спросить?.. Да! А что я, собственно, должен делать на борту «Анарды»?

— То есть ничего в абсолютном смысле этого слова. — Копаев пожал плечами. — С одной стороны, ты на борту официальный гость — технический эксперт. С другой — приятель Аганна. Вот и занимайся потихоньку своими делами, общайся с приятелем. Торопиться некуда, время есть. Две недели. «Байкал» без тебя не уйдет. Вернешься назад, не забудь поделиться со мной впечатлениями.

— И это все?

— Да. В общем и целом...

Просунув голову сквозь ворот свитера, Андрей посмотрел на Копаева.

— А в частности?

— В частности... — Аверьян уставился на золотую эмблему пилота, словно впервые видел ее. — В частности, я полагаю, Агана будет рад общению с тобой. Но если ты вдруг заметишь, что по какой-то... пусть даже необъяснимой причине твое общество начинает его тяготить, сразу уди. Немедленно. Оставь своего приятеля в покое. Хотя бы на время.

— Я не способен поступать иначе.

— Ну, знаешь... разные бывают обстоятельства.

Копаев сидел неподвижно, и вид у него был усталый и как будто бы виноватый.

— Связь «Байкала» с «Анардой» раз в сутки, — усталым голосом продолжал Аверьян. — Если за сутки на борту танкера ты ничего такого... гм... необычного не заметишь, сеанс связи будешь заканчивать фразой: «Привет нашим парням — всей корабельной команде». В противном случае условная фраза в конце: «Общий привет». Ну а если тебе там, на танкере, почему-либо станет совсем уж невмоготу, дашь мне понять об этом словами: «Скучаю, очень скучаю». Запомнил?

— Язык лицемерия прост, запомнить нетрудно.

— Язык разведки. И если все-таки «заскучаешь»...

— Не надо, я понял, ты прилетишь и подменишь меня.

Скрипнул диван, Копаев поднялся.

— Итак, до связи?

Андрей пожал протянутую руку.

— До связи.

— Всего тебе самого доброго! — как-то уж очень искренне, тепло сказал Копаев.

Андрей отодвинул легкую бамбуковую дверь. В исполосованном тенями аэрации по-прежнему было безлюдно.

— Да, вот еще что!.. — произнес Копаев вдогонку. — Только пойми меня правильно и... воздержись от бесполезных вопросов — все равно не сумею ответить. Так вот, я тебя не обманываю, когда говорю, что на танкере, кроме Аганна, нет никого.

Но если однажды тебе случится увидеть... ну, в общем, не Мэфа Аганна, то знаешь, не придавай этому слишком большого значения. Пройди мимо и постарайся сделать вид, что ничего особенного не заметил. Трудно при таких обстоятельствах изобразить хладнокровие, однако попробуй. Иного совета дать не могу.

Андрей обернулся. Копаев смотрел сквозь жалюзи на сверкающую под солнцем воду. Обтянутая черным свитером спина, руки в карманах. Андрей с такой силой задвинул за собой дверь, что решетчатая стенка отозвалась гулом.

В нескольких метрах от павильона он замедлил шаг. Остановился. Волна бешенства склынула. А собственно, почему за все человечество голова должна болеть у одного Копаева? Почему все то, чем встревожен функционер МУКБОПа, в той же мере не должно тревожить любого и каждого члена мирового сообщества людей? Скажем, Андрея Тобольского? С какой это стати Тобольский считал себя вправе пребывать в состоянии иждивенческих настроений? Принц на горошине...

5. ПАССАЖ В ЧЕТЫРЕ РУКИ

...Когда они, приятно возбужденные увеселительной ездой, ужинали в павильоне действительно уютного кафе «Уют», Андрей заприметил в глазах Валентины озорную лукавинку и подумал, что такого безмятежного дня у них, пожалуй, еще не было. Он понял, что влюблен в эту женщину по уши и навсегда. Низко подвешенные над столами большие роскошные лампионы давали мягкий свет, на подсвеченный снизу овал танцплощадки невесомо падали радужные пузыри вперемешку с зелеными искрами. Сквозь решето стен то и дело врывались внутрь павильона отсветы полыхающей где-то в парке феерии светотехнических чудес, и в эти мгновения стеклянные детали интерьера вспыхивали мириадами разноцветных огней. Музикальная машина без пауз грохотала новинками модного ритма «конта-модерн». Он ждал, когда Валентине захочется танцевать, и предложил ей выпить шампанского. Она отказалась. С улыбкой, но очень решительно. Ей нельзя. Да, раньше можно было, а теперь нельзя. Нет, ни полбокала, ни даже глотка. Есть причина — перед отъездом сюда она консультировалась с медикологами. Нет, не надо тревожиться, она абсолютно здорова. Дело в другом. Дело совсем в другом... Он догадался: «Великое небо! Ты... Это правда?» Она кивнула: «У нас с тобой будет дочь». — «И ты об этом так... прозаично!» — «Да? А как я должна? Стихами?» — «У нас будет дочь! К чему манипуляции?! Пусть слышат и знают все!» — «Андрей, не дури. Соседи уже обращают внимание». Он поднял бокал: «За тебя! За нас троих!» Вкуса вина он не почувствовал. Пить не хотелось. Он был пьян без шампанского. Машинально отпил еще. Калинка-малинка моя Валентинка!.. В голове царил радужный беспорядок. Потом все это вдруг прошло. Он почувствовал себя отцом, главой семьи. Рядом сидела жена, мать его будущего ребенка, и надо было эту будущность трезво осмысливать. Ему захотелось немедленно поговорить о семейном. Ме-

шала музыка. «Пойдем, мать, отсюда. Поедем на монорельсе и через десять минут будем дома».

Их первый семейный дом светился на территории Центра широкими окнами. Круглое семиэтажное здание, роскошное, как свадебный торт. Над зданием висела слегка ущербная луна. По дороге к дому он бережно вел Валентину под руку. Она глядела на луну и рассеянно улыбалась. Где они будут жить? Она сказала, что согласна жить там, где он пожелает, и работать там, где для них будет удобнее — хоть на Луне. А как же аспирантура? Она сказала, что закончит аспирантуру без отрыва от производства. Что же касается имени для будущей дочери, то выбор она уже сделала и просит его это имя одобрить, поскольку оно пришло ей по вкусу. Да? А какое имя пришло ей по вкусу? Она сказала. Он одобрил. Имя красивое, но почему именно Лилия? Потому что на счастье. Потому что ей доводилось встречать лилейные знаки на форменной одежде наиболее уважаемых деятелей космофлота. Так что ботаника сливаются здесь с космонавтикой. Ей хочется, чтобы имя дочери было не просто именем, а несло бы в себе смысловую нагрузку, способную пробудить у отца хотя бы слабую тягу к тщеславию. Будущему папаше капелька тщеславия не повредит. Кстати, каково конкретное назначение золотого лилейного символа на эмблеме? Он пояснил: лилия — принятый на космоФлоте знак отличия постоянного члена командного совета корабля. Эмблематические изыскания Валентины выглядели забавно. «Вот я и хотела бы видеть тебя в командном составе», — сказала она. Он промолчал. Она еще не видела его в новой форме. Это был безмерно счастливый день и безумно счастливый вечер. И таких дней было много... Иногда, правда, он чувствовал, что Валентину время от времени подмывает вышутить его «отчаянную обыкновенность», но ему и в голову не приходило, что это у нее всерьез. Он и предполагать не мог, что волей-неволей именно здесь придется ему заподозрить причину семейного катаклизма. Вот и пришлось... Других причин вроде бы не было... Но, собственно, какого рода «обыкновенность» в нем ее угнетала? «Обыкновенность» внешности? Нет. Он нравился женщинам и знал об этом. «Обыкновенность» интеллектуальной организации двух его мозговых полушарий? Да, он не имел ученых степеней, да, не ощущал в себе тяги карабкаться на административный Олимп. Ну и что? Быть хозяином межпланетных трасс — это зазорнее, чем, например, властелином реторт и пробирок?

Толчок в спину был неожиданный, сильный: взмахнув руками, Андрей ударился грудью о штангу захвата, чувствительно «достал» носом стекло гермошлема, выронил сварочный пистолет. Успел заметить метнувшийся в сторону ярко-зеленый отблеск. Что за черт!.. В ошеломлении он постоял, ничего не видя во мраке. Наконец спохватился, включил наплечные фары и обернулся — настолько быстро и резко, насколько это можно было сделать в скафандре с прилипшими к палубе геккорингами по-дошв. Свет фар, лизнув по пути ступоход «Казаранга», канул в прямоугольную пропасть. Ничего подозрительного сзади не

было. Сзади вообще ничего не было, кроме распахнутого в Пространство горизонтально-щелевого выхода из вакуум-створа. Черный прямоугольный кусок Внеземелья с невзрачным созвездием Девы. Самая яркая точка созвездия — голубовато-белая Спика, звезда навигаторов...

Андрей подвигался, высовчивая вдоль и поперек помещение вакуум-створа — изрядно помятое металлопокрытие палубы, обшарпанные стены, трубопроводы пневмокоммуникаций, телескопические штанги двух манипуляторов захвата, округлый корпус дракара с высокой кормой. Ступоходы дракара сложены на паучий манер — коленными шарнирами кверху. Нет, что за чушь, в самом деле, — пинок в спину и отблеск!..

Он выключил фары и наклонился немного вперед, копируя прежнюю позу ради эксперимента. Подождал. В темноте догонал остывающий шов на штанге захвата. Эксперимент не удался: темнота и спокойствие. Ни ударов в спину, ни отблесков...

— Как дела, шкип? — спросил шлемофон голосом Аганицы.

Андрей, продолжая осмысливать ситуацию, ответил:

— Порядок. Великолепный вид на созвездие Девы. Попутно провел визуальное наблюдение Спики.

— Случилось что-нибудь? — настанивал Меф.

— В темноте всегда опасаешься, как бы чего-нибудь...

— Светильники пробовал?

— Ты мог бы припомнить, когда они светили у тебя в последний раз?

— Давай воспользуемся фарами «Казаранга», — предложил Меф. — Все равно мне надо выводить его перед тобой на рисистые испытания.

Андрей осветил «Казаранга». Н-да... Конек-горбунок. С грязной машины Уатта. Или паровоза Черепанова. Шевельнулось слабое подозрение... Он осмотрел носовую часть лыжеобразно загнутого кверху днища, круглые копыта ступоходов с щетиной геккорингов и втянутыми в пазы крючьями когтей, глянцево-серый пузырь керамлитового блистера кабины. Задержал взгляд на отверстии клюза с торчащим из него кончиком щупальца втянутого в корпус гибкого манипулятора.

Устаревшие машины такого типа были знакомы ему еще со времени курсантской летной практики, и теперь, иногда натыкаясь на них, он ничего, кроме жалости, к ним не испытывал. Подозревать «Казаранга» в способности к самопроизвольным действиям не было оснований. Абсурд. Это все равно что опасаться пинка от кухонного холодильника. Впрочем, здешние холодильники тоже не без греха...

— Готово, кэп! — сообщил он Мефу. — Твой «Казаранг» на привязи. Я отойду, пожалуй, немного в сторонку, а ты заставь эту музейную редкость выпрямить ноги.

— Понял, шкип. После заправки дашь звуковой пароль для контакта. Командовать катером будешь сам.

Андрей отковылял к внешнему краю палубы на выходе из вакуум-створа. Край обрывался в звездно-черную пустоту. На нем сохранились две секции поручней релинга (было же время: в вакуум-створах делали поручни!). Сохранилась и надпись по краю медной наклейкой: «АНАРДА». Танкер класса «даль-

ний-АН», последний из танкеров-ветеранов знаменитой юпитерианской флотилии... Решение снять его с транспланетных линий опоздало лет этак на десять.

Глядя на звезды, Андрей внезапно нашел объяснение удара в спину: газовый метеорит! Простота объяснения неприятно его поразила. Медленно соображаем, шкип, все данные для догадки были, что называется, под рукой. А главное, была «под рукой» прямоугольная пасть вакуум-створа, открытая в ледяную тьму. Комочки смерзшегося газа с замысловатыми траекториями скоростных миграций не редкость в лунных системах Дальнего Внеземелья.

Внизу (если смотреть с края палубы) звездно-черная пропасть резко переходила в угольно-черную, совершенно беззвездную бездну. Провал в распахнутом мире звезд, овеществленный образ самой Бесконечности... С трудом осознаешь, что дело обстоит как раз наоборот: перед глазами всего лишь большая застонка — ночное полуширье ледяного Япета (вдобавок погруженное в конус тени Сатурна). Недаром философски настроенный персонаж «Махабхарата» Ману сказал: «Запредельное, То, Самосущее образа не принимает». А жаль. Иллюзия овеществленного образа Бесконечности — одна из самых редчайших и впечатляющих.

Взмах ногой между стойками поручней — из палубного клюза выскользнул, развернувшись, словно змея, страховочный фал. Андрей поймал концевой карабин, выключил фары и, защелкнув карабин на поясном кольце, плавным толчком катапультировал себя из вакуум-створа наружу; непроизвольно втянул голову в плечи, ошарашенный многоголосым треском в шлемофоне.

Глаза слепил зеленый бортовой огонь, облицовка борта едва угадывалась во мраке, а шлемофон разливался пронзительно-певучим стрекотом: объединенный хор миллиардной по меньшей мере армии цикад. Он попытался вообразить, откуда здесь, на задворках Сатурн-системы, может распространяться в эфире такое мощное радиострекотание. Пожал плечами, насколько это позволил сделать скафандр. Многоголосый стрекот был скорее забавен, чем неприятен.

Зеленый бортовой огонь и входная щель вакуум-створа сместились кверху, и он понял, что остаточное ускорение, сообщенное телу рывком фала, потихоньку заносит его под брюхо танкера. Он посмотрел на Япет. Пустынный и практически еще не тронутый людьми спутник Сатурна укрыт плотным мраком — ни огонька.

Тем временем завершался цикл затмения ночной стороны Сатурна Япетом — из-за края планетоида медленно выплывал узкий пурпурный серп гигантской планеты, перечеркнутый лезвием Кольца. В срединной части серпа пылал самоцвет — кроваво-красный рубин сказочного достоинства. Это сквозь самый верхний слой атмосферы Сатурна уже пробивались лучи малярского, по-неземному злого Солнца.

— Вышла из мрака младая... с перстами пурпурными Эос!.. — пробормотал Андрей, вспоминая полузабытые строки.

— Достаточно, — остановил его голос Мефа.

— Ты о чём? — не понял Андрей.

— Я просил тебя дать звуковой пароль на борт «Казаранга».

- А, Гомер в роли контактного импульса.
— Ну и что?
— Да так, ничего. Слишком роскошно для «Казаранга», вот что.
— Какая разница? Катер должен запомнить твой голос, и все дела... Что за стрекот там у тебя? Откуда помехи?
— Не знаю. Это не у меня.

С помощью фала Андрей подтянулся к поручням вакуум-створа. Зависнув у входа, опять посмотрел на ошеломительно пламенеющий серп окольцованный гиганта. Подумал: «Ради этого стоит летать» — и пожалел тех людей, которым не суждено самолично знакомиться с фондом сокровищ Дальнего Внеземелья.

Освобождаясь от фала, он упорно искал глазами далекую Рею. Будто надеялся разглядеть на ее орбитальном рейде «Байкал». Багровым ломтем парил среди звезд полумесяц Титана, и нежно светился тоненький серпик Тефии. Реи не было видно.

В глубине вакуум-створа шевелились зеленые, красные и голубые огни светосигналов ожившего катера. Через подошвы Андрей ощутил слабое сотрясение палубы и шагнул навстречу драккару. Шага от края было довольно, чтобы цикады помех разом умолкли. Тишина в шлемофоне. Голос Мефа:

- Замечательно, шкип, теперь у тебя не фонит. Можешь командовать катером. Драккар в полном порядке.

— Фары у него в порядке?

Свет фар ударил в упор. Андрей моргнуть не успел — сработал светозащитный фильтр стекла гермошлема. При ярком свете старое, обшарпанное оборудование вакуум-створа произвело гнетущее впечатление.

- Внимание, шкип! — неожиданно выпалил Меф. — Шлангам пневмозаправки отстрел.

— Да. И убери, пожалуйста, избыток иллюминации.

Передние и кормовые фары драккара погасли. В лучах фар по левому борту было видно, как дернулись оба шланга и, выдохнув облако снежной пыли, фиолетово-черными змеями шустро втянулись в хоботы вакуум-гифов.

— КА-девять, — позвал Андрей. — Контакт.

Катер сменил голубые огни на лиловые, повернулся в сторону человека раковины лидаров и стал приближаться, равномерно и плавно перебирая голенастыми ступоходами. Палубу слегка потряхивало.

— Стоп! — тихо приказал Андрей.

«Казаранг» послушно остановился.

— Подними передние ноги.

«Казаранг» откачнулся назад и, точно лошадь, вставшая на дыбы, приподнял передние ступоходы.

— Хорошо, опусти.

Андрей похлопал машину рукой по коленным шарнирам. «Еще попрыгает, — подумал он. — Утиль, конечно, но еще попрыгает».

— Ты доволен? — В голосе Мефа скрытое торжество.

— Да, у него хорошая реакция на голос... Даже геккоринги ступоходов в порядке. И если летные качества будут не хуже...

— Надежная машина, шкип. Может быть, я слегка старомоден, но «Казаранга» считаю самой удачной моделью малого ката.

Андрей облизнул подсущенные кислородом губы. Этот «слегка» старомодный рыбак знает, куда забрасывать удочку. Чувствует, до какой степени надоело эксперту две недели топтаться среди орбитального хлама, и предлагает прогулку на отнюдь не «слегка» старомодном драккаре. Серьезный соблазн, леший его подери...

Ладно, потерпим. Тринадцать суток терпел. На борту «Байкала» все станет на свои места. Еще перетерпеть каких-нибудь трое суток... А на «Байкале» перетерпеть беседу с Копаевым. От специального разговора с функционером МУКБОПа никуда, понятно, не денешься. Вернее, с функционерами, потому что на этом дело не остановится. Теперь даже ему, наивному эксперту, ясно: Международное управление космической безопасности прицепилось к «Анарде» и ее капитану не зря...

За одиннадцать дней спокойной работы бок о бок с Аганном он успел привыкнуть к мысли, что мрачные сведения Аверьяна Копаева являются собой результат каких-то тяжелых ошибок почтенного ведомства. Меф не вписывался в компанию легендарных экзотов. Человек как человек. С хорошими манерами, вежлив, любезен, уравновешен. Словом, такой, каким был всегда. В тесных и до предела запущенных интерьерах «Анарды» ничего примечательного тоже не обнаружилось. Ни «черных следов», ни разбитых экранов. Ни тем более гипотетических призраков.

Осваиваясь на борту «Анарды», он вначале был озадачен тем, что на танкере ничего экзотического не происходило. Потом привык к размеренному ритму суток, и первое напряжение стало ослабевать. Работа, отдых, сон, еда, возня с документами, осмотр устарелого оборудования в запыленном и душном чреве ужасно изношенного «кашалота», вечерние посиделки у электрокамина в салоне (единственный, кроме кают, уголок, где Мефу удавалось поддерживать чистоту), неторопливые беседы за ужином. Кстати, про Оберон и «Лунную радугу» Меф, как и прежде, не обмолвился ни единственным словом. До утра не засиживались, ровно за час до полуночи желали друг другу приятного сна и расходились по своим каютам. Постель, тишина и всякие разные мысли. Убаюканный долгим однообразием, позавчера утром он вдруг осознал, что навязанная ему разведывательная миссия провалилась с треском. Подумал об этом почти равнодушно, без удовольствия и без тени злорадства. Днем он еще острее почувствовал, как смертельно здесь ему все надоело. Ближе к вечеру, правда, случился маленький праздничник — «Титан-главный» ретранслировал на борт «Анарды» сообщение из УОКСа: коллегия летного сектора утвердила Андрея Васильевича Тобольского первым кандидатом на должность капитана суперконтейнероносца «Лена». Меф наладил с «Байкалом» видеосвязь; улыбки товарищей, поздравления, шутки. Ярослав поручил Мефу Аганну как старейшему капитану Дальнего Внеземелья взять на себя обязанности «регента» и присвоить «принцу Андрею» звание «шкипер» (традиционный на космоФлоте развлекательно-поздравительный ритуал). За ужином но-

воиспеченные «рег» и «шкип» выпили по бокалу шампанского, а заодно посмотрели видеозапись юбилейного торжества, прогремевшего в лунной столице. Встречая на экране кого-либо из общих знакомых, оживленно комментировали происходящее. Однако за два часа до полуночи Меф повел себя странно: нервноgrimасничая, стал к чему-то прислушиваться, говорить невпопад (глаза виноватые) и наконец, очень рассеянно пожелав кандидату приятного сна, покинул салон. Обескураженный кандидат смотрел ему вслед, пытаясь понять, какая муха вдруг укусила обычно любезного, деликатного капитана...

Сон не был приятным. Таких странных снов он отродясь не видывал. Проснулся и долго таращил глаза в темноту. Грань между сном и явью была неестественно зыбкой, и даже розово-светящиеся цифры на часовом табло казались достоверной деталью жуткого сновидения. Без двадцати минут полночь... Он натянул на себя одеяло, заснул и снова проснулся в тревоге. Снилось одно и то же: будто бы рядом с постелью стоят какие-то двое и с молчаливым упорством каменных идолов смотрят на него, спящего. Во мраке он их не видит, но чувствует холод массивных фигур и неподвижность зрачков... Утомленный диковинным сновидением, он включил разноцветный фонтан ночника. Походил по каюте, остановился у двери. В чем дело? Нервы, что ли, шалят?.. Не прибегая к услугам пневматики, мускульным усилием рук раздвинул дверные створки. После отбоя в коридоре царит полумрак, и красное дерево стен выглядело глянцево-черным. Повернув голову вправо, он замер: на подсвеченном через открытую дверь капитанской каюты участке стены коридора как на красном экране дергалась тень многорукого пианиста... Зашипела пневматика — створки двери освещенной каюты захлопнулись. Тишина. Давящая тишина и мертвенная синева дорожки...

Определение «многорукий пианист» пришло ему в голову несколько позже, а в тот момент он просто ничего не понял. В каюту капитана «Анарды» вошел Некто (хотя кто здесь может войти в каюту Аганна, кроме Аганна!). Тень на стене (а силуэт коренастой фигуры был достаточно четким) вполне могла принадлежать Аганну, если бы... если бы не одна ошеломительно-бредовая особенность: фигура имела две пары рук. Разведененные в стороны руки извивались и дергались... Вот, по сути, и все, что он увидел. Эпизод какого-то непонятного полуночного действия, неслышимо-бурный пассаж в четыре руки на невидимом фортепиано... Он приблизился к двери капитанской каюты и уж было решился нажать кнопку вызова, но вспомнил наставления Копаева: «Пройди мимо и сделай вид, будто ничего особенного не заметил». Делать вид было не перед кем. Чувствуя сухость во рту, он побрел по коридору обратно — мимо своей каюты, мимо кают отсутствующего экипажа, — отодвинул дверь кухонного отсека и, перешагнув порог, угодил босой ногой в холодную лужицу. Вспыхнул свет. Зеркальная стена отразила среди белоснежного кухонного оборудования загорелый торс эксперта в голубых плавках. Вид у эксперта был неприглядный — волосы в беспорядке, с лица еще не сошло выражение недоумения и брезгливого неудовольствия.

Потягивая ледяной березовый сок, он обратил внимание на

лужу возле одного из холодильных боксов. Тронул кнопку — дверная крышка, чмокнув уплотнителем стыковочного паза, съехала в сторону. Бокал с березовым соком едва не выскользнул из руки: на полу морозильника стояли ботинки Агани... Он окинул взглядом заросшие снежной шубой стены, занедевевые «клапы» бездействующих фиксаторов и снова уставился на капитанскую обувь. Добротные, но просто кошмарные по расцветке ботинки: оранжевый верх, красная с белым рантом подошва, золотистые бляхи. Обувь в холодильнике — бессмыслица, но еще более дико смотрелись на плотном снегу рядом с ботинками талые отпечатки босых ступней. А на заснеженных стенах — отпечатки ладоней... Он ушипнул себя за ухо. Ковырнул пальцем стыковочный паз: там, ему показалось, застрял какой-то блестящий лоскут. Но это был не лоскут. Это было... Черт знает что это было! Оно потянулось за пальцем: сверкающее, липкое и, подобно паутине, почти неосязаемое!.. С внезапностью проблеска молнии пришло озарение: в апокалиптическом перечне свойств, присущих экзотам, Копаев упоминал о некой ртутно-блестящей субстанции, которую кожа экзота выделяет под воздействием низких температур. «Стоит поплавать в ледяной воде или сильно продрогнуть...» Концы с концами вроде бы сходятся: холодильник — следы босых ног на снегу — липкий блеск...

В душевой он вымыл и продезинфицировал руки. Блеска на пальце не было, но, вспомнив затяжной медосмотр, которым Грижас удивил его на прощание, вымылся весь и перепробовал на себе все из имевшихся в наличии антисептических средств. Делал это размеренно, как автомат. Мысль о том, что МУКБОП поступил с ним просто бессовестно, не вызвала должных эмоций, он подумал об этом холодно и спокойно. Важно было другое: Копаев прав, Агани — экзот. Но в какую из существенных категорий прикажете отнести многорукого «пианиста»?.. Копаев, правда, оговорил вероятность появления призраков, но касательно их внешнего вида — ни слова. Утаил? Или не знал?

Остаток ночи прошел в размышлениях. Под утро кое-как засыпал. Во сне увидел Аганина с двумя парами верхних конечностей, проснулся в холодном поту. Сколько мог, оттягивал выход к завтраку. Но деваться некуда, хочешь не хочешь — надо идти... Долго стоял перед дверью салона. Ладони влажные. «Ты аферист, Копаев, — думал он, пытаясь унять сильное сердцебиение. — Ты зачем послал меня сюда одного!..» Он вошел в салон и почувствовал слабость в ногах от огромного облегчения. Аганин выглядел обыкновенно. Красно-синий комбинезон, красно-бело-оранжевые ботинки, обыкновенные руки, свежее, тщательно выбритое лицо. Голубые глаза на этом лице смотрели приветливо: «Салют, шкип! Как настроение? Вид у тебя... не очень веселый». — «Салют, капитан. Значит, говоришь, не очень?..» Рухнув в кресло, он еще раз взглянул на ботинки Аганина, расхохотался. Не мог сдержаться. Это была реакция. Аганин смотрел на него с интересом.

Все утро они приглядывались друг к другу с интересом и взаимно были ужасно любезны. А потом весь день он старался держаться от Аганина подальше — придумал работу по экспертизе вакуум-оборудования на причальной палубе (в скафандре чув-

ствовал себя почему-то увереннее). В кухонный отсек, разумеется, заглянул (для очистки совести и для того, чтобы у Копаева не было оснований смотреть на разведчика с презрением и досадой). Можно было и не заглядывать: следы аккуратно стерты... Беспокойная ночь отзывалась усталостью, он рано лег спать и проспал двенадцать часов мертвым сном. За это время на борту «Анарды» могло произойти множество самых экзотических событий — ему было все безразлично. Танкер в полном распоряжении Агани и призраков, пусть делают здесь что угодно. Пусть обрастают инеем в холодильниках или поджариваются в стеллажах реактора, если это им нравится. Пусть только не очень шумят. Он слишком устал, и ему в самом деле было все безразлично.

Утром, однако, нервное напряжение снова вернулось, и так же, как и вчера, сегодня он предпочел болтаться в скафандре среди музейных экспонатов вакуумного хозяйства. Он боялся,

как бы недоверие к Аганну не переросло в неуправляемую враждебность. С другой стороны, пассивно отсиживаться в бронированной скорлупе скафандра глупо и унизительно.

— Кэп, слышишь меня? — сказал Андрей. — Я возвращаюсь. Закрывай вакуум-створ.

— Внимание! — капитанским голосом скомандывал Меф. — На вакуум-палубе в створе щита не стоять!

Андрей почувствовал холодные мурашки на спине, вообразив, как громогласно, нелепо роняет спикер слова команды в устоявшуюся тишину отсеков, кают, коридоров этого мертвого, в сущности, корабля.

Иллюминация «Казаранг» угасла. Палуба дрогнула, беззвучные челюсти вакуум-створа сомкнулись. Андрей включил фары скафандра и двинулся к темному отверстию люка шлюзового тамбура.

— Связь прекращаю, — предупредил Меф.

Андрей машинально выдал «квитанцию»:

— Понял, конец связи, конец... — Он стоял у входа в тамбур и разглядывал стену.

Сама стена ничего особенного собой не представляла — монолитный участок внутреннего корпуса из модифицированного металла. Грязноватый, правда, участок, но дело в другом: свет фар, скользнувший вдоль этой твердыни, выхватил из темноты полосу, вернее, цепочку зеркально-блещущих пятен...

Пятна блестели как свежевымытые зеркала. Ни дать ни взять зеркальные кляксы. Размеры — чуть больше ладони. Цепочка клякс пересекала участок стены прямолинейным пунктиром. Нанесось. В одном месте (на уровне груди) в пунктирной цепочке был пробел — двух клякс недоставало, и Андрей мгновенно сообразил, где находятся недостающие «звезды»... Простая и ясная версия о газовом метеорите неожиданно усложнялась. Точнее — летела ко всем чертям, потому что новоявленное настенное украшение вызывало иные ассоциации. Например, такую: кто-то (скажем, ради забавы) окатил правый борт танкера струей из импульсного огнетушителя-брязговика, заправленного ртутью, струя ворвалась в открытый вакуум-створ, тяжело хлестнув по пути в спину скафандра... Но откуда, леший бы ее побрал, хлестнула эта струя?! Ведь на правом траверзе Пространство было чистым. Не было там ничего подозрительного.

Он осторожно потрогал ближайшую кляксу. Ее зеркальная поверхность не прогнулась, не сморщилась, хотя это зеркало было странно мягким на ощупь. Нажим посильнее — рука, медленно преодолевая сопротивление, погрузилась в зеркало на треть толщины ладони. Это его поразило. Похоже на то, как если бы подстилающий зазеркалье модифицированный металл утратил твердость! Так, чего доброго, можно шутя добраться рукой сквозь стену до скафандрового отсека... Впрочем, он осознавал, что имеет дело с какой-то необыкновенной иллюзией. Потянул руку, но вытащить ладонь удалось не сразу: блестящая субстанция обладала клейкостью густой смолы. Вот так «иллюзия»!..

Он ошеломленно взглянул на металлизированное покрытие перчатки. Никаких повреждений. И никаких следов блестящего вещества. Таинственная «бесследность» лилучшего блеска напоми-

нала эпизод с «лоскутом», прилипшим к двери холодильного бокса...

С запоздалой опаской он отступил от стены и, подняв руку к стеклу гермошлема, посмотрел на светосигнал радиометра, вмонтированного в рукав. Уровень радиации нормальный (для здешних условий — естественный фон). Заодно посмотрел на часы. Снова уставился на «мягкие зеркала», не зная, что предпринять. И только теперь заметил: кляксы постепенно таяли. Величина каждого «зеркала» была теперь меньше ладони. Эта блестящая мерзость скоро, должно быть, исчезнет совсем... Он торопливо поковылял к люку шлюзового тамбура.

6. ПЯТНО НА ЯПЕТЕ

В шлюзовом тамбуре освещение бездействовало. Лениво мигали светосигналы радиационного и газохимического контроля, было тесно и сумрачно. Сверху, вместе с воздушными струями, ударили заряд снежной пыли. Горловина воронки воздуховода, обрастающая инем, быстро светлела; изморозь опускалась по стенам широкими языками. На крышке люка, окантованного желтым, вспыхнули синюшными буквами транспарант: «Барическое равнобесие. Выход открыт».

Крышка люка отошла с отчаянным визгом, светлый овал затянуло клубами пара. Андрей слепо шагнул через комингс. Влажный воздух и неоправданно долгое шлюзование превратили скафандр в подобие айсберга, а в теплом отсеке все это таяло. Выдернув руки из полужестких рукавов, он торопливо отсоединил разъемы внутренних электро- и пневмокоммуникаций и, взяввшись за холодную, мокрую кромку люка, выдвинулся из скафандра спиной, вытащил ноги. Его повело ногами кверху, он завис над скафандром вниз головой и успел увидеть на тыльной стороне две угасающие искры зеркального блеска... По опыту зная, что пальцы лучше туда не совать, он поймал конец электрокабеля и потыкал штепсельным разъемом в те места, где скользнули назад угасли искры. Металлопокрытие было твердым. Это успокаивало. Похоже, «мягкие зеркала», что бы они собой ни представляли, не наносили вреда структуре подстилающего материала. Ну и... леший с ними.

Прямо в воздухе он содрал с себя ТБС-костюм, затолкал в утилизатор. При здешней скучности запасов одноразовое использование экипировки — непозволительная роскошь. Но сейчас иначе нельзя. Из-за этих «зеркал», будь они неладны...

Когда ничего, кроме плавок, на нем не осталось, он перелетел к двери переходного тамбура и открыл люк шахты санобработки.

В шахте было тесно и душно. Он прижал к губам респиратор, надавил кнопку и крепко зажмурил глаза. Люк захлопнулся над головой, со всех сторон хлестнули колючие струи. Потом что-то лязгнуло (он почувствовал, как шахтный цилиндр слегка изменил положение в пространстве), пошел теплый воздух — горловина шахты распахнулась, и воздушный поток вынес его наверх.

В тамбуре голубовато светился узкий экран аварийного оповещения, пылали зеленые кнопки комплекса стерилизации ска-

фандрового отсека, и Андрею впервые в жизни представился случай включить их все до одной. Увидев через квадратный иллюминатор, как заклубился в отсеке желтый туман и яростно вспыхнули бактерицидные излучатели, он оттолкнулся рукой от экрана и выплыл в карпон.

Ветроотделители на «кашалотах» оборудованы мощными воздуходувками — финишировать после стремительного полета приходилось чуть ли не кувырком. Он полежал на синей дорожке, привыкая к вновь обретенному весу, чихнул (и откуда здесь столько пыли?), побрел в душевую. Тщательно вымылся — опять же с употреблением антисептических средств. Третий раз уже за последние двое суток он вдыхал медицинские запахи, от которых его мучило, и очень надеялся, что это даст нужные результаты. Тревожило подозрение, что блестящий «лоскут» на двери холодильника и «мягкие зеркала» родственны по природе. И то и другое не только похоже блестит, но и поразительно одинаково тает. Совершенно бесследно. Правда, есть и отличие: «лоскут» клейко тянулся за пальцем — «мягкие зеркала» норовили втянуть в себя руку, не трогаясь с места.

В гардеробной, копаясь в пакетах с одеждой, он с трудом отыскал костюм своего размера (если судить по эмблеме — из бывших запасов второго пилота «Анарды»). Надевая, брезгливо морщился. Блекло-лиловая ткань, брюки коротки, плохого покроя, куртка узка в плечах. Ни с того ни с сего он вдруг подумал, что никогда не согласился бы работать на «кашалотах». И только подумал об этом — стало совестно. Будто оскорбил невзначай всех водителей танкеров космофлота. Этакий сноб. Согласишься, никуда не денешься. Не то что «кашалоту» — лугеру будешь рад, лишь бы летать. Вот стукнет тебе пятьдесят с чем-нибудь, рад будешь заурядному тендеру. Повезет со здоровьем — до шестидесяти продержишься на орбитальных перевозках или на транспортном обслуживании космостанций, верфей, терминалов. Ну а потом, как ни крутись, почетная старость на дне атмосферы. А что оно такое — почетная старость? Дачный коттедж? Рыбная ловля, которая через неделю смертельно тебе надоест? Болтовня у костра в обществе юных и до невозможности самонадеянных космопроходцев? В лучшем случае будешь перебирать старые документы в архивах УОКСа или шефствовать над молодыми пилотами, и все в один голос будут тебя уверять, что занят ты очень полезным делом, а молодые пилоты, исчерпав весь запас мудрых твоих наставлений при первом же выходе на орбиту ожидания, начнут травить о тебе анекдоты, чтобы снять с себя напряжение перед стартами на кораблях такого класса, таких типов и категорий, о которых ты в свое время и мечтать не мог.

Завернув в кухонный отсек, он постоял, глядя в зеркало, и неожиданно осознал, что думает не о себе. Старость была для него где-то там, за горами, чего ради думать о ней? Скорее всего он, размышляя над экзотической тайной Мефа Аганна, пытался открыть один из ее хитроумных замков обычным житейским ключом. Впервые такая попытка была предпринята им во время беседы с Копаевым, но тогда Копаеву почти удалось его убедить, что капитан «Анарды» — самая зловещая фигура в компании «оберонцев»-экзотов. Матерый суперэкзот.

В качестве довода функционер МУКБОПа резонно использовал то действительно странное обстоятельство, что Агани с упорством маньяка жаждал уединиться в безлюдном уголке Дальнего Внеземелья, которое, как выразился Копаев, стало поперек горла другим экзотам. А в форме намека Копаев сказал вдвое больше: дескать, Агани в своем орбитальном скиту связан с чем-то враждебным Земле, человеку. Да, не учтывать такую вероятность было бы глупо, но ультрамаксимализм в предположениях всегда вызывает желание спорить. Конечно, одного желания мало, нужны аргументы. Извольте. Кизимову, Нортону, Йонге, Лорэ отказаться от Внеземелья психологически проще, чем старому капитану. Агани — селенгей (роджен на Луне). Агани посвятил Внеземелью всю свою жизнь. Агани одинок — ни семьи, ни родных. И наконец, Агани на десяток лет старше любого из «оберонцев»-экзотов. Иными словами, отставка буквально автоматически обрекает бывшего капитана бывшего танкера на роль «почетного старца». Агани верно все рассчитал: леть ему уже не позволят, единственный способ отодвинуть угрозу «почетной старости» — мертвой хваткой вцепиться в «Анарду» и всеми правдами и неправдами утвердиться в должности коменданта орбитальной базы. То, что заставило других экзотов с отвращением отвернуться от Внеземелья, Агани принял. Вот и пьет свою чашу молча и тайно... Чем не версия? В бытовом плане, по крайней мере, выглядит она рациональнее апокалиптической версии МУКБОПа. «О великих вещах помогают составить понятие малые вещи, пути намечая для их постиженья...» — так, кажется, писал в свое время Лукреций?..

На клавиатуре пульта кухонного агрегата Андрей настучал «дежурный обед». Проглотил еду машинально, не ощущая, что ест, и, захватив с собой эластичную бутылку с березовым соском, направился вдоль коридора. Скользкую и холодную как лед бутылку он нес в руке. Поймал себя на том, что избегает соваться в карманы неприятного ему костюма — чувство брезгливости не проходило. Он зашел в свою каюту, вскрыл последний пакет привезенной с «Байкала» одежды и, с удовольствием ощущая ароматную свежесть белого свитера, переоделся. Переодеваясь, думал о встрече с Аганином.

Помещение командной рубки иллюзорно слито с Пространством: вогнутые потолок и стены — сплошной экран. Пол — тоже поверхность экрана. Танкер висел над освещенной солнцем стороной Япета. Окольцованный серп Сатурна над головой. За счет модернизации пилотажного и навигационного оборудования «Анарды» командная рубка выглядела вполне современно. Впереди — спаренные ложементы для первого и второго пилотов, посередине — спарка для капитана и штурмана (давно бы следовало ее демонтировать, но Аганину, видимо, трудно решиться). По бокам спарки, как колесные движители у старинного парохода, выступали из-под настила сегменты роторпульта. Возле штурманского роторпульта розоватым облачком приткнулось необычное для этого помещения надувное кресло. В кресле сидел Агани. У ног капитана в беспорядке навалены демонтажные инструменты, через пухлый подлокотник был перекинут кабель с пистолет-резаком на конце; кабель, змеясь кольцами, уходил к двери координаторской рубки. Андрей посмотрел в открытую

дверь. Переборка между координаторской и соседней рубкой связи была безжалостно уничтожена: грубо нарезанные металлические плиты с оплывшими от плазменного жара краями стояли вдоль стены вперемежку с извлеченными из контактных щелей тонкими, как молодой ледок, блоками аппаратуры. Орбит-монтажники всегда расширяют тесноватые рубки связи за счет ненужного на орбитальной базе помещения координаторов, и потенциальному коменданту не оставалось ничего другого, как следовать этому правилу. Словно обескураженный учиненным разгромом, Агани сидел неподвижно, подперев желтоволосую голову кулаком. Из координаторской тянуло запахом гари, доносился шелест задействованной на полную мощь вентиляции.

Андрей опустился в штурманский ложемент. Взглянул на капитана и только теперь увидел на сфераэкране за его спиной парящего в пространстве справа по борту «Лемура». Фары вакуумного кибер-ремонтника были погашены, манипуляторы втянуты, но объектив видеомонитора открыт.

— Напрасно ты здесь, — тихо проговорил Агани. — На «Анарде» я предпочел бы видеть другого эксперта.

«Многообещающее начало», — подумал Андрей.

— Моя персона тебя не устраивает?

— Меня всегда восхищали умники из экспертного отдела, — сказал Агани. — Узнаю почерк. Затея Морозова?

— Да. Ну и что?

— Там обожают таскать каштаны из огня чужими руками. И самое интересное — легко находят для этой работы наивных парней.

Андрей промолчал.

— Место здесь скверное, вот что, — добавил Агани. — Ты даже не подозреваешь, какое это проклятое место...

— О моих подозрениях, наверное, проще судить мне.

— Немногого они стоят, если ты до сих пор пребываешь в состоянии эйфорического благодушия.

— Да? А твоя цель — встряхнуть мои нервы?

— Если бы это могло обеспечить твою безопасность... Тебе нельзя было здесь находиться. По крайней мере сегодня. Хотя бы сегодня...

Андрей посмотрел Аганну в глаза.

— Поэтому ты предлагал мне прогулку на «Казаранге»? Вот оно что... Тогда возьми на заметку: твое предложение опоздало. И кстати, заботу о безопасности ближнего не проявляют в такой неуверенной и необоснованно деликатной форме. В вакуумстворе я тебя просто не понял.

— Да, я старый осел, — проговорил Агани, и на лице его рельефно, как никогда, обозначились скулы и желваки. — Деликатничал, это верно. А надо было выставить тебя отсюда в первый же день. Отправить обратно на том же люггере, на котором ты прилетел, черт бы побрал мою деликатность.

— Капитан, мне не нравится тон разговора.

— А я теперь сожалею, что не взял такой тон с самого начала и не вышвырнул тебя за борт вместе с твоим мандатом. Это избавило бы нас обоих от... — Агани не сказал от чего, только помогшился. — Прежде чем принимать мандат от Морозова, надо было вызвать меня на связь и спросить совета.

- Бывает, я сам решаю, как мне поступить.
- Извини, но есть полезное правило: обсуждать кандидатуры экспертов с капитанами. Я пока еще капитан.
- Никому и в голову не приходило, что моя кандидатура тебе окажется не по вкусу. Грешным делом, и я, принимая ман-дат, свято верил в твое дружелюбие.
- Существуют разные ситуации. Одно дело — наши контакты в отеле «Вега», другое — на борту мертвого корабля в условиях Дальнего Внеземелья.
- Дружелюбие — это не ситуация. Это, я бы сказал, особая категория отношений в мире людей. — Андрей отхлебнул из бутылки. Добавил: — В нашем мире. — На капитана он не смотрел.
- Философствовать будешь у себя на «Байкале», — сказал Аганин. — А здесь я в ответе за твою безопасность. Ясно?
- Не очень. Перед кем?
- Перед собственной совестью. Этого довольно?
- Интересно, как вела бы себя твоя совесть, если бы экспертом на «Анаарде» был кто-либо другой?
- Ответа на этот вопрос капитан, по-видимому, не имел. Впервые за время беседы его ресницы затрепетали.
- А принципиальнее «если бы» у тебя ко мне ничего нет?
- Принципиальнее уже просто некуда, — заметил Андрей. Спросил: — А почему твоя совесть молчала так долго?
- То есть?
- То есть десять лет помалкивала после Оберона.
- Аганин пошевелил белесыми бровями. Угрюмо пробормотал:
- Угу... Тогда иной разговор.
- Нет, — сказал Андрей, — разговор тот же. Только в ином тоне.
- Уже в душевой, поливая себя антисептиками, он предчувствовал, что сегодняшний разговор зайдет далеко. Кончилась игра в безмолвного космического детектива, ну ее к лешему. Не он затеял эту беседу, но коль скоро начало положено, он доведет ее до конца. Чего бы это ни стоило. Никаких эмоций сентиментального свойства он сейчас не испытывал. Было такое ощущение, будто ему предстоял логический поединок с совершенно чужим человеком. Или нечеловеком. Даже привычному облику Мефа Аганина он больше не доверял.
- Не понимаю, — сказал Аганин, — ты экспертируешь танкер или нравственность его капитана?
- Одно другого не исключает. Танкер — будущая орбитальная база, ты — ее потенциальный комендант.
- Ты парень настойчивый, умный... но неопытный.
- Смотри в чем.
- В делах прощупывания нервных узлов человеческого несчастья. Наверное, потому, что в жизни твоей все было гладко. «Человеческого...» — подумал Андрей. Ответил:
- Мне простительно, я еще молод, все у меня впереди. — Он кивнул на изображение «Лемура». — Ремонтник застал зеркальные кляксы?
- Ты их видел? — резко спросил Аганин.
- Тон вопроса, лицо и глаза капитана Андрею в этот момент не понравились еще больше.

— Две из них финишировали на моей спине, — пояснил он, с тревогой глядываясь в лицо обеспокоенного экзота. — Не будь я в жестком скафандре, мне сломало бы позвоночник.

— Позвоночник... — пробормотал Аганин. Тронул на ротопульте клавиш возврата: «Лемур» покачнулся и поплыл среди звезд, скользнул вдоль борта, как привидение, пропал за овалом входной двери. — Удивительно, как ты вообще уцелел.

— Что это было?

— Это была дьявольщина.

— А точнее? Мне показалось, это была струя тяжелого, как ртуть, вещества.

— Зеленую вспышку видел?

— Вспышку? — Андрей вспомнил зеленый отблеск, мелькнувший сразу после удара. — Видел.

— Дьявольщина!.. — повторил Аганин с каким-то ожесточением. И внезапно спросил, останавливая на собеседнике очень внимательный взгляд. — Ты как себя чувствуешь?

Холода от ужаса, Андрей попытался прислушаться к своему состоянию. С трудом удалось расслабить парализованные страхом мышцы.

— Чувствую себя нормально.

— И никаких непривычных для тебя ощущений?

— Решиительно никаких. Все в норме.

— Странно. По меньшей мере загадочно...

— А что я должен ощутить?

— Что? — рассеянно переспросил капитан, глядя в сторону двери координаторской. — А... Ну, прежде всего — неприятный такой... ядовито-железистый привкус на языке. Тем более что луч, как ты говоришь, угодил тебе прямо в спину.

— Так это был луч?.. Откуда?

— Не знаю. Гадать не берусь.

Андрей отпил из бутылки, задержал глоток. Обычный вкус березового сока. Ничего такого, что напоминало бы «ядовито-железистый» привкус... «На этот раз обошлось», — подумал Андрей, опоражнивая бутылку до дна.

Капитан, по-видимому, заметил перемену его настроения, предупредил:

— Не слишком себя обнадеживай. Самое занятное, вероятно, ждет тебя впереди.

— Впереди — это значит когда?

— Это значит — потом.

— Н-да, предсказатель из тебя... как из меня зоотехник.

— Тем не менее я рискнул предсказать твоё будущее, — равнодушно возразил Аганин. — По линиям твоей спины... — Взгляд его был рассеян, глаза блуждали. Было ясно: Аганин катастрофически теряет интерес к разговору. Или уже потерял.

— А я раскусил твоё настоящее в холодильнике. По отпечаткам твоих ладоней и голых ступней.

Подбросив в угасающий костер беседы это «полено», Андрей был готов к обострению отношений. Капитан поднялся. Однако на эксперта он не смотрел: стоял, глядя в сторону двери координаторской рубки, и явно к чему-то прислушивался. Андрей невольно тоже прислушался, но ничего подозрительного не уловил.

Быстро обогнув ложемент с тыла, капитан бросился в коорди-

наторскую. Сбитый с толку Андрей почти инстинктивным движением рукоятки развернул спарку на четверть окружности влево, проводил его взглядом. Не задерживаясь в координаторской, Агани через проделанный сегодня пролом нырнул в рубку связи, пропал из виду. Секунду спустя Андрей услышал оттуда неразборчивое бормотание голосов на фоне уже знакомого стрекота радиопомех. Громкий голос Аганна:

— Танкер «Анарда» радиоабонентам Сатурн-системы, прием!

«Внеочередной сеанс? — подумал Андрей с досадой. Взглянул на часы. — Вот некстати!»

Бормотание, стрекот... Логический блок автосистемы слишком долго вырабатывал программу устранения помех.

— Алло, шкип! — крикнул Агани. — Включи-ка топфоны там, у себя.

Андрей покосился на отлетевшее к пилот-ложементам надувное кресло Аганна, вернул спарку в исходное положение, тронул кнопку кольцевой связи.

— ...Минус две тысячных, — внятно сказал женский голос.

— Диона, это опять я — Энцелад, — нежно проблеял чей-то лирический тенор. — Повторите свой результат.

— Энцелад, не мешай! Я говорю не с вами, я говорю с орбитальным Титаном. Максим Петрович, зачем он мешает!

— Затем! — возмутился лирический тенор. — У нас результаты не совпадают! Ваше альбето Пятна — это почти метановый снег, а наше — на сорок процентов ниже! Туман получается! Ты меня слышишь, Макс?

— Когда развеется, поговорим.

— Ты выслушай! Пятно на Япете — это вовсе не наледь и не снежное поле. Откуда им было взяться за девять часов, да еще на равнине Атланта! И чтобы сразу диаметром в двадцать пять километров!.. Идеально круглая форма!..

— Спокойнее, Володя, не горячись, я абсолютно согласен.

— Но если не снег и не лед, значит, туман. Линзовидное скопление густого тумана. Отсюда и эта невероятная форма. В первом предположении — газовый гейзер, или, пользуясь термином Добровольского, газер. Но у меня другая гипотеза...

Неловкую тишину очень кстати развеял женский суховато-дикторский голос административного ЦС (Центра Связи):

— Напоминаю: радиоабонентов, не имеющих отношения к деятельности отряда селенологов, администрация Сатурн-системы убедительно просит не занимать диапазон, предназначенный для связи с Япетом-«Анардой». Диапазон исключительно в расположении селенологов под руководством Максима Лазарева. Благодарю за внимание.

Вернулся Агани. Поднял кресло, приткнул его к ротопульте на плашере пилот-ложементов. Усаживаясь, сообщил:

— Наш Ф-позывной для «Байкала» дает автоматика.

Андрей не ответил. Он смотрел на Пятно.

О том, что Пятно лежит на равнине Атланта, было ясно из полемики. Вообразить себе «равнину Атланта» равниной мог бы стважиться только истый оригинал. С орбиты хорошо просматривались ледяные обрывы, «молодые» структуры извилистых гребней и желобов, покрытые сеткой черных трещин участки «слоновьей кожи», сильно изжеванные мелкими складками зуб-

чатые холмы (гофры), ну и, конечно же, вездесущие осины ударно-взрывных кратеров, окольцованных валиками.

Рассматривать Пятно было удобно: его изображение медленно, со скоростью улитки, ползло по невидимо-вогнутой поверхности сфераэкрана — левее белой полосы настила, соединяющие плашеры пилот- и штурм-ложементов. Кроме удивительно круглого абриса, ничего такого, что поражало бы взгляд, в этом новообразовании не было. Слегка бурристое в центре, похожее на широкенный пудинг скопление светло-серого дыма.

Толщина «пудинга» сравнительно невелика. На глаз порядка трех километров. Трудно представить себе, чтобы рождение туманного диска диаметром в двадцать пять километров не сопровождалось выбросом соответственного масштаба. И всего за девять часов колossalный султан газа успел осесть на равнину геометрически правильным слоем?.. Крайне сомнительно. Смятение сelenологов можно понять.

Мало-помалу изображение Пятна уползло под плашер штурмложемента. Андрей перевел глаза на светлую полосу, выбелившую горизонт. Она была несравненно ярче всех остальных подсвеченных солнцем деталей рельефа ведущего полуширья Япета. Светлая полоса принадлежала ведомому полуширю, которое, вероятно, по причине давнишнего столкновения с астероидом гораздо больше запорошено инеем. На Япет десантировались две смешанные по составу (космодесантники и учёные) исследовательские экспедиции; обе сделали вывод, что эта луна, вполне нормально изуродованная в прошлом сейсмической активностью недр и метеоритной бомбардировкой, ныне мертвя как булыжник. Скорбное Внеземелье опустило снежную, усеянную черными дырами кратеров простыню на окоченевые останки. А теперь, выходит, Мертвый Япет шевельнулся?..

— Я «Байкал!» — внезапно взревели тонфоны. — «Анарда», слышу ваш позывной! Кто на приеме?

Агани убавил громкость, взглянул на Андрея.

— «Анарда» — «Байкалу», — проговорил Андрей. — На приеме Тобольский. Салют, капитан!

— Салют, шкип! — Голос Валаева потепел. — Чертовски рад тебя слышать.

— Взаимно, Ярослав, взаимно! Как дела на разгрузке?

— Кое-как. Здешних приемщиков ты знаешь. Одним словом, провинция. — Валаев вздохнул. — Что у вас с радиосвязью? В эфире паника: все поголовно встревожены вашим молчанием. Говорят, там Пятно у вас объявилось какое-то ненормальное.

— Облако белесого тумана. Слишком круглое такое облако... Не идеально круглое, потому что края кое-где оплывают, но все равно слишком. Я думаю, что оно влияет на радиосвязь.

— Мы взяли его телефотерным увеличением. Мне эта штука напоминает круглую льдину.

— А мне пудинг. Хорошо отформованный грандиозный пудинг. Хватит на всех. Для всего человечества, как сказал бы один мой знакомый.

— Чего только не выдумает мать-природа... Ну, до встречи? Привет Аганну. Передаю канал сelenологам. Будь здоров!

— Общий привет, — процедил Андрей. Для Копаева.

— Титан-орбитальный — Япету. Мы вас тоже приветствуем, Андрей Васильевич! Вас и капитана «Анарды» Аганна. Если вы ничего не имеете против, мы хотели бы войти с вами в контакт по поводу фог-объекта — он же Дым-диск, он же Гранд-пудинг и он же Пятно на Япете.

— «Анарда» — Титану. С кем имею?..

— Постоянный член ученого совета Сатурн-системы Март Аркадьевич Фролов к вашим услугам. Мы с вами почти ровесники, предлагаю называть друг друга по имени.

— Согласен.

— Ваши впечатления? Как результаты визуальных наблюдений?

«Напористый малый», — подумал Андрей, взглянув на часы и добросовестно выложил свои впечатления.

— Это все. Наверняка я мало прибавил к тому, что вы наблюдаете на экранах телефонеров.

— Увы, да, — согласился постоянный член. — Но пусть это вас не смущает. Мы дадим вам несколько полезных указаний, которые помогут вашей группе собрать о Пятне дополнительную информацию.

Андрей на мгновение онемел.

— Послушайте, Март!.. О какой группе идет речь?!

— Ну, положим, на танкере вы не один.

«Лучше бы я был один», — подумал Андрей, разглядывая остроносый профиль Агана. Экзот тоскующе водил глазами по сторонам, ерзал в кресле и, страдальчески морщась, то и дело потирал затылок, словно перспектива получить ценные указания отозвалась у него приступом головной боли.

По затянувшейся паузе Март, видимо, понял, что взял неправильный тон, и добавил:

— Ваши возможности да, ограничены. Однако бездействие, согласитесь, недопустимо. Давайте вместе обсудим, как быть.

— Благоразумнее командировать сюда специалистов, более сведущих в вопросах проблемной сelenологии, чем я и Аганн.

— Безусловно. Готовится к старту люггер «Виверра» с десантниками и сelenологами на борту. Но где гарантия, что до прихода «Виверры» Пятно не исчезнет так же внезапно, как появилось?

Только теперь Андрей осознал масштаб столкновения интересов ученых и функционеров МУКБОПа. С приходом люггера тихая обитель заповедно-экзотических тайн мигом перевоплотится в орбитально-десантное общежитие. И никакие запреты МУКБОПа не помогут...

— У вас есть драккар. Всю ответственность я беру на себя.

— Идите вы со своей ответственностью!.. — вдруг вмешался Аганн. — Вам будто бы невдомек, чем пахнет проклятый кругляк на Япете.

— Нет, почему же, — обеспокоенно возразил Март. — Обдумываем кое-какие догадки. Кстати, именно это вынуждает нас...

Аганн не стал его слушать:

— Мало вам одного Оберона? Хотите заиметь второй? До свидания. — Поднимаясь из кресла, он попутно выключил автоматику связи, окинул взглядом неприятно вдруг онемевший сферо-экранный простор системы Сатурна.

— Ты имел в виду оберонский гурм? — ошарашенно спросил Андрей. — Пятно на Япете — гурм?..

— Нет. Но это прелюдия к гурму.

— С чего ты взял?..

— Чувствую. Как? Тебе не понять.

Аганн приблизился к штурм-ложементу и, словно не зная, куда деть свои беспокойные руки, заложил их в карманы. Андрей близко увидел его измученные глаза.

— Пока не понять, — добавил Аганн.

— Зачем ты вырубил связь?

— Не хотел, чтобы тебя уговаривали. Не лезь к Пятну, ты не десантник.

— Это опасно?

— Не знаю.

— Ты знаешь, что такое гурм? — сказал Андрей.

— Я знаю, что такое собственно гурм. Но что собой представляет Пятно, не имею понятия. Чувствую только, что эта круглая туча — зародыш будущей грозы. Туман на Япете — это первая стадия... какой-то подготовительный процесс, который, судя по Оберону, в конце концов завершается серией гурмов.

Руки его все время были в движении. За разговором эзот, должно быть, не замечал, как суетливо вели себя его руки. Он нервожно засовывал их на всю глубину карманов, нервно вытаскивал, закладывал за спину, поднимал к голове, щупал шею, затылок или судорожно складывал на груди. А когда он, нервно жестикулируя, разводил руки в стороны, перед глазами Андрея едва ли не с физической ясностью возникало ночное видение — тень многорукого «пианиста»... Да и ноги Аганна не стояли на месте — притопывали, перекинались, словно ему жгло ступни.

— Выходит, не зря сelenологи возбуждены, — сказал Андрей, чтобы дать время опомниться ему и себе.

— Теперь они облепят Пятно, как муравьи конфету, — проговорил эзот, нервно гримасничая. — Суэта, азиотаж, десанты...

«И десантники, — мысленно дополнил Андрей. — И над кем-то из них нависает угроза стать похожим на теперешнего Аганна. Второй Оберон... Десанты, наверное, следовало бы запретить. Но успеет ли Копаев хотя бы что-нибудь здесь предпринять?.. Н-да, ситуация, леший ее побери...» Минуту он размышлял.

— Кэп, что еще полезного о гурме ты мог бы сообщить мне под занавес?

Аганн, продолжая гримасничать, уставился на него долгим взглядом.

— По-моему, все сказано.

— Ясно. — Андрей набрал на клавишах ротопульта команду для автоматики связи. Эзот его больше не интересовал.

— «Анарда» — Титану, — сказал Андрей. — Март, связь. Вы там скоро уйдете с прямого луча, поэтому к делу. Вашу идею разведки десантом я принимаю.

— Когда планируете старт?

— К старту готов.

— Дряхлый у вас катерок... Выдюжит?

— Давайте так: занимаемся каждый своим делом.

— И общим, если позволите, — добавил Март. — Андрей, мы имеем дело с уникальным явлением. Похоже, догадка Аганна верна: Пятно на Япете — кровный родственник оберонского гурма по отцовской линии. А это весьма безотрадно, и вот по какой причине. Ареал обитания нашей цивилизации изучен достаточно хорошо, чтобы с уверенностью сказать: нигде не обнаружено никаких следов действия... э-э... гурм-феномена в прошлом. Здесь понятие «в прошлом» охватывает всю историю эволюции Солнечной системы вплоть до недавнего времени. Гурм-феномен — это какая-то принципиально новая и, не буду скрывать, очень странная производная сложной жизни нашего Внеземелья. И неволе начинаешь с тревогой думать о будущем. Если гурм-феномен был способен отгрызть солидный кусок Оберона, где гарантия, что он не сумеет проделать того же с Япетом, Луной? С Землей, наконец, Юпитером, Солнцем?.. Грызуна с лунномасштабным аппетитом надо изучать немедленно и подробно. Всеми доступными нам средствами...

— Март, дальше мне все понятно: беззащитное человечество, судьбы мира и прочее.

— Верно. А доступные нам средства в ближайшие сутки — старый катер, его примитивная аппаратура и ваше личное мужество. И это в условиях, когда у вас нет напарника, нет исследовательской сноровки, нет опыта десантных операций и нет надежды на радиосвязь. Вдобавок из двух десятков имеющихся в Сатурн-системе спасательных гулетов автономного базирования именно на Япете и в его окрестностях нет ни одного. По нашей вине. И сверх того, мы не в состоянии предложить вам достаточно рациональную схему контактной разведки гурм-феномена.

— Контактной? — переспросил Андрей, ясно теперь сознавая, чего, собственно, от него ждут. Прогулка к Пятну на устаревшей флеинг-машине — само по себе довольно рискованное предприятие даже в чисто техническом плане. Без связи — полное безобразие где-то на грани беспардонного аферизма. Но этого мало, в проклятый туман предстоит нырнуть с головой.

— Действуйте по приборам и обстоятельствам и, если те и другие позволяют, попробуйте углубиться в туманное тело Пятна где-нибудь на окраине. Разумеется, нас больше интересует центральная область, но туда мы сначала пошлем автоматы. Если, конечно, успеем. А вы не рискуйте. Еще неизвестно, что за похлебка в этом кotle.

— Геометрический центр Пятна совпадает с какой-нибудь деталью рельефа равнины Атланта?

— Лучше сказать — гипоцентр. Вам, собственно, это зачем?

— В таком тумане легко заблудиться даже на самой окраине.

— Понял. По нашим расчетам, гипоцентр можно отождествить с кратерком-малюткой, диаметр которого не превышает полусотни метров. В Лунном кадастре кратерок этот числится под номером шестьсот шестьдесят шесть. Абсолютно банальный ориентир...

— И на том спасибо. У вас ко мне все?

— Ну что ж, Андрей, ни пуха ни пера!.. На вашу долю выпала рискованная, сложная, но очень важная для родимой пла-

неты миссия. С другой стороны, русскому человеку не привыкать нести на своем хребте судьбы мира. С нетерпением ждем вашего возвращения. Будьте здоровы! Связи конец.

Андрей поднялся. Молча постоял, оглядывая запорошенное инеем полушарие Япета. Он не знал, что сказать экзоту на прощание.

— Ладно, шкип, мягкой тебе посадки, — первым заговорил Аганн. — Только не проходи над центром Пятна и... вообще не суйся в его центральную область. Одному дьяволу известно, какое варево там закипает.

— Спасибо, кэп. Я пошел... — В дверном проеме Андрей задержался. — Гостей надо будет устроить здесь поудобнее. Волей-неволей ты теперь комендант. — Ощущая спиной взгляд ино-воиспеченного коменданта, он оглянулся и обомлел: оскалясь в очередной гримасе, Аганн сверкнул двумя рядами зеркально-блестящих зубов!..

— Лучше бы ты о себе подумал, — произнес экзот блистающим ртом. — Не верю я в инозвездных пришельцев, несмотря на дьявольски четкую геометрию этого кругляка... Но если чудо произойдет и ты их там встретишь, передай им мое проклятие. Мое и всех тех, кого они убили на Обероне. А заодно и свое...

Дверь закрылась.

7. ОБЛАКО БЕЗ ШТАНОВ

Андрей брел по коридору почти бездумно, как во сне. В голове роились обрывки мыслей — ни на одной из них он не мог толком сосредоточиться. Перед глазами блестящий оскал... Наконец его остановило смутное ощущение чего-то незавершенного. Перед стартом он должен был что-то сделать. Но что?.. Ах да, карта Япета...

Подключив принесенный с собой фотоблинкстер к информканалу библиотечного дисплея, он просмотрел на экране кассету с необходимым ему подразделом Лунного кадастра. Строметровая метеоритная яма № 666 на карте выглядела меньше макового зерна.

По дороге в скафандровый остек он чуть ли не всерьез прикинул, нельзя ли употребить для десанта тяжелый скафандр противорадиационной защиты типа «Сентанк». Шальная прикидка была отзвуком пережитой паники. Слов нет, чудовищный панцирь «Сентанка» — хорошая биозащита (выдерживает лучевую нагрузку рабочей секции стелларатров), но и только. Он представил себя в неповоротливой бочке «Сентанка» в кабине катера. Н-да... Более верного способа гробануться в долине Атланта, пожалуй, и не найти. Что ж, надо топать в обыкновенном корабельном скафандре типа «Снегирь». Один раз кираса обыкновенного «Снегиря» отразила атаку «мягких зеркал» (даже экзот удивился), так почему бы ей не продолжать в этом же духе.

Из ветротоннеля его вынесло прямо к двери переходного тамбура. Дверь мягко открылась, он по инерции влетел в тесноватое помещение, в котором манипулировал кнопками санобработки полтора часа назад, и с ходу прильнул к стеклу квадратного иллюминатора: в скафандром отсеке было светло и чисто. Что-

то заставило его посмотреть на экран аварийного оповещения — он посмотрел и почувствовал, как шевельнулись волосы на голове. В голубом экранном прямоугольнике зияла угольно-черная пятиталая дыра, как если бы кто-то насеквоздь продавил поверхность экрана ладонью левой руки. Великое Внеземелье!...

Но это была не дыра: иллюзию углубления создавала контрастная чернота плоского отпечатка на фоне светящейся голубизны. Он сразу все понял, инстинктивно отпрянул, крепко стукнувшись головой о корпус парящего в воздухе фотоблинкстера: «А, черт!» Снял блокировку с автоматики замка двери скафандрового отсека и покинул тамбур так резво, будто спасался от пчелиного роя.

Дверь сработала за его спиной с быстродействием гильотины: «пфф-крак!» Опомнившись, он извернулся в воздухе, прильнул к иллюминатору, чтобы снова взглянуть на черную пятерню, не мог поверить в этот кошмар до конца. Издали «черный след» уже не казался дырой — выглядел плоским. В тамбуре у него и мысли не возникло сравнить размер отпечатка с размером своей ладони. Видимо, следовало бы сравнить... для порядка... однако он слишком хорошо понимал, что не сделает этого. Не прикоснется к черному силузту. Ни за что. Да и не стоило этого делать. Не было смысла. Поптру часа назад он, выплывая из тамбура, оттолкнулся левой рукой от экрана. Он сразу вспомнил об этом, как только увидел дьявольский отпечаток, и сразу все понял, но только сейчас нашел в себе смелость это признать. На борту «Анарды» он встретил единственный «черный след» — свой собственный... Очень мило.

Андрей оттолкнулся ногами от переборки и поплыл вдоль гардеробного ряда.

Предстартовой экипировкой руки занимались самостоятельно. Без участия головы. Мозг парализован мыслью о полной необразимости положения, чувства — ужасом. Как падение в пропасть: летишь в самых что ни на есть привычных условиях невесомости, но превосходно знаешь, чем это кончится. Тогда в Гималаях это кончилось, к счастью, глубоким сугробом на склоне и ободранной физиономией. Здесь безнадежность полная. «Мягкие зеркала» достали его сквозь скафандренную кирасу, и теперь он, по сути дела, на одной доске с Аганном и другими экзотами. «Черный след» — аргумент, против которого не попрешь.

Темнотища в закрытом вакуум-створе — глаз выколи. По словам Аверьяна, экзоты видят в темноте. Он ничего не видел. Ни зги... Он все время взвешивал свое внутреннее состояние на весах ощущений, пытаясь уловить в себе хоть какие-нибудь признаки экзотических изменений. Их не было. Никаких. Абсолютно. Даже пресловутого ядовито-железистого привкуса на языке не было и в помине. Но теперь он по крайней мере знал, в чем дело. Копаев ведь говорил, что прикосновением к действующему экрану экзоты способны освобождаться от «чужеродного заряда». На какое-то время. Именно это позволяло им запросто проходить медосмотры спецкарантина. Так-то вот, эксперт... Как и предсказывал Агани, самое занятное ждет тебя впереди.

— КА-девять. Контакт. Открыть гермолюк.

В темноте вспыхнули бортовые огни «Казаранга».

— Свет, — добавил Андрей.

Щурясь от избытка иллюминации, он осмотрел участок стены, где недавно блистиали зеркальные кляксы. Никаких следов. Будто бы этой блистающей мерзости никогда здесь и не было.

В кабине дракара он пробрался вперед к пилот-ложементу, закрепил фотобликстер и, пристегнувшись к сиденью, с помощью пневмораздвижки отрегулировал габариты спинки по габаритам своего скафандра. Соединил разъем электрокоммуникаций. Пошелевелился, проверяя свободу движений рук и ступней. Покачал рукоятки управления, опробовал, как дышат под пальцами диффузоры и гашетки, подал команду закрыть гермоплюк. Необыкновенно ясно представилось вдруг, что в ложементе второго пилота кто-то сидит. Он преодолел в себе искушение немедленно оглянуться (второй ложемент был чуть правее и сзади), но потянул из спинки полужесткий штатив зеркала. В зеркальном овале отразилась задняя половина кабины. Ложемент второго пилота был, разумеется, пуст. «Нервы шалят», — угрюмо подумал Андрей, сдвигая на рукоятках контактные ползунки в положение «предстартовая позиция». Кабина преобразилась: полупрозрачная оболочка будто растаяла перед глазами, обнажив убогий интерьер вакуум-створа, и точно так же возникли широкие «проталины» экранных окон, открыв для обзора участки помятой палубы.

Катер автоматически подал сигнал на сервомоторы вакуум-створа — щит упал в потолок, распахнулась звездно-черная пропасть. Андрей окинул взглядом созвездие Девы, вздохнул с облегчением. Шелест вздоха заставил дрогнуть крылья зеленого мотылька индикатора звукозаписи, — на дракарах голос пилота фиксируется. Бывают десанты, когда уцелевшая бронированная кассета с несколькими фразами пилота — единственный ключ к разгадке обстоятельств катастрофы десантного катера.

— Информсистема функционирует нормально, — сказал Андрей. — Выхожу на позицию старта.

Катер встряхнуло. Телескопические штанги захвата, медленно удлиняясь, вывели машину за пределы вакуум-створа. Андрей оглядел чернеющую под ногами ночную сторону Япета и удивился глухой тишине в шлемофоне: стрекотания не было слышно. И вообще ничего не было слышно. Такого идеального радиобезмолвия он за всю свою летную практику еще не встречал. Занятные радиометаморфозы у этого планетонда...

— Позиция старта. Ничего не слышу, полное радиомолчание. Судя по индикаторам, система связи в порядке.

Три щелчка в шлемофоне (сигнал минутной готовности) — замигали секундные марки времени. Андрей отстрелил кабель дистанционного контроля, привычно окинул взглядом всю картину индикации, выхватывая главное.

Смутной тенью скользнула какая-то нехорошая мысль. Он не успел за ней проследить, щелчок в шлемофоне и вспыхнувший транспарант «Захват чист» мгновенно переключили его внимание на другое. Снежное облако выхлопа стартовой катапульты, напрясающий крен. Слева по борту — черная стена планетонда, над головой — бортовые огни «Анарды». Реверс-моторами он «подработал» ориентацию «Казааранг» и дал тормозной импульс для схода с орбиты. Перегрузка вдавила тело в амортизаторы ложемента. Пульсирующие носовые огни танкера немедленно отодвинулись куда-то в звездную высь и начали отставать — катер,

уменьшив скорость, обогнал «Анарду» в плоскости орбиты (кажущийся парадокс, перед которым здравый смысл человека, мало знакомого с динамикой орбитальных полетов, обычно пасует).

— Первый тормозной импульс отработан нормально. Определился на траектории сближения, даю второй.

В шлемофоне тихо звенело. Очень тихо — где-то на пределе слышимости. Слабенький звук (лучше сказать, призрак звука) вяз в мягкой, как вата, тишине, и Андрей пожалел, что не наполнил кабину воздухом. По крайней мере, свист фланг-моторов был бы слышен отчетливо. Теперь уже поздно, от перепада температур, чего доброго, запотеет стекло гермошлема. «Снегирь» есть «Снегирь», — думал он, — экспериментировать не стоит».

Он не разбил экран, не сделал попытки уничтожить свой «черный след». И впредь не намерен поступать иначе. Правда, совершенно неясно, как он будет жить в шкуре монстра-экзота (и будет ли?), но прятаться от людей, лгать, изворачиваться на медосмотрах не станет, это уж точно. Скрытая от людских глаз таинственно-жуткая жизнь Агани и других «обероццев»-экзотов — это определенно не для него. «Но ведь, в сущности, кроме шока от появления «черного следа», ничего экзотически-странныго ты еще не почувствовал, — надоедливой мухой зудел внутренний голос. — Тебе еще неизвестно, как это будет, и сейчас ты чувствуешь, думаешь и решаешь как человек. А где гарантия, что сиюминутная твоя решимость не развеется в прах, когда с головой окунешься в незнакомый пока тебе мир ощущений, желаний и настроений экзота?..» Ну уж нет, пропади оно пропадом! Он даст разрезать себя на куски, лишь бы люди сумели понять, в чем тут дело, и успели обезопасить свой мир от «мягкозеркальной» напасти. Блистающие оскалы монстров человечества не к лицу.

— Внимание функционеров МУКБОПа, — проговорил Андрей, искоса глядя на оживленно затрепетавшие крылья индикаторного мотылька звукозаписи. — Важное сообщение. Мой контакт с «мягкими зеркалами» в вакуум-створе не был безрезультатным — я обнаружил у себя способность оставлять на экране черные отпечатки ладони. Каких-либо иных экзотических изменений в своем организме пока не нашел. Конец.

Андрей определился по высоте, выключил фланг-моторы и развернул катер носом по курсу. До поверхности планетоида было не меньше двенадцати километров. Из-за горизонта ударила первый солнечный луч; в пламенном ободке ореола взошел над Япетом и стал взбираться по вертикали маленький иссиня-черный кругляк «затемненного» Солнца (жесткий свет его диска был «съеден» поляроидным фильтром буквально вчистую). Потом среди звезд на бархатно-черное небо взошел при полном параде и сам владыка этого края Сатурн — с начищенной до жемчужного блеска шлагой Кольца, гладкий, как дыня.

Теряя высоту, драккар инерциальным ходом перевалил изрезанную частоколом теней пограничную зону темноты и света и потянул над озаренной солнцем, обезображенной неровностями рельефа и оспинами кратеров пустыней.

Детали рельефа навевали уныние. Краски были однообразные, тусклые и тоже навевали уныние; изредка проплывали внизу

участки, скупо подбеленные жиденькими сугробами замороженных газов. Воображение подсказывало, что тут творилось в те времена, когда буйствовали сейсмические судороги недр и метеоритная бомбардировка. «А что тут будет твориться, когда начнет буйствовать гурм!..» — подумал Андрей, увидев на горизонте светлую полосу. И чуть не вздрогнул от неожиданности: в ушах прозвучал хриплый кашель. Или что-то похожее на кашель. Станный звук странно качнулся на волне дрожащего эха и замер. Потом повторился. Андрей с подозрением посмотрел на светлую полосу, вернее, холм заметно подросшего на горизонте Пятна. Подумал: «Радиофокусы Пудинга. Электроразряды? А может, и у меня начинается?» Ему стало не по себе. Ядовито-железистого привкуса на языке он по-прежнему не ощущал. Впрочем, «привкус» Агани мог просто выдумать. Чтобы, скажем, уйти от расспросов.

— Иду инерциальным ходом, высота — восемьсот. Первый радиозвук совпал с моментом выхода верхней кромки Пятна в зону луча прямой видимости. Ясно вижу дугу юго-восточного фронта Пятна, готов к маневру сближения и посадки. Включаю систему видеозаписи. Высота — шестьсот девяносто. Выполняю маневр.

По дну корытообразной и словно очень неровно заасфальтированной долины жуком пробежала черная тень дракара...

Вцепившись геккорингами и крючьями ступоходов в лед, «Казаранг» стоял перед стеной тумана. Бок исполинского диска начался на высоте более трех километров и падал бугристо-складчатым обрывом. Андрей, оцепенев в ложементе, водил глазами, обозревая доступную взгляду часть немыслимо колоссальной горы тумана. До него не сразу дошло, почему это облакоподобное Нечто кажется монолитным, неестественно плотным. Вдруг понял: естественные облака и туманы клубятся. Клубятся, ползут, расширяются, тают, они изменчивы и подвижны. Гора туманов — олицетворение статики.

Шлемофон периодически напоминал о себе эхокашлями. Андрей снизил громкость звука и решил прощупать туманный массив лучами локаторов. Экраны пусты, отраженного сигнала не было — как будто гора действительно целиком состояла из одного тумана. И не было ни малейшего намека на то, что лучи доставили ей хоть какое-нибудь беспокойство, даже параметры эхокашлей не изменились. «Кашлять она хотела на меня и мои локаторы», — подумал Андрей и включил шагающий механизм «Казаранга».

По причине очень малого тяготения на Япете катер мог продвигаться вперед пешим ходом только в режиме малого шага (на жаргоне десантников — «скорость осла»). Плавно покачиваясь, точно это происходило в воде, машина мерно перебирала ступоходами, вонзая в податливый ледорит крючья фиксаторов. И как ни мала была «скорость осла», машина достигла подножия оползневого склона быстрее, чем Андрею того хотелось. Он чувствовал, что психологически еще не созрел для «контактной разведки гурм-феномена», и осадил своего конька-горбунка на краю кратерной ямы, за которой уже начинались владения «мраморных» облаков. Инстинкт подсказывал: обстановка сложная, то-

ропиться не надо. А что надо? Ведь не стоять же на месте!.. На это инстинкт ответить не мог.

Подстраховывая взлетную стабилизацию «Казаранга» реверсомоторами, он дал импульс вертикальной тяги и, уклонившись от карниза (огромного вблизи, как фланговое крыло грозовой тучи), поднял машину над верхней кромкой Пятна. Взглянул на безмерно широкую «крышу» диска, присвистнул. «Крыша», которая с орбиты выглядела плоской, слегка бугристой равниной, явно обнаруживала теперь склонность к вспучиванию. Похоже, это необозримое скопище белесого тумана трансформировало свою геометрию от формы диска к форме выпуклой линзы.

Осторожничая, Андрей прошел высоко над Пятном. Сначала по хорде. Затем резко снизился и повернулся к центральной группе холмов, которые были заметно выше периферийных и занимали на макушке мениска линзы сравнительно небольшую площадь — этак порядка дюжины квадратных километров. «Разведка это или нет?! — подумал он, отгоняя воспоминание о советах Агана и Марта Фролова не приближаться к центру Пятна, и лишь теперь мимоходом отметил, что эхокашли умолкли. — Советчики!.. Ни тот, ни другой никогда не имели дела с Пятном. А доведись самому Фролову быть сейчас в этой кабине? Наверняка сиганул бы в туман очертя голову. Есть в нем что-то такое... присущее сильным натурам».

«Казаранг» завис над крайним холмом центральной группы. Ничего не случилось. Чуть в стороне Андрей приметил темносерую полосу шириной в метр. Она отчетливо выделялась на однобразно-белесом фоне туманной массы и была слишком длинной, чтобы не обратить на себя внимание. Он присмотрелся. Поразительно напоминает след эленарт на мягком снегу. Глубокая такая борозда, взрыхленная траками гусеницы движителя. Занятная иллюзия... Он подогнал катер поближе и вновь присвистнул от удивления: «гусеничный след» оказался плохо затянутой щелью разлома в туманообразном теле Пятна.

— Беру след, — сказал Андрей, разворачивая машину. — Полоса разлома ведет меня меридиональным направлением.

Это было не совсем точно. Вернее, совсем не точно. Борозда, извиваясь как тропинка в лесу, пересекая тени холмов и постепенно отклоняясь к северо-западу, вела по дуге, огибающей центральный участок. Потом она отклонилась к западу, а дальше — к юго-западу... Похоже, вела по кругу. Андрей прикинул: разлом, охватывая всю аномально всхолмленную макушку мениска линзы, по-видимому, оконтуривал глубинный очаг силовой деятельности горы тумана.

Все прикидки разом вылетели у него из головы, когда он увидел еще одну борозду. С километр старый и новый «гусеничные следы» шли параллельно, затем неожиданно переплелись между собой и вдруг разбежались по обе стороны от встречного холма. Андрей растерялся. Круто взмыв над холмами, посмотрел с высоты. Борозд было много. Извиваясь среди холмов, они образовали на центральном участке малозаметный кружевной рисунок из волнообразно деформированных, местами переплетающихся окружностей. Довольно сложная система концентрических разломов. Впрочем, концентрических ли?.. Он внимательно присмотрелся и понял: нет здесь никаких окружностей. Это бы-

ла одна-единственная борозда, небрежно скрученная на макушке Пятна в многовитковую спираль. Словно бы кто-то огромный, держа нетвердой рукой садовый шланг под напором, долго водил струей вкруговую. В центре — черная точка между холмами... Напоминает глаз урагана. Миниатюрный такой глазок. Дырка в тумане. Так вот от какой печки начала свою шальнойную пляску со спиральным кружением трещина разлома!..

Андрей снизил катер к верхушкам холмов и, все еще осторожничая, готовый в любой миг взмыть кверху, медленно пересек первый виток борозды. Сердце ската необъяснимая тревога, возникло предчувствие опасности. Однако на маневр дракара гипотетически опасная местность никак не реагировала. С высоты «глазок урагана» выглядел просто скважиной в теле Пятна, узким — чуть шире борозды — колодцем. Андрею скважина почтимо-то не нравилась, хотя он и мог объяснить себе, в чем тут дело. На подходе к «дыре» он сбросил скорость практически до нуля, собираясь применить свой старый курсантский трюк — зависание с дифферентом на нос, — другого способа заглянуть в «колодец» не было. Едва нос катера опустился, полыхнула зеленая молния и страшный удар опрокинул машину.

Ослепленный вспышкой, он подавил в себе рефлексивный зыв рвануть драккар на форсаже куда-нибудь наугад; ощущая падение машины с вращением, открыл счет секундам (как при покдауне) и вслепую стал подавать реверс-моторами короткие импульсы стабилизации, пока не почувствовал, что вращение прекратилось. Перед глазами плыли цветные пятна-фантомы, он ничего не видел, не мог даже представить себе, в каком положении валится вниз машина (боком? носом? кормой?), и этот мучительный отсчет секунд был для него единственной возможностью хоть как-то оценивать в состоянии невесомости метраж убывающей высоты. Он хорошо теперь понимал: позволить драккар укоснуться тумана вблизи от устья предательской скважины — значит сыграть с безносой в чет-нечет. Фантомная завеса передела вовремя — стена тумана с бороздой и черным «колодцем» уже закрывала все справа и сверху, он рывком развернул катер носом к Солнцу и дал форсаж. Резкая перегрузка вернула ему самочувствие хозяина полетной ситуации.

Подвесив драккар высоко над краем аномально всхолмленной зоны, он лишь теперь заметил, что левый нижний экран погас. Экран... Легко отделался. Именно сюда, в левую скулу днища, ударили из скважины луч. Или молния? Кто знает... А катерок показал себя молодцом. В покдауне побывал — и ничего. Могло быть хуже. Главное, моторы в порядке. Все основные системы, кажется, в норме... Включив воздуховушку гермошлема, чтобы высушить покрытое испариной лицо, он поиском черную точку между холмами. Все там было на своих местах, без изменений: холм, борозда, «колодец». Пусть заглядывают туда автоматы Фролова. Пусть заглядывает сам Фролов, если советы Аганны придется ему не по вкусу. Аганна, видимо, знает, о чем говорит: «Не проходи над центром Пятна...» Откуда знает, другой вопрос, но ведь факт: откуда-то знает... «Теперь наша очередь знать», — подумал Андрей и вслух доложил результаты разведки макушечного участка белесого чудища. Доклад закончил предположениями:

— Думаю, сердцевина Пятна представляет собой вертикально ориентированный цилиндр с четырехкилометровым диаметром основания, пронизанный осевой скважиной и трещиной спирально развитого разлома. Собственно, это геометрия рулона. В своей периферийной зоне рулон туманообразной массы, должно быть, сильно изрезан взаимными пересечениями витков разлома. Подобно тому как изрезан или, вернее, расслоен на лепестки бутон розы. Ударный выброс из скважины... условно я называю это лучом, имеет, мне кажется, ту же природу, что и луч, угодивший в «Анарду». По крайней мере, и здесь, и на танкере это сопровождалось ярко-зеленой вспышкой. Однако ударные свойства здешнего выброса по мощности на два-три порядка выше. Левая скула днища дракара, очевидно, покрыта теперь слоем зеркальной субстанции. О результатах осмотра днища доложу при посадке.

Он развернул катер на юго-восток и вдруг увидел внизу однокую борозду. Эта борозда была иного типа. Такое впечатление. Будто она вырвалась на простор из сумасшедшего хоровода витков запутанной спирали и без оглядки помчалась к южному краю Пятна — идеально прямая, словно ее провели по линейке.

Он посадил катер на ледорит и стал разглядывать темную расщелину — почти ущелье в облакоподобном массиве оползневого склона. Прочертив «крышу» Пятна южным радиусом, борозда беспрепятственно сошла на обрыв (оплывающего карниза в том месте не было) и, постепенно расширяясь, строго по вертикалам сбежала вниз трещиной в стене тумана, а в самом низу превратилась чуть ли не в ущелье...

— КА-девять, открыть гермоляк.

По привычке Андрей проверил замок стекла гермошлема и выпрыгнул в люк. Замедленное падение. Косянувшись ледорита, он включил геккоринги, выпрямился. Его шатало из стороны в сторону. Почти невесомость. Мимолетная мысль о том, что это уже третья луна Сатурн-системы, где он оставляет следы, мало его взволновала. Он обдумывал тактику предстоящей «контактной разведки гурм-феномена», и обнаруженный в монолитной стене тумана пролом казался ему подарком судьбы. По крайней мере, есть шанс заглянуть внутрь белесой громадины. Далеко ли — другой вопрос, но именно заглянуть. А вслепую ломиться сквозь этот «кисель», в котором вязнут лучи радиолокаторов и лидаров, — безнадежная и, надо полагать, бессмысленная авантюра.

Левая скула днища катера была абсолютно чиста: никаких фрагментов обширной, как он ожидал, нашлепки зеркальной субстанции. Ни единого пятнышка... Это его озадачило. От момента удара над скважиной до осмотра прошло немного времени — гораздо меньше, чем это было на танкере. Здешние «мягкие зеркала» тают быстрее орбитальных?.. Не исключено. Как, впрочем, не исключено и то, что здесь их не было и в помине. И превосходно. Отсутствие блестящей мерзости его устраивало. Он осмотрел бортовые обводы, корму, ступоходы и отошел на несколько метров от катера — взглянуть на примеченнюю во время посадки странную прямую бороздку.

Вместо бороздки он увидел прямолинейный пунктир из идеально круглых ямок с конусовидными донышками, и с первого

же взгляда это чертовски ему не понравилось. Пунктир брал начало от разлома оползневого склона, проходил мимо катера и, строго выдерживая взятое направление, исчезал в полусотне метров отсюда за пологим бугром. Очень странный пунктир. Более странный, пожалуй, и неприятный, нежели все остальные...

Андрей низко склонился над одной из ямок, но схваченные геккорингами подподошвенные участки ледорита раскрошились как хрупкий наст, и следопыт медленно завалился на четвереньки. Некрасиво, конечно, зато удобно.

Впрочем, не было особой нужды ползать над загадочными вмятинами. И без того было видно, что все они одинаковы по размерам (две ладони закрывали ямку целиком). Интервал между ямками всюду выдержан с машинной точностью. Словно бы тут прокатилось огромное колесо с шипами на ободе. Андрей поднялся и посмотрел на бугор, за который оно укатило. Воображение мигом воспроизвело перед глазами многорукие фигуры копошащихся в тумане пришельцев и то, как они, обмениваясь между собой информационными эхокашлями, разгоняют по спирали одноколесный экипаж и, набрав скорость, уносятся куда-то в человеческий мир по каким-то своим нечеловеческим надобностям. А кстати, почему не слышно здесь эхокашлей?

— Потому что пришельцы уехали, — пошутил он вслух.

Мертвая тишина в мертвой пустыне успела ему опровергнуть, и, шагая вдоль пунктира к бугру, он прислушивался к поскрипыванию в гибких сочленениях скафандра. Потом услышал свое дыхание. Идти было трудно — ледорит не везде был достаточно тверд для геккорингов.

Бугор оказался частью вала неглубокого, древнего, по-видимому, кратера. Идти дальше не имело смысла. Андрей потащился обратно. С трудом удержал себя от соблазна прыгнуть. По опыту знал: «кенгуру» (обычный способ десантников передвигаться в условиях слабого тяготения) ему не подходит. Недоставало еще вывихнуть себе суставы. Или хуже того — поломать кости: как-никак, а его общая масса почти четверть тонны. Десантникам прыгать можно: у них за плечами годы специальных тренировок, а на плечах — лунно-десантные спецскафандры. Им здорово здесь придется попрыгать.

Постепенно появилось ощущение, будто он видит что-то очень знакомое. Ах, черт!.. Он замер на месте. Подозрение ошеломило. Этот пунктир подобен пунктиру зеркальных клякс в вакуум-створе... Он повернулся лицом к югу и без труда представил себе, где находилась «Анарда» в момент, когда луч угодил в вакуум-створ. Все верно, никаких сомнений... Разыскивать конец пунктира на юге теперь ни к чему. Это уже не имело значения. Пришлый луч задел борт «Анарды», мазнул по Япету с юга на север и, достигнув Пятна, сплясал в центральной зоне волнистой спиралью. А потом сосредоточился в том месте, где теперь скважина. Буквально как в аналогии с садовым шлангом... Однако вполне могло быть, что Пятно возникло не до, а после пляски луча. Скорее всего так и было. Не потому ли Пятно заметили с орбитальных баз именно после?.. «Ну что ж, следопыт, — подумал Андрей, возвращаясь к машине, — кажется, ты неплохо делаешь свое дело».

Ремни пристегнуты, люк закрыт, результаты пешей разведки доложены. Вглядываясь в непроницаемо-темную глубину расселины, Андрей не чувствовал ни малейшей охоты направить туда драккар. Медлил. Еще оставались вопросы, над которыми он усиленно размышлял. Почему над скважиной удар был нанесен не сверху, а в днище? Куда подевался пришлый луч? Заварил исполнинскую кашу и спокойно угас? Или переметнулся куда-то?.. Удар снизу определенно свидетельствует: Пятно способно генерировать лучи с мощными ударными свойствами. И победы, если дыра в центре этого облака без штанов — единственный канал распространения лучей. А если каналов несколько?

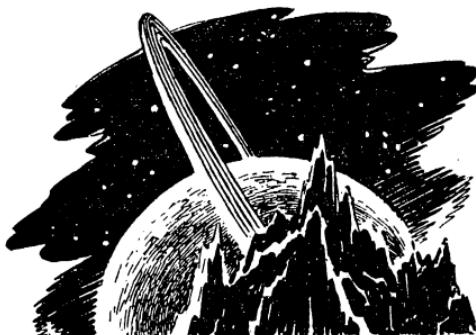
Он снялся с точки, взял вправо, стремительно огибая стену обрыва. На круговой облет Пятна он потеряет четверть часа. Не слишком большая отсрочка. Но это будут его четверть часа.

Шлемофон закашлял. Умолк. Снова закашлял. Андрей обратил внимание, что эхокашли слышатся только возле участков обрыва, над которыми нависают оплывающие карнизы. Однако это ни о чем ему не говорило. Катер нырнул в тень на северной стороне Пятна, будто в глубокую воду, над головой вспыхнула усыпанная алмазными крошками лента Млечного Пути. Он включил фары, и дрожащие на бугристой стене отсветы долго сопровождали машину. Потом он увидел залитые солнцем верхушки внешнего хребта.

Андрей посадил машину рядом с протоптанной «мягкими зеркалами» пунктирной тропинкой и включил шагающий механизм. Полированные чаши лидаров периодически озарялись мощными красными вспышками проблескового маяка сброшенной на ледо-рит капсулы с первой развединформацией.

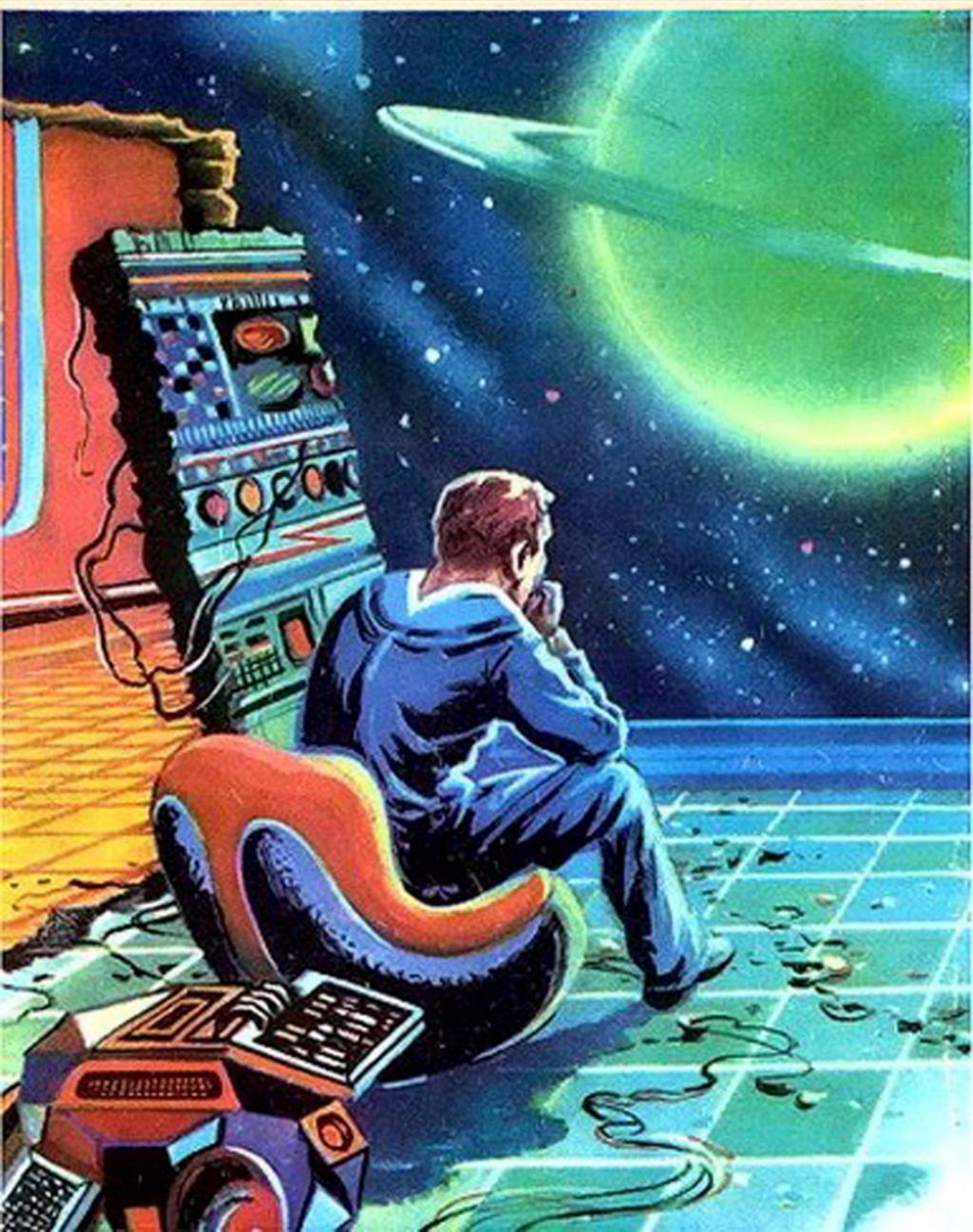
Расселина была довольно широкой — вдвое шире дракара. У входа Андрей покосился на громадные выступы облаков. Страшилища справа и впрямь как стражи замка сказочного людоеда. С той только разницей, что теперь людоед зовется иначе: гурм-феномен... Черным занавесом упала на катер ощутимо плотная тень. Свет фар вспорол темноту ущелья.

(Окончание в следующем выпуске)

Сергей ПАВЛОВ — Мягкие зеркала
Григорий КУСОЧКИН — Обоз
Юлий НАЗАРОВ — Хамелеоны

Цена 60 коп.

СЕРГЕЙ ПАВЛОВ

МЯГКИЕ ЗЕРКАЛА

Фантастический роман

ЧАСТЬ II

1. ЖИВ-ЗДОРОВЫ

Mеф Агани изнемогал в борьбе с глухотой. Отчаянно отбивал первые натиски мертвой тишины, сопротивлялся ей, теряя силы. Все тело участвовало в этом сопротивлении — каждая мышца, каждый нерв...

Тобольский наверняка заметил его усилия и был, должно быть, напуган. Мальчик не из пугливых, но как этот смелый

окончание. Начало в предыдущем выпуске.

мальчик смотрел, когда уходил!.. Ничего, пусть теперь смотрит. И пусть не питает никаких иллюзий.

Еще немного продержаться — увидеть старт «Казаранга». Знал: если накатит мертвая тишина — с глазами начнет происходить какая-то чертовщина, и он ничего не увидит, кроме глянцево поблескивающего пространства и отвратительно желтой пены...

— Не возьмешь!.. — прощедил он сквозь сжатые зубы и отработанным многолетней практикой своеобразным усилием воли отогнал очередные приступы глухоты. Его корежило и трясло.

Почти бессознательно он отшвырнул надувное кресло, с хрипом набрал полные легкие воздуха и едва не захлебнулся в надсадном крике. Противно, мерзко. Но помогает, если нужна отсрочка. Уже помогло.. Хорошо, что здесь некому слушать.

Он немного расслабился. Сердце стучало где-то возле самого горла, но в целом... Ничего. Сносно. Тяжесть в затылке осталась. Наплевать. Все равно не отпустит, пока ЭТО не кончится... Он вытер ладонью лоб. Ладонь блестела. И в холодильник не надо. Сегодня все пойдет как по маслу. С блеском... Сегодня ЭТО ведет себя слишком напористо. Налетает как шквал. Ну естественно. Близость Пятна. Предгурмии.. «Вот и еще один термин, — подумал Аганн. — Не закипел бы там, на Япете, этот проклятый котел раньше времени. Предгурмии...» Он обвел командную рубку воспалившимися глазами. В ушах стоял гул. Даже воздух, казалось, пропитан гулом и блеском.

Он посмотрел на темный Япет и увидел фиолетовую струю тормозного импульса «Казаранга». Придерживая гирю-затылок рукой, боясь наклониться, он коленом придинул кресло к штурманскому ротопульту, сел и включил информавтоматику.

— Отлично, парень, отлично... По всем параметрам оптимально выйдешь к Пятну. Мягкой тебе посадки!

Он попробовал вызвать борт «Казаранга» на связь. Андрей не ответил. Полная радионепроходимость.

Меф вздрогнул. Представилось, будто со стороны кто-то отчелово произнес: «Ты зачем отпустил его туда одного?»

Ощущив внезапную нехватку воздуха и толчки большого, тяжелого сердца, Меф рванул застежку у горла. «Одного. Без связи. На старой машине. И это Пятно!..»

Он вскочил, покачнулся. Ноги слушались плохо. Знакомое онемение в бедрах. Затылок... О-о, черт, затылок! Плечи, спина... Отковылял к пилот-ложементу, опустил себя на сиденье, упираясь в желоба подлокотников немеющими руками. Словно оправдываясь, быстро забормотал:

— Я не смог бы его удержать. И никто не смог бы. Не было смысла и пробовать. Все обойдется... Он смел и умен, этот мальчик, первый пилот роскошного сверхкорабля, внимателен и осторожен. Расчетливо осторожен. И знает, что такое гурм. Теоретически, правда, но... не беда. Элдер и остальные заплатили жизнью, чтобы о гурме знали только теоретически. Одно плохо: Андрей ушел в десант без напарника... Не беда. Сутки продержится, а там подоспеют профессионалы.

Горизонт Япета охватила тонкая золотистая линия. Вспыхнул и тут же увяз в защитных слоях светофильтров первый луч Солнца.

Судорожно цепляясь за подлокотники, Меф поднялся и с трудом отковылял на ватных ногах от пилот-ложементов, чтобы в припадке не поломать чего-нибудь на ротопультах. Голова будто чужая. Не голова — набитая льдом и снегом подушка. В груди тяжело просыпался вулкан. Тело все еще рефлекторно сопротивлялось, однако Меф знал, что теперь, даже если бы он захотел, ничего не поможет — хоть влипни в какой угодно экран двумя ладонями сразу. Он с тревогой прислушивался к непонятной ему самому бурной мобилизации скрытых сил организма. Сердце — бурлящий котел. Десять бурлящих котлов. Сотни раз проходил через это, а привыкнуть не может. В такие минуты ему всегда было страшно. Сегодня особенно. Чувствовал: сегодня пружина натянута до отказа.

Что-то холодное налетело шквалистым ветром и, оглушив тишиной, умчалось куда-то. Возвращаясь, плеснуло в глаза жидким стеклом. Снова умчалось — с тем чтобы вернуться обратно уже заметно быстрее. Как циклопический маятник с затухающими колебаниями. Сердце бешено колотилось, мозг словно бы проносился туда и обратно сквозь глянцево-студенистую звуконепроницаемую среду. Со всех сторон повалила громадными хлопьями отвратительная желтая пена. Не самое страшное. Вот сейчас... «Маятник» замер — ледяные пальцы удушили и ужаса грубо сдавили горло, что-то вязкое мягким ударом заставило сердце остановиться на полном ходу. И откуда-то из невообразимого далека распространялась, заполняя собой весь космический мир, всеохранная мертвая тишина...

Плотно увязнув в удушливой глубине волны вселенского безмолвия, он разглядывал призрачный мир, наполненный необъяснимо прозрачным блеском и пеной, и чувствовал, что умирает, и какая-то крохотная частица ясности в замутненном, но не желающем умирать сознании тщетно силилась воссоздать в полуугасшей памяти хотя бы какой-нибудь звуковой образ. Нет, звуковая память ампутирована полностью, и это почему-то ужасало больше, чем просто смерть...

Мертвая тишина сменилась звонкой многоголосицей, и это привело его в чувство. Меф приоткрыл глаз (второй почему-то не открывался). Розовая пелена... Он лежал на чем-то жестком животом вниз. В измученном теле засела тупая боль, как бывает после чрезмерной физической перегрузки. Он пытался сообразить, где он и что с ним. В ушах стоял звон. Двигаться не хотелось, но подымало узнавать, кто именно сегодняшний новорожденный. Хорошо, если бы это был Юс Элдер. В последнее время почему-то чаще других наведывался Мстислав.

Ненмоверным усилием Аганн поднял голову. В ложементе спарки сидел Юс.

У Элдера была привычка, сидя вот так — локти в колени, глядеть исподлобья и потирать запястья. Юс любил точность и для страховки носил на обеих руках часы на браслетах. Это в прошлом. Теперь у него вместо браслетов манжеты сверкающего костюма. Странный костюм. Собственно, и не костюм, а... так, будто от шеи до пят Элдер облеплен тонкими переливающимися слоями зеркального блеска — где гуще, где реже. При малейшем движении блеск, занятно играя, имитировал складки и прочие детали натурального костюма, в покое — опять оплывал и,

растекаясь гладью, прорисовывал рельеф великолепной мускулатуры. Меф вспомнил, как там, на борту «Лунной радуги», ночью, в каюте, впервые соприкоснувшись с Элдером в качестве Жив-здорова, когда на его совершенно естественный возглас: «Юс, ты жив и здоров, дружище!» — Элдер совершенно естественно улыбнулся и совершенно непринужденно кивнул, он в первый момент был уверен, что просто свихнулся, а минуту спустя был убежден, что Юс каким-то чудесным образом и, судя по неземному костюму, с чьей-то, видимо, помощью выбрался из оберонской губительной передряги. Позже он понял, что все это, к сожалению, вздор. Ни сумасшествие, ни чудесное спасение были здесь ни при чем. Ни то, ни другое... Это было что-то третье, но что именно — трудно было даже вообразить. Тут логика и воображение отказывались повиноваться. Сбивало с толку то, что призраки погибших были призраками во плоти. Их можно было пощупать, от них чувствительно веяло теплом и запахами — как от всего живого.

Меф привстал на руках, подтянул непослушные ноги и, преодолев дурноту, устроился полусидя на мягкой спинке опрокинутого кресла. Чтоб лицом к Жив-здравому. Звон распирал чепречную коробку, на глаза то и дело падали темные шторки — точь-в-точь как у куклы с электроморгалками. Омерзительное самочувствие. Отменно выжат. Как пропущенный через соковыжималку лимон...

Юс Элдер сидел в ложементе штурмана, откуда недавно поднялся Андрей. Привычно потирая запястья, смотрел другу в глаза. Спокойный доброжелательный взгляд. Будто бы это самая заурядная штука — являться после того, как тебя уже нет, садиться в кресло на час-полтора и спокойно смотреть... «Может, действительно я редкостный психопат? — подумал Аганн. — С небывало феноменальной способностью к зрительным галлюцинациям?..»

Старая мысль. Старая и бесплодная, как пустой орех.

Ну до чего же они все-таки внешне похожи — десантник «Лунной радуги» и пилот «Байкала»! Сходство на уровне мистики, жуть берет. Правда, Юс выглядит старше. А в остальном — одинаковая комплекция, одинаковые волосы, даже прическа... не говоря уже об одинаковых чертах лица. Тобольский — портрет тридцатилетнего Элдера. И что интересно, у обоих в лицах симпатично отсутствуют выражения гипертрофированной мужественности и бычьего упрямства, зачастую свойственные людям сильной воли и атлетического сложения. Нестандартную мягкость весьма очевидной мужской красоте Элдера и Тобольского придавали, должно быть, ямочки на щеках и приятная линия подбородка. И шрамы на левых щеках почти одинаковые... А по характеру это разные люди. Тобольский спокойнее Элдера, более рационален, более самолюбив и, пожалуй, с признаками замкнутости и высокомерия.

— Салют, Юс, — прошептал Меф в звенящую тишину.

Ответный кивок.

— Мне приятно смотреть на тебя, — сказал Меф чуть громче (отменная была сегодня встряска, голос сел). — Ты замечательно выглядишь. Цвет лица и... в общем...

Визитер странно взглянул куда-то поверх его головы и не

ответил ни улыбкой, ни жестом. Сегодня, на удивление, все не так, как прежде... «А почему я, собственно, решил, что его развлекает моя болтовня?» — впервые пришло Мефу в голову.

— Ты не меняешься, Юс. И я почти не старею, но меня и «Анарду» сняли с межпланетных линий... Ты мне прости!

По напряженному взгляду и поджатым губам визитера он понял, что этого никак не следовало говорить.

— Нет, нет, — заторопился он, — я не ищу сочувствия. Просто минутная слабость. Наболело. Годы идут, а привыкнуть... когда ты приходишь вот так и молчишь... Впрочем, нет, не о том я хотел... Не знаю, может, для меня настало время подводить кое-какие итоги? Перед собой, перед людьми. Перед вами...

— Не надо, дружище, — тихо сказал Жив-здоров.

Меф замер с открытым ртом. Послышалось? Проклятый звон!

— Ты не виноват ни в чем, — внятно добавил Юс. — Это скажут и все остальные. Я пришел не один.

Рискуя свалиться, Меф встал и в полуобморочном состоянии поднял кресло, отодвинул в сторону. В глазах потемнело. Он ощупью опустился, точнее, рухнул в чашу надутого воздухом сиденья и некоторое время ничего не видел и ничего, кроме звона, не слышал. Потом дурнота немного развеялась, и он увидел всех. Рамон Джанелла, Николай Асеев, Аб Накаяма, Леонид Михайлов, Мстислав Бакулин... Невеселое это было зрелище.

Наверное, они поздоровались с ним раньше и теперь стояли и смотрели на него. Все в блестящих псевдокостюмах и абсолютно одинакового роста... Прежнему своему облику полностью соответствовал только Аб Накаяма. Поджарые Мстислав и Рамон были заметно короче прежних себя. В этом смысле хуже всего обстояли дела у Асеева, Михайлова и Элдера. Меф с трудом проглотил что-то мешавшее в горле. Изощренно шаржированные экс-гиганты, карманные Геркулесы... Он впервые видел их вот так — всех сразу — и чувствовал, как в глазах накипает жгучая слеза жалости, стыда, унижения. И ненависти. Не колеблясь растоптал бы производителей этого жуткого и в то же время утонченного издевательства над людьми — живыми и мертвыми. Незлобивый по сути своей, он десять лет вынашивал идею мщения зеркальноголовым (производители жестоких чудес представлялись ему почему-то зеркальноголовыми) и ради этой идеи готов был на все. Но годы шли, и надежду встретить в Пространстве воображаемых зеркальноголовых сменило в конце концов подозрение, что он наивно одухотворяет какой-то замысловатый природный процесс. Другими словами, ненависть его была безадресной и нелепой. Мстить было некому. И вот сегодня опять накатило. До жгучей муты в глазах, до обессиливающего бешенства. Но снова безадресно и нелепо... Будь оно проклято, это аморфное Нечто!..

Придавленный в кресле тяжелой слабостью, Меф слышал сквозь звон в ушах чей-то знакомый басистый голос. Он видел, что Николай Асеев смотрит на него. Глубоко сидящие глаза, крупный, с залысинами лоб, шевелятся губы... Он слышал слова, но их смысл проскальзывал мимо сознания. Знакомо скрещенные на груди мускулистые руки, такие могучие в прошлом...

Он не мог разобрать ни слова, однако по направлению взглядов Асеева и других понял, что речь шла о нем. Это заставило его мобилизовать всю свою волю, сосредоточиться. Он почувствовал, как что-то сдвинулось в голове — будто перекатился на новое место гладкий металлический шар. И как только «шар» перекатился, он разобрал последнее асеевское:

— Поэтому я так считаю.

«О чём это? — подумал Меф. — Я все еще плохо соображаю...»

— Спасибо, командор, мнение твое ценно, — поблагодарил Мстислав, как обычно благодарят председатели на командных советах. — Кто следующий? Говори ты, Рамон.

Длиннолицый рыжий Джанелла гибко повел плечами:

— Что говорить? Патрон сказал все.

— Личное мнение у тебя есть?

— Личное, безличное... Я существо общественное. На Обероне нам крупно не повезло, и точка. О чём говорить? Такова профессия десантника.

— Фаталист, — процедил Накаяма. Встряхнул гривой черных волос. — Фаталист и позер. Твое глубокое понимание специфики нашей профессии повергло Мефа в трепетное изумление, не так ли?

— Как всегда, очень кстати и остроумно, — процедил Рамон, пародируя интонации Накаяма. — Аб, ты слегка опоздал к началу этого матча, и тебе еще предстоит разобраться, где чьи ворота.

— Рыжий кот, черный кот, кто их, к черту, разберет, — проговорил Мстислав. — Ну-ка, брысь в разные стороны.

— Бакулин, — укоризненно сказал Асеев.

Мстислав оглядел всех по очереди.

— Перед нами — пилот Меф Агани. Наш друг, наш товарищ, участник нашей злополучной высадки на Ледовую Плещь. Мы — его десятилетняя боль. Ему важно знать, мог ли он сделять на Обероне больше того, что сделал. Начальник рейда ответил на это мотивированным «нет». Джанелла ушел от прямого ответа. Элдер помалкивает. Михайлов глазеет по сторонам, будто наша беседа его не касается. Хотите знать, что я об этом думаю?

Мстислав сказал, что он об этом думает.

Не чувствуя собственного дыхания, Меф пошарил пальцами у горла. В горле стоял плотный ком. Перед глазами качнулась мутно-серая дымка. Пройдет... Если не делать резких движений — пройдет...

Кто-то прокомментировал речь Мстислава:

— Сказано мало, но веско. Будто молотом по голове.

Дымка таяла, Меф увидел неприятно изменившееся лицо Рамона.

— Вот что... — тихо проговорил десантник. — Вы как хотите, а я изображать собой «десятилетнюю боль» не намерен. Не желаю, знаете ли, терять к себе уважение Мефа. Спектакль, который здесь затеваются, считаю оскорбительной и глупой мелодрамой.

Бакулин сверлил Джанелла пугающе пристальным взглядом

белесых глаз. Юс наблюдал это все совершенно спокойно — так, словно ничего другого и не ожидал.

— Я думаю, Мстислав напрасно накаляет страсти, — сказал Михайлов. Стоя вполоборота к собеседникам, он спокойно разглядывал серп Сатурна. — По моему скромному разумению, Мефу не нужен ни суд, ни театр. На Обероне каждый из нас действовал сообразно обстановке. Меф не был исключением. Он сделал только то, что продиктовали ему обстоятельства.

— Не только, — возразил Накаяма. — Меф спас семерых: Кизимова, Симича, Нортона, Йонге, Винезе, Лорэ...

— И самого себя, — флегматично добавил Михайлов. — Меф был седьмым, но считает себя почему-то тринадцатым.

— Тринадцатым в нашей группе был Аб, — не упустил случая вставить Джанелла. — Ужасно несчастливое число.

— Нет, он сегодня несносен, — сказал Накаяма. — Председатель, будем и дальше терпеть его? Или как?

— Или как, — без колебаний выбрал Бакулин.

Михайлов слабо усмехнулся. Теперь он смотрел на Япет.

— Умники, — сказал Асеев. — Меф отдал бы жизнь за каждого из нас. Он и так стартовал в последнюю долю секунды. Оттягивал старт сколько мог, рискуя собой и теми, кого еще можно было спасти. Даже мой окрик не подействовал на него.

— Верно, Коля. — Михайлов смерил Асеева взглядом. — Мы с Джанеллом толкуем о том же. Только другими словами. И еще мы толкуем о том, что именно об этом лучше не толковать. Мало ли иных тем?

— К примеру? — спросил Накаяма.

— Н-ну... не знаю... В известной мере это зависит от Мстислава. Ему доверили мы руководить беседой.

— Что до меня, — сказал Джанелла, — я предпочел бы приятную дружескую болтовню.

— Ты бы — да, — сказал Накаяма. — Любое нужное дело ты готов похоронить под ворохом анекдотов. Тем более такое деликатное, какое выпало нам сегодня. А когда-то мы были все заодно...

— Ты... ты что предлагаешь? — удивительно несмело осведомился Рамон.

— Ладно, — сказал Мстислав. — Круг, я вижу, замкнулся на мне. Но я его разомкну. — Он обвел собрание недобрым взглядом. — Пусть каждый из нас пороется в памяти и честно выложит все. Ничего не утаивая.

— Не лишено... — проговорил Михайлов. — Кто начнет?

— Может быть, Элдер?.. — неуверенно спросил Рамон.

— Элдер — лицо пристрастное, ему нельзя, — сказал рассудительный Накаяма. — Он все возьмет на себя. Пусть начнет командор.

Асеев потер ладонью подбородок.

— Начальником рейда был я — с меня и весь спрос. Ну так вот... Предусматривать и предугадывать — моя обязанность. Да, да, предугадывать, предусматривать и предчувствовать. Для этого, между прочим, и существует на космофлоте должность начальника рейда. Наша экспедиция носила характер спасательной операции, и дар предвидения был бы здесь особенно к ме-

сту. Но скажу откровенно: когда «Лунная радуга» подошла к Оберону и обнаружилось, что спасать некого, я растерялся...

— Мы все растерялись, — вставил Джанелла.

— Вы могли позволить себе эту роскошь, я — нет. С одной стороны, мне казалось весьма вероятным, что экипаж «Леопарда» предпринял попытку посадить рейдер на Ледовую Плещь, с другой — смущало полное отсутствие каких бы то ни было признаков этого. Теперь мне ясно, что признаки были. Я даже, можно сказать, держал их в руках, но не видел... Дистанционная разведка, как вы помните, обстановку не прояснила. Сброшенные на планетоид кибер-разведчики подтвердили: перед нами заурядная, закованная в многослойный ледяной панцирь водно-метаново-аммиачная луна. Ничего такого... подозрительного. Правда, умолкли два кибера, посланные на разведку центра Ледовой Плещи — ее странноватого Кратера. Но это никого не обескуражило, поскольку орбитальная локация показала, что Кратер довольно глубок, а на дне — хаотические нагромождения фигурного льда с громадными арками и полостями. Да и в первую очередь нас интересовал не Кратер, а тот участок Ледовой Плещи, где капитан «Леопарда» Пауль Эллингхаузер намеревался посадить свой рейдер...

— Район А, — уточнил Михайлов. — Кстати, на однообразных просторах тарелки Ледовой Плещи этот район, по-моему, решительно ничем не выделялся. Те же светлые желваки надпанцирных наледей, тот же обломочный материал...

— Увы, все мы были загипнотизированы однообразием... Словом, мне изменила моя интуиция.

— Неубедительно, — сказал Джанелла.

— Дела шли самотеком, а мне мерещилось, что ситуация у меня в руках.... Я был убежден, что «Леопард» не садился на Оберон, и ожидал от десанта лишь подтверждения этого. Прे-дусмотрительности и чутья мне хватило только на то, чтобы заставить вас до начала основной десантной операции пощупать Ледовую Плещь ступоходами «Казаранга»...

— Не надо, — возразил Михайлов, — не передергивай. Никто ведь не виноват, что на Обероне прошлый опыт нам не пригодился и что действовали мы там практически вслепую. По-моему, тот, кто расшибает себе лоб в темноте, не восклицает: «Виноват, это профессиональная ошибка!» Мы вляпались потому, что не могли не вляпаться.

— Всех удовлетворяет мнение Михайлова? — спросил Бакулин.

— Да, — ответил за всех Накаяма. — Леонид прав, это действительно просто. Мы угодили в оберонскую западню именно потому, что за этим туда и пришли. Кому, в самом деле, нужны десантники, которые отсиживались бы на орбите в комфорtabельных каютах «Лунной радуги»...

— А вот кстати, — сказал Леонид, — вырваться из западни без потерь нам помешала смелость. Будь у нас повадки пугливых газелей — все обошлось бы как нельзя лучше. Потому что спастись можно было только немедленным бегством. Паническим, если хотите. Дело решали секунды. Но нет, десантник так не умеет. Сразу бежать без оглядки его не заставит никакая дьявольщина — сперва он должен взглянуть ей в лицо. Годы

тренировок и приобретенный опыт научили нас быстро ориентироваться в любой обстановке и молниеносно парировать внезапные удары — если их вообще можно парировать. Одному мы не научились: молниеносно драпать. Вдобавок Асеев и Элдер не могли себе позволить драпать впереди всех, и выдержка командиров соответственно подействовала на подчиненных. Пяти упущеных минут оказалось достаточно. — Михайлов развел руками. — Ведь никто не ожидал никакого подвоха от заурядного планетоида. Особенно после того, как разведавангارد в шагающей соковыжималке под названием «Казаранг» беззаканно попирал ступоходами его равнинное ледорадо.

— Ты прав, Леонид, — прошептал Меф бесчувственными губами, не слыша себя и не надеясь, что его услышат другие. — Но лучше бы погибнуть разведавангарду...

...«Казаранг» он посадил в трех километрах от Кратера. Сажал без особых предосторожностей, быстро, применив маневр «лоуспид». Это чтобы в точке финиша надолго не зависать в густом облаке пара над кипящими лужами грязи, растопленной жаром тормозных струй. Быстрых посадок он не любил, но иначе на лед не сядешь. Иначе на льду будет сидеть не машина, а вмерзшее в грязь совершенно беспомощное, слепое, белое в пущистой шубе изморози чучело...

Он помнил все, что было связано с разведавангардом на Обероне. Каждую мелочь. Помнил так ясно, будто это происходило вчера.

2. ДРАККАР НА ПРИЦЕЛЕ

Прикосновение к планетоиду в тот раз было жестким: приняв на себя двенадцатитонную массу, пронзительно взвизгнули амортизаторы ступоходов, катер низко просел и, едва не удавившись днищем, подпрыгнул. Медленный многометровый отскок — перелет на макушку выпуклой наледи. Второе касание. Ступоходы чиркнули по гладкой поверхности.

— Приехали, командир, — сообщил он Бакулину, поднимая стекло гермошлема. — Оберон, Ледовая Плещь.

Горошина миниатюрного Солнца висела в черном небе низко над горизонтом, и тени Ледовой Плещи были длинные, острые и очень густые. Кинжалы теней указывали в сторону Кратера, которого, впрочем, отсюда не было видно, хотя с макушки ледяного народа, где застыл «Казаранг», обширная равнина проматривалась необыкновенно далеко.

— Замечательный ты пилот, Меф, — признал Бакулин.
— Ну и... что дальше?
— А дальше нам следует осмотреть район А по диаметру.
— Хотел бы я знать, где тут диаметр...
— Бери правее градусов на тридцать к направлению теней. Ошибемся — старшие товарищи нас с орбиты поправят.
— Поправим, — пообещал голос Элдера. — На следующем витке.

За горизонт опускалась светлая черточка хорошо видимой среди звезд «Лунной радуги».

Плавно покачиваясь на ходу, «Казаранг» зашагал под углом

к частоколу теней. Было слышно, как с хрустом вонзались в пористый лед когти фиксаторов, поскрипывали амортизаторы и щелкали тяговые сердечники электромускульной системы ступоходов.

Ледовая Плещь, которая под черным небом издали имела вид гигантского светлого продырявленного посередине диска, густо усыпанного осколками цветного стекла, вблизи являла собой неярко освещенное боковым светом мрачновато-хаотическое на-громождение крупных и мелких обломков грязного льда. За исключением смолистой черноты теней и ярчайшей белизы небольших по площади участков, припудренных метановым и водно-аммиачным снегом, все краски этого промерзшего насквозь ландшафта были довольно блеклыми. Встречались наледи, похожие на замысловато вылепленные пирожные. Встречались похожие на обычные замерзшие лужи. И встречались ни на что не похожие. А иногда машина словно бы оказывалась на зимней выставке ледяных и снежных сооружений развлекательного назначения. Столбы в виде оплывших свечей, согбенные таинственные фигуры под белыми покрывалами, гроты, гигантские белые раковины с невероятно длинными шипами, арочные виадуки на ажурных опорах... Как-то не верилось, что эти архитектурно-художественные шедевры Дальнего Внеземелья — всего-навсего результат выдавливания из недр Оберона фонтанов глубинной жидкости. В вакууме струи фонтанов, понятно, сначала вскипали, как гейзеры, затем стекленили на лютом морозе диковинными изделиями. На фоне черного неба ледяные изваяния и конструкции выглядели необыкновенно декоративно. Хотелось остановить машину и в молчаливой неподвижности долго разглядывать ледовую фантасмагорию... Было в ней что-то притягательно-колдовское, пугающе-гипнотическое...

— Ты замечательный пилот, Меф, — повторил Бакулин. — Но ты не десантник. Останови-ка драккар.

«Казараг» послушно остановился.

— А в чем дело?

— Сейчас увидим.

Дно ложбины всколыхнула судорога обвала, машина вздрогнула. Впереди, медленно разваливаясь на куски, величественно оседала гигантская «эстакада». Продолжительная судорога многотонного обвала поколебала, казалось, всю округу, на поверхности дна ложбины выступила трещина.

— Сколько мы уже протопали? — спросил Мстислав.

— Километр по прямой. Дальше пойдем?

— Конечно.

«Казараг» сошел с наледи. Левее блеснуло светлым металлом ковыляющее на паучих ножках изделие рук человеческих...

— Призраки бродят по Оберону, — заметил он. — Узнаю твоих подопечных по изящной походке.

— Сбрось атмосферу, — распорядился Бакулин. Опустил стекло гермошлема, ударом руки открыл защелку. Преувеличено весело пошутил: — А вдруг чужой!

Чтобы выходящий воздух не откладывал лед в клапанах, он сразу открыл гермоляк. Взрывная декомпрессия так рванула вздущием гибкие сочленения скафандра, что взбрькнули все че-

тыре конечности. Мстислав улетучился вместе с воздухом; в кабине снежной пурпурой сгустилась морозная дымка.

И вот наконец он увидел в натуре знаменитый «кенгуру» лунных десантников: Мстислав наклонно взмыл вперед и кварту и ловко, быстро приберонился перед носом паукообразного автомата. При очень слабой силе здешнего тяготения целенаправленную стремительность и точность прыжка могла обеспечить лишь встроенная в скафандр ПТУ (прыжково-тормозная установка). Десантнику мало уметь пилотировать катер — надо еще быть пилотом собственного скафандра!..

Бакулин вернулся в кабину, пробормотал: «Гермюлок можно не закрывать», пристегнул защелку к бедру. Ясно: «Принадлежность рейдера «Лунная радуга».

— Без атмосферы неуютно, — попробовал он возразить командиру, — пилоты-рейсовики не любят работать в разгерметизированных помещениях.

— Атмосфера?.. — В голосе Бакулина зазвучали веселые нотки. — Нет! Теперь уже ты носа из-под стекла не высунешь!

— Орбита вновь приветствует экипаж «Казаранга», — вклинился голос Элдера. — Что у вас происходит?

— Бунт на борту, — ответил Бакулин, смеясь. Коротко доложил о результатах разведки, о выходе на поверхность. Добавил: — Пилоту неуютно без общего контура герметизации. Требует атмосферу.

— Меф, — позвал Юс, — на кой черт тебе понадобилось юхать аммиак?!

— О чём ты? — удивился он. — Какой аммиак?

— Который Мстислав притащил на геккорингах своих башмаков. Там кругом полно замерзшего аммиака. Растиет — без специальной дезодорации кабины не продохнешь от зловония!

— Ладно, Юс, он все уже понял, — сказал Мстислав. — Нам как, осматривать этот район до конца? По-моему, бесполезно.

— А ты чего хотел?

— Получить разрешение на свободный поиск.

— Нет. И Асеев против. Бессспорно, Кратер интересен во всех отношениях, но ведь «Леопард» туда не садился. Или ты считаешь Эллингхаузера идиотом?

— Я считаю его гением. Так гениально исчезнуть...

— Это — Внеземелье, Мстислав. Вдобавок — Дальнее.

— Вот именно. А вы, гении поиска, не хотите нам дать каких-нибудь десять-двенадцать часов на обследование Кратера.

— Когда заложим фугас, по сейсмограмме Ледовой Плеши узнаем о Кратере больше, чем дал бы ваш рискованный спуск в преисподнюю. Вы свое дело сделали.

— Да. «Проверено, мин нет».

— Вот за это спасибо. А искать, где подорвался рейдер, придется, видимо, в других уголках системы Урана... В общем, короче: разрешаю вам дойти до Кратера. Для видеозаписи. Но созаться в кальдеру не разрешаю. Ждите нас в южной зоне района А. К началу десанта орбитальный мост связи будет уже задействован, и перед посадкой «Циклона» мы вас окликнем. Салют!

— Салют. Меф, сделай ослику доворот по курсу.

— Как пойдем? Ступоходами или на фланг-моторах?

— Ступоходами. Время есть. Может, встретим по дороге что-нибудь интересное...

По дороге их сопровождало неиссякаемое разнообразие форм монументальных украшений надпанцирных наледей, но вряд ли Мстислав относил к понятию «интересное» именно это.

Ближе к воронке Кратера — меньше хаотических нагромождений крупных глыб, больше наледей и участков, усыпанных щебенеобразным крошевом; «Казарангү» стало легче передвигаться. Казалось, драккар давно идет под уклон. Однако истинный уклон, когда он действительно начался, не преминул заявить о себе резким снижением освещенности льда, сгущением теней и наконец их полным слиянием с разлившимся до самого горизонта морем тьмы. Судя по автокарте, до обрыва в кальдеру оставалось более километра, но машину пришлось остановить.

— Ближе нельзя?

— Можно. С фарами. А надо ли?..

Минуту молчали.

— Да, — подумал вслух Бакулин, — не надо... Могут быть осыпи.

— Мстислав, как думаешь, с какой стати возникла здесь эта веселенская пропастишка?

— Кратер? Бери шире. Спроси, с какой стати возникла здесь Ледовая Плещь.

— На этот вопрос пока ни один селенолог не знает ответа.

— Что верно, то верно. Когда они там подсчитали, сколько энергии надо, чтобы содрать с Оберона и утащить куда-то к чертовой бабушке сегмент ледяного панциря величиной с Ледовую Плещь, руками развели.

— Это мог быть взрыв упавшего астероида.

— Взрывом такой мощности Оберон развалило бы на куски.

— Ну... не один взрыв — несколько.

— В любом случае поверхность планетоида за пределами Ледовой Плещи была бы завалена горами обломков. Куда подевался обломочный материал? Куда вообще подевались содранные с Оберона миллиарды тонн грязного льда?

— Н-да...

— Меф, у нас из-под носа, можно сказать, кусок луны украли. Событие серьезное. Даже в масштабах солнечной системы. А мы с уважением смотрим в какую-то яму.

— В какую-то! Тридцать километров в диаметре, глубина — без малого десять.

— Все равно, Меф, по сравнению с Ледовой Плещью даже пропасть такого масштаба — жалкая яма.

— Тогда почему тебя тянет к этому Кратеру? — удивился он.

— Потому что здесь нет другого.

В иное время он принял бы ответ товарища за неплохую шутку.

— Значит, так, — проговорил Мстислав. — Поднимаемся на восемьдесят метров и идем по диаметру. Сбрасываем АИСТа, ждем результата и проводим видеозапись освещенного АИСТом центра кальдеры.

С высоты планетарный провал еще больше напоминал застывшую в колоссальном разливе черную воду. Мстислав поделился предчувствием:

— Подкоркой чую: в этой яме — ключ к тайнам Ледовой Плеши.

Сверкающий в солнечных лучах граненый снаряд, странно похожий на штурманский карандаш в металлическом корпусе, отделился от катера и, подчиняясь законам баллистики в слабом поле тяготения, долго держался рядом с машиной. Неестественно долго. На первых порах мизерное ускорение свободного падения не могло сообщить снаряду заметной вертикальной скорости, и все это выглядело как орбитальный ход параллельными курсами. Затем «карандаш», словно вспомнив о собственном весе, пошел на снижение, сокращаясь в размерах на фоне бархатно-черного логова тьмы, и в какой-то момент стал похож на золотистый продолговатый кристалл. Внезапно «кристалл» превратился в ярко блестящую четырехлучевую звезду, только где-то у самой границы невидимо пронизачного солнцем пространства полностью уже развернулся диском рефлектора и через секунду наискось вошел в тень кратера, как в черную воду, и мгновенно пропал в темноте.

— Вспышка сработает — отснимем уникальный фильм, — сказал Бакулин. — Объявляю конкурс на лучшее название.

— «Погреб дьявола». Все равно, кроме тебя, смотреть твой фильм никто не придет. Дно мы уже на локаторах видели.

— Видеть мало. Надо понять, что видишь.

— Вот именно.

— Меф, сколько там осталось до центра?

— Собственно, мы уже в центре. — Он взглянул на экранчик лидара, где медленно таял на темном фоне вишнево-красный кругляк улетающего в сверхпропасть АИСТА. Открыл было рот, чтобы спросить, в каком фланг-режиме Бакулин думает делать видеозапись, и чуть не вылетел из ложемента — сумасшедшими рывком оборвало крепление левого плечевого ремня.

Впечатление было такое, будто драккар налетел на прозрачную стену и она, отшвырнув машину, разрядила в днище ярко-зеленую молнию. Потом он, конечно, сообразил, что это было только впечатление, и заподозрил, что драккар обстреляли. Обстреляли из Кратера. Удивительно похоже на лучевой залп. Удар был тяжелый: слепящая вспышка, машину рвануло вправо, в шлемофоне короткое «шварк!» — и безжалостно инерционным ударом в левый висок, в плечо, в левое подреберье. Полуоглушенный, не видя ничего, кроме стремительной смены раздужных пятен, он интуитивно чувствовал, как кувыркается машина в пространстве. Цветные фантомы перед глазами и вращение «Казаранга» спутали у него в голове все в один ком, а в середине кома иглой торчала совершенно паническая мысль: «Форсаж!» Непонятно, как сумел сдержать себя, но едва только вернулись нормальные зрительные ощущения и в глазах вместо ярких фантомов появилась бездонная звездно-черная круговорть, он мгновенно слился с машиной, не собираясь уступать стреляющей пропасти и сотой доли секунды. Маневр, форсаж. Солнце прямо по курсу, очень жесткая перегрузка. Дальше от предательского провала, дальше и выше — высоко-высоко над ледяными ростками застывших фонтанов, над освещенным краем кальдеры. Зеленоватый клык ущербного Урана в старческой десне горизонта. Глаза на лоб, когда увидел в зеркале, что

ложемент командира пуст. Парализующий ужас, когда обнружилось, что Бакулица вообще нет в кабине. Пока мозг устанавливал логическую связь между оборванной защелкой-фиксатором и распахнутым люком, мышцы сами уже инстинктивно втянули драккар в форсированный «брэйк» с разворотом.

Нервное напряжение передалось машине рывками тяги флагинг-моторов. Не помнил, как вернулся в центральную зону Кратера и в каком режиме утюжила ее, торопливо обшаривая локаторами темноту. Поймал лидаром далекое вишнево-красное пятнышко АИСТА, все еще не достигшего дна проклятой сверхпропасти, притормозил, оглядывая пространство. Чуть не плача:

— Мстислав!.. Где ты, Мстислав?

За это время десантник не мог погрузиться в пропасть слишком уж глубоко. Не успел даже, всего вероятнее, пересечь освещенное солнцем надкратерное пространство и коснуться провальной тени...

— Мстислав, отзовись!!!

Секунды ожидания ответа наверняка были причиной первой его седины. Из хаоса треска и радиошорохов в шлемофоне довольно отчетливо выделялся ритмический перестук, и в перестуке этом чудилось что-то невозможное... «кардиограммное»... Удары живого сердца!.. Волосы щевельнулись на голове. Он заподозрил, что сходит с ума над бархатно-черным морем готовой к новому выстрелу тьмы, и совершенно явственно ощутил каждым нервом, как там, в глубинах провала, кто-то наводит прицел на драккар. Еще секунда...

Неизвестно, чем бы все это кончилось, если бы не понял вовремя, что в ожидании ответа на свой зов он незаметно для себя до предела ввел чувствительность приема на бортовом радиопереговорнике и теперь действительно слышит пульс или удары сердца Мстислава. Вдобавок далеко внизу ему удалось заметить искорку блеска. Рывка машины он не почувствовал. Крохотная искра стремительно приобретала очертания сверкающего на солнце скафандра.

— Мстислав, почему не отзываешься?! Мстислав!!!

В ответ — посторонние радиошорохи. Закованный в панцирь десантник безвольно падал в пропасть затылком вниз — руки и ноги недвижны. Оглушен ударом?

— Командир!..

Нет ответа.

Выход один: маневрируя, постараться поймать командира отверстием гермолюка. Как рыбу сачком.

Едва он успел накренить машину — широко распахнутые неподражаемые Оберона внезапно поймали сачком темноты его самого. А черт!.. Пошарил глазами в поисках синих и пурпурных огоньков. С таким же успехом мог бы шарить глазами, нырнув в цистерну с мазутом. Фары выхватали из тьмы сверкающий скафандр — «Витязь» был теперь почти над головой, в трех метрах от блистера. Это кстати.

Осторожно действуя реверс-моторами, он задал «Казарангу» крен влево. Мало было уравнять скорость машины со скоростью свободно падающего в пространстве десантника — надо было еще очень точно прицелиться.

Сверкающий драгоценный улов вплыл наконец в гермолюк.

«Скафандр командира стал почему-то сильнее блестеть, — подумал он. — Или это мне кажется?» С помощью зеркала и ювелирно точных движений рукоятками управления он сориентировал и задним ходом продвинул кабину относительно десантника так, чтобы бесчувственное тело командира переместились из твиндека в носовую часть и легло в футляр ложемента. Теперь осталось закрыть гермоляк, выровнять катер, придать ему не слишком жесткое ускорение (хотя прямо-таки подмывало унести отсюда на форсаже). И как только приблизилась исполосованная тенями, утыканная ледяными «костями» окраина пропасти, сзади, где-то далеко внизу, мощно полыхнуло голубоватое сияние. Он даже не поинтересовался, что там засветил АИСТ. Передал управление автопилоту и хотел было освободить свой скафадр от фиксаторов, но зеркало остановило его: Бакулин пошевелился и самостоятельно зафиксировался в ложементе!..

Он ничего не сказал командиру. Знал: если скажет хоть слово — наступит реакция и он не сможет четко выполнить посадочный маневр.

Машинка, как на лыжах, скользнула с покатого лба наледи, остановилась. И только теперь он почувствовал дрожь в руках. Когда представил себе, что не смог бы выловить командира над Кратером, его бросило в пот. Второй лучевой залп из провала почти наверняка свел бы на нет все усилия... Он взглянул на Бакулина в зеркало: странный блеск уже совершенно сошел с голубоватой поверхности скафандра. Синие и пурпурные огоньки как ни в чем не бывало спокойно перемигивались по контуру «Витязя».

- Мстислав, ты как себя чувствуешь?
- Отлично.
- Неправда.
- А почему я должен чувствовать себя плохо?
- Но ведь несколько минут ты был без сознания!
- Несколько?.. Мне показалось — мгновение. Чуточку кружится голова... — Слышно было, как Бакулин судорожно перевел дыхание, словно всхлипнул. — А так... вполне сносно.
- Вполне сносно?.. Кружится голова — это первый признак сотрясения мозга.
- Не кричи об этом на весь эфир. Они уже наводят радиомост, могут услышать.
- Ну и что?
- Услышат — прикажут нам возвращаться.
- А по своей воле ты не думаешь возвращаться?
- Нет, — отрезал Бакулин.
- И можно узнать почему?
- Потому что Элдер пожалеет времени на подготовку «Казаранга» к основному десанту и, чего доброго, сочтет возможным обойтись в такой обстановке одним «Циклоном».
- Совершенно Элдеру не доверяешь...
- Да. Элдер слишком доверяет Оберону.
- А как бы ты... на его месте?
- Я? «Казаранга» и двоих десантников — на Ледовую Плещь. Вполне достаточно, чтобы взорвать фугас и получить сейсмограмму этого региона.

— Остальных в Кратер?

— Нет. Для разведки Кратера — двоих на «Циклоне». Остальных — на втором «Циклоне» для подстраховки разведчиков. Лучевой залп такой мощности «Циклонам» не страшен.

— Не страшен... Видеозапись была включена?

— Она и сейчас включена. А что? Залп сопровождался чем-нибудь необычным? — требовательно спросил командир.

— А сам залп считаешь делом обычным?

В шлемофоне возник слабый звук, очень похожий на приглушенный стон, и в зеркале было видно, как у Мстислава руки дернулись кверху. «Командир, видать, сильно ударился головой», — с тревогой подумал он. Квалифицированная помощь отодвигалась на неопределенное время — уговаривать Бакулина было делом бесполезным.

— Мы где находимся? — спросил командир.

— Там, где нам указано. В южной зоне района А. — Он поднялся из ложемента.

— Меф, ты куда?

— Надо выйти осмотреть машину.

— Разрешения на выход я тебе не давал. Изволь занять свое рабочее место и не покидай его до окончания десанта.

— Но немного размяться мне можно!?

— Можно. Включи электротерапию, массаж. Если нужно, — добавил Бакулин, — я сам осмотрю драккар.

— Не нужно, — проговорил он. — Это я так...

Он не стал объяснять, что желание осмотреть машину снаружи возникло после того, как его удивило странное усиление блеска поверхности «Витязя». Подумал о командире с неудовольствием: «Голову ушиб, еле языком ворочает, а норовит все сам... Блюститель инструкций». Предложил:

— Ты пока подремал бы, что ли. Не беспокойся, я никуда не уйду — буду здесь тебя караулить.

— Я не беспокоюсь, карауль себя.

Мстислав надолго умолк. Может, действительно задремал.

Солнце далеким, но мощным прожектором светило в левый борт «Казарага». Впереди светел ровный язык наледи, иссеченный, словно траншеями, полосами длинных густо-темных теней. Наледь, перевалив «мостом» через крупную трещину, сбегала с дуговидной террасы застывшим потоком и терялась под завалами грязно-желтых, йодистых глыб. Он смотрел в звездно-черное небо над горизонтом, и опять откуда-то подкрадывался страх, и сердце сжалось от невыразимо тоскливо-ощущения глухого безлюдья. Одиночество на краю мира... Дремлющий или ушедший в себя, в свою боль, командир почти не в счет. Это было очень странно: он видел неподвижный скафандр командира в зеркале и не ощущал присутствия человека. Как будто скафандр был пуст... Очевидно, поэтому десантники редко работают парой. Чаще втроем. А еще чаще группой. Интересно, почему задерживается эта группа? Когда нет связи, начинает брать сомнение, что группа объявитя здесь вообще.

— Вижу вас, вижу, — неожиданно прозвучал в шлемофоне голос Бакулина, — Почему не связались с нами перед посадкой?

Голос командира подействовал успокоительно. Прямо гора с плеч... Сквозь верхне-лобовую часть блистера он тоже увидел брызнувшие трехлучевой звездой фиолетовые струи плазмы -- след тормозного импульса «Циклона».

— Непонятно, — пробормотал он, наблюдая, как от звезд отделился и пошел на снижение мерцающий рубинами треугольник. — С чего это они решили сесть втихомолку?.. Связь, «Циклон», связь, отвечайте!

В эфире ни звука. Тихо, как ночью в пустыне. Он обежал глазами индикацию контроля, взглянул в зеркало на командира. Аппаратура была в порядке.

— Не суетись, — проговорил Мстислав.

— Радионепрохождение?.. — обеспокоился он.

Мстислав не ответил.

Высверкивая разноцветьем ходовых и посадочных светосигналов, пирамидаобразный драккар пересек на спуске линию горизонта и теперь, контрастно обозначившись на фоне заливых неярким солнцем ледорадо, казался выпавшим из черного неба алмазно вспыхивающим черным кристаллом. Поблизости от «Казаранга» эта странная на вид флаинг-машина треножником вонзила в лед наклонные струи фиолетового огня и села между тремя вогнутыми, как лепестки лотоса, языками пара... Собственно, через две-три секунды это уже и не пар — ледяная пудра, снежная пыль. Мертвый в начале посадки радиоэфир вдруг ожила: в шлемофоне возникло шуршание (словно бы где-то рядом потекли с обрыва струйки сухого, крупного песка), затем — сухое потрескивание. Сквозь шорох и треск внезапно прорвался голос Элдера:

— ...Если слышите — помигайте фарами.

— Слышим вас, слышим! — сказал Бакулин. — Меф, помигай им фарами.

Он хотел помигать, но Элдер облегченно выругался и дал отбой.

— Не надо, теперь и мы слышим вас. Что за черт, почему не было связи?

— Потому что мы имеем дело с Обероном, Юс, — тоном усталого человека ответил Бакулин, сбрасывая фиксаторы. — Меф, спасибо за службу. Открой мне люк.

Он открыл. Одновременно из гермоюков «Циклона» стали выпрыгивать и замедленно опускаться на лед фигуры десантников в разноцветных скафандрах.

3. ТИГРОВАЯ ЯМА

Десантники отошли от дракара и выстроились полукругом. Бакулин примкнул к левому флангу. На правом возвышалась очень заметная в лиловой «Селене» богатырская фигура Асеева.

Элдер повел рукой вправо от ледяного «моста».

— Первое звено — Кизимов, Ионге, Джанелла, — прощупайте лидарами глубину расселины. Ваш участок — в пределах километра.

Троє десантников молча вскинули руки к лицевым стеклам своих гермошлемов — задание, дескать, принято к исполнению —

и, придерживая на бедрах белые кобуры с похожими на много-зарядные паллеры портативными лидарами, ушли, вернее, ускакали вдоль трещины.

— Второе звено — Винезе, Симич, Лорэ. — Элдер указал в другую сторону. — Аналогичное задание, но ваш участок короче. За пределы террасы не уходите. Звено взрывников — Михайлов, Нортон, Бакулин, — готовьте фугас. Пилоты остаются в дракарах и наблюдают за изменениями ситуаций в рабочей зоне разведки. Об изменениях доложивать немедленно.

Краски были насыщенные, резкие. Лед блестел, люминесцирующие скафандры пылали язычками разноцветного пламени, близна инея казалась светящейся, тени — как мазки тушью. По инструкции сектор его наблюдения охватывал всю местность вправо от осевой линии «Казаранга». Осевая линия упиралась в «Циклон» с Накаяма в пилот-ложементе и звеном взрывников где-то в чреве грузового твиндека. Справа прыгало над трещиной второе звено разведчиков ее глубин — звено Симича, и, покачиваясь, шагал в сопровождении тонконогого кибер-контейнера Элдер, а в открытом сверху контейнере поблескивали головки капсул. Позади была наполовину скрытая тенью куполообразная наледь.

С борта «Циклона» Элдера окликнул Накаяма:

— Командир! Самоотвод Бакулина из состава звена взрывников.

— В чем дело?

— Не знаю, Михайлов и Нортон перенесли Бакулина в ложемент. На вопросы Мстислав ответил: «Дьявольски кружится голова. И что-то с глазами. Передайте Элдеру мой самоотвод».

Он увидел, как, прекратив работу, застыли командир, Асеев и оба звена десантников. Асеев встревоженно:

— Меф, а твое самочувствие?..

— Я абсолютно в норме.

Длинная пауза. Десантники, облитые светом низкого солнца, стояли совершенно неподвижно.

— Кто из нас имеет профессиональную медподготовку? — спросил Асеев.

Винезе тушканчиком поскакал к «Циклону».

— Десант продолжается, — сказал Асеев. — Я возглавлю первое звено, Элдер — второе. Тимур, помоги взрывникам.

Теперь поскакал к «Циклону» Кизимов. Начальник рейда и командир группы возглавили осиротевшие звенья. Асеев спросил:

— Меф, как это случилось с Бакулиным?

Он рассказал.

— Ты уверен, что это был именно луч? — спросил командир.

— Да, лучевой удар в днище. Залп.

— Хочешь сказать — похоже на осмысленную атаку?

— Вряд ли. Ведь ничто не мешало ее завершить, однако нас больше не тронули.

— Иными словами, времени для повторной атаки было достаточно?

«Более чем...» — подумал он. И снова не повернулся язык предать гласности драматический эпизод вылавливания Бакулина над пропастью. Да и никому это сейчас не нужно.

— У меня гипотеза! — сказал Джанелла. — Это был залп лазера. Слова «лед» и «лазер» в синтезе. Обозначают редкое

явление природы. Суть в том, что внутренние напряжения планетоида сотни, а может быть, и тысячи лет производили энергетическую «накачку» какой-нибудь глыбы сверхчистого льда на дне Кратера...

— А когда глыбе надоело «накачиваться», — вставил Асеев, — на пути ледазерного луча случайно оказалось днище дракара.

— Ладно, — легко уступил Джанелла, — явление это не редкое. Сокращаю срок до нескольких месяцев. Или дней.

— Или минут, — не преминул добавить Накаяма. — Но все равно ты гений.

— Он прав в одном, — возразил Йонге, — на этом чертовом планетоиде не все чисто...

Ситуация там, где над трещиной ползало с лидарами звено под руководством Элдера, не менялась. Зато у открытого люка «Циклона» показались фигуры десантников, которым сегодня выпало быть взрывниками. (Звено выволакивало на лед какие-то круглые коробки — части фугаса, надо полагать.) Он был обеспокоен, несколько даже шокирован молчанием Элдера.

— Юс! — окликнул командира Асеев. — Кажется, мы нашли то, что надо: лидер показал глубину в шесть тысяч метров.

Было слышно, как кто-то присвистнул.

— Не может быть, — усомнился Лорэ. — По отвесу?..

— Мы нашли вход в преисподнюю! — торжествовал Джанелла. — Мой лидер показал шесть тысяч одиннадцать. Провалиться мне сквозь планетоид, если фугас не уйдет здесь вниз по трещине километров на пять.

— Свистать всех сюда? — спросил Йонге.

— Отставить, — вдруг сказал Элдер. — Я помогу взрывникам, а первое и второе звенья — на сбор и капсулирование образцов. Но больше чем на полтора километра по радиусу не удаляться.

Через триста секунд Элдер что-то сделал с алым цилиндром и швырнулся вниз. Словно стряхнул с руки в темноту расселины язычок пламени. Для порядка скомандовал:

— Всем покинуть зону огня!

Громогласно произнесенная на весь Оберон команда касалась лишь самого командира и трех стоящих рядом десантников.

— Я, пожалуй, попрыгал к дракару, — сказал Михайлов, десантным ножом счищая с оранжевого рукава налипшую ледяную крошку. — Грузовые фиксаторы надо отжать — торчат там рогами. Заодно подберу упаковку. Только сели, а мусора уже вокруг «Циклона»...

— Да, нехорошо, — согласился Юс, тем же методом очищая колени и верх башмаков. — Представляете, сел бы здесь «Леопард»?

Десантники промолчали.

— Не напрягайте умы свои, ибо вижу знамение и прорицаю! — издали вмешался Джанелла. — Будет здесь то же самое, что на несчастной Европе. Четыре раза я десантировался на Европу и, увы, за монбланами мусора ни разу не видел ее естественного горизонта. Я там очень боялся.

— Джанелла, как всегда, сгущает краски, — сказал Кизимов. — Но в принципе верно. Я бывал на этом планетоиде...

— Все, кто бывал на Европе, — сказал Нортон, — говорят о ней одинаково: крупнейшая мусорная свалка Внеземелья.

— А кто виноват? — спросил Михайлов, спрятал нож и прыгнул в направлении «Циклона».

— Я там очень боялся, — повторил Джанелла. — Особенно после того, как узнал, что фугасы там закладывали Михайлов и Нортон.

— Пусть швырнет в нас камнем тот, кто не имел отношения к мусору на Европе, — сказал Михайлов. И повернулся, словно окидывая взглядом присутствующих. — Нет таких? Искренне жаль.

— Он прав, — сказал командир. — Нелепо заниматься поисками виновных, когда вот они, друг перед другом. И сами перед собой. — Элдер жестом указал Нортону и Кизимову на «Казаранг». — Винезе, я и вы — комиссия по освидетельствованию последствий залпа из Кратера. Давайте осмотрим драккар Аганна.

Они остановились перед носом машины.

— Меф, куда вам влепило?

Он объяснил.

Включив наплечные фары, Юс скрылся под днищем.

— Никаких следов залпа я не вижу. Дэв? Тим?

— Ни ожогов, ни вмятин, — сказал Кизимов.

— Чисто, — подтвердил Нортон.

И в этот момент машина дрогнула и покачнулась на амортизаторах ступоходов.

На том участке, где был снаряжен и заложен фугас, из расселины выметнулось в звездное небо громадное облако, очень похожее на пучок серебристо-белых, серых, черных и золотых перьев. Просторы западного сектора округи района А накрыла тень.

— И машина будет в тени, — заметил Юс. — Аб, включи свет.

С верхушки «Циклона» ударил прожекторный луч, и в луче появился Марко Винезе.

— Командир, после телеметрической диагностики медиколог считает, что нам не следует затягивать отправку Мстислава на борт рейдера.

— Силой отправить? — осведомился Юс.

— Почему силой?..

— Потому что плохо ты его знаешь. Мстислав намеренно перешел с борта «Казаранга» на борт «Циклона». Верно, Меф?

— Не знаю, — рассеянно ответил он, — возможно... — Он пытался понять, что у него происходит со зрением: лучи прожекторов и фар казались ему странными — в лучах неприятно пульсировали зеленоватые блики. «Может быть, я отправился?...» — мелькнула мысль. Его мутило, во рту ощущался ядовито-железистый привкус.

— Ну вот, — сказал Элдер, — вся комиссия в сборе. Меф, принимай гостей... Нет, вчетвером будет тесно. Сначала — я и Винезе. Остальные — потом.

Юс и Марко ощупали ложемент второго пилота.

— Меф, повтори, как было дело.

Он повторил. Пока рассказывал, солнце, проглянув сквозь прореху в перистом облаке, неожиданно озарило наледь перед «Циклоном» и скрылось, и в той стороне тень стала гуще, и ничего уже там не было видно, кроме пронзительного (с прозеленью) света фар и прожекторов.

— Меф! — ударил в барабанные перепонки голос Накаяма. — Командира срочно просит на связь дежурный координатор.

— Если просит — пожалуйста.

— Ким? — спросил Элдер. — Что у него стряслось?

— Это не у меня стряслось — у тебя. Точнее — у вас. Я таких сейсмограмм отродясь не видывал.

— А в чем дело?

— Если бы я не знал, на каком расстоянии от места вашей посадки находятся сейсмозонды, я заподозрил бы, что кто-то их пинает ногами! Юс, мне кажется, сейсморазведку Ледовой Плещи следует повторить. Похоже, Оберон гудит, как надтреснутый колокол...

— Повторим, — заверил командир. — Организуем новый десант и повторим.

— Хочешь сказать, не сегодня?

— Да. Сегодня нам нужны в основном образцы ледорита со всей территории района А. Все наши дальнейшие планы зависят от того, найдем ли мы в образцах изотопные микроследы работы двигателей «Леопарда».

Во время переговоров Элдера с координатором Меф усиленно жмурился и моргал, пытаясь избавиться от мелькания этой чертовой зелени. И вдруг ощущил два толчка. Катер сильно шатнуло, и автоматика ступоходных движителей заставила «Казараг» немного попятиться с дифферентом на корму. Окрик Элдера:

— Меф, что происходит?!

— Не знаю. Похоже, наледь дала осадку.

Он видел в зеркало, как Элдер нетерпеливо подтолкнул Винсезе к выходу.

— Командир! — снова ударили в уши голос Накаяма. — Бакулин просит слова.

Элдер замер в проеме люка.

— Юс, — проговорил Бакулин, с трудом (это чувствовалось) ворочая языком, — прикажи парням... ближе к «Циклону». С Обероном шутки, видать, плохи. Кажется, я догадался: лед с планетоида унесло не... не взрывом. И вообще, никуда его не уносило — карст поглотил. Ледовая Плещь — это ледовый карст. Кратер — ледово-карстовая яма, провал... — Переводя дыхание, Бакулин сделал паузу, которой никто не воспользовался. — Понимаешь, вся масса льда — внутрь... Как в прорву.

— Бред, — пробормотал кто-то.

И тут все заговорили разом:

— Почему бред?

— Вот именно. Мысль интересная...

— А известно тебе, сколько миллиардов тонн льда было в сегментной шапке, которую потеряла Ледовая Плещь? И вся эта масса ухнула внутрь Оберона?!

— Почему обязательно «ухнула»? Может быть, в процессе... постепенно...

— Как ни вертите, а проблему Мстислав ковырнул глубоко. Никуда ведь не денешься — Кратер действительно здоровово смачивает на карстовый провал. Необычайная глубина при сравнительно небольшом диаметре, почти отвесные стенки, и нет обязательного для взрывных и ударно-взрывных кратеров кольцевого вала...

— ...Зато есть совершенно не обязательный для карстовых провалов зал из придуманного Рамоном ледазера.

— Напрасно иронизируешь над моим ледазером, напрасно.

— А мне, парни, тоже не нравится сейсмоактивность этой ледяной тарелки. Что-то слишком долго бродит подо льдом эхо нашего взрыва... Смотрите-ка, опять тряхнуло!..

— Но ведь Клим говорил: вся луна гудит как надтреснутый колокол.

— Погудит — перестанет.

— Она-то пусть себе гудит. Нам бы не загудеть.

— Эта луна, парни, выглядит сверхподозрительно. Избыток странностей. Если не сказать — чудес...

— А что о чудесах думает сам Мстислав?

— Не дергай ты его зря! Он, между прочим, впервые на этой луне и не виноват, если процессы тут протекают такие... своеобразные. Скажем, лед сжимается, погружаясь куда-то внутрь, а излишек энергии — наружу... залпами.

Справа, в той стороне, где невидимо затаилась среди наледей и торосов исполнская пропасть, мельтешили вспышки зеленых зарниц. В районе Кратера... впрочем, как и везде на просторах Ледовой Плеши, что-то происходило. Непонятно что... Ледовую равнину словно бы затягивало дымной пеленой — все там шло морщинами, складками, шевелилось, горбатилось. Лед вздрогивал под ступоходами «Казаранга».

— Работу отставить! — встревоженным голосом приказал Асеев. — Элдер, где ты? Все по машинам! Агани, освещение!

Он врубил всю бортовую иллюминацию и увидел, что Юс успел уже спрыгнуть к стоящим группкой Нортону, Винезе, Кизимову. Сильный боковой толчок заставил машину качнуться на левый борт. Вторым толчком, еще более мощным, ее развернуло градусов на шестьдесят вправо.

— Всем к «Циклону»! — закричал Элдер. — Бросай оборудование! Стартовая готовность!

Освещенную фарами поверхность наледи пересекла, отделив десантников от «Казаранга», сабельно-кривая трещина. В поисках Рамона он повел лучом прожектора по краю террасы и обомлел: террасы не было — курилась струями снежной пыли обширная яма, с морскую бухту величиной, а из мутных глубин этой ямы невесомо вспывал, уходя верхушкой в черное небо, рог ледяного утеса...

— Командир! — крикнул он. — Джанелла исчез!!!

— Всем на «Циклон»! — яростно командовал Элдер, подталкивая десантников. — Меф, мы с тобой стартуем после «Циклона».

Потрясенный реакцией командира, он проводил взглядом длинные, уродливо деформированные тени Винезе, Нортон и Кизимова, прыtkо уползающие под зеленоватый свет фар и прожекторов «Циклона».

«Как же так?! — думал он в совершенном ошеломлении. — Выходит, все они мгновенно примирились с гибелю Рамона? Или я чего-то не понимаю?..»

— Рамон! — позвал он без всякой надежды, сознавая уже, чуда не произойдет и Джанелла не откликнется.

Серия ударов снизу. Впереди взлетел фонтан осколков льда,

и сквозь эту сверкающую в луче прожектора россыпь было видно, как временный обелиск-рог над могилой Рамона внезапно разрушился, и глыбы, странно меняя свои очертания в моменты вспышек зеленых зарниц, отваливались и отплывали в стороны. Ледовая Плещь, быстро потемневшая и помутневшая от снежной пыли, ощетинилась сultanами газовых и осколочных выбросов, айсбергоподобными громадинами выдавленных из трещин кусков наледей. Он смотрел, как обозимое пространство Ледовой Плещи быстро тонет во мгле, как все вокруг ломается, дыбится и крошится, чувствовал дрожь ступоходов, а потом почувствовал невесомость — несколько мгновений невесомости и удар, — катер словно бы по собственной инициативе спрыгнул в глубокую яму и сильно ударился днищем. Удар был страшный. Будто с размаху коленями в подбородок — искры из глаз...

Во рту было больно, горячо и солено («Не натекло бы в маску, ч-черт!..»), губы и нижняя челюсть быстро немели. Он похолодел, когда, оглянувшись, не увидел прожекторов дракара. «Циклона» не было, люди спешили обратно, за их спинами жутко клубился зеленоватый «дым» в каньонообразном провале, и все вокруг сползло туда сплошным ледопадом. Он сразу понял, что «Казаранг» — единственное теперь средство спасения людей на взбесившемся Обероне, и до предела увеличил яркость прожекторов.

— Мэф, — хрюпло выкрикнул Элдер, — на тебя вся надежда!

Первым прыгнул в кабину Йонге. За ним — Симич. Кизимов ввалился в люк, держа под мышкой кого-то недвижного, Лорэ?.. Освобождая место для других, десантники опустили Лорэ в ложемент второго пилота. Чей-то голос предупредил: «Осторожней, у него переломы!» Кажется, голос Винезе. После Винезе в кабине стало тесно. Тяжелый удар сзади — машина опасно вскинула корму, но устояла. Очень опасно...

Он ждал. Пальцы застыли на рукоятках, изготовленных к действию в позиции старта. Краем глаза он видел, как Элдер отшвырнул НORTона к люку и десантным ремнем пристегнул себя к переднему ступоходу. Правильное решение. В кабину, пожалуй, мог бы втиснуться еще один человек, но не более...

Из-за клубов ледяной и снежной пыли, радужно сверкающей под светом прожекторов, видимость на озаряемом зелеными зарницами пятаке снизилась до нескольких десятков метров. За пределами отчетливой видимости угадывалось перемещение каких-то пугающие огромных масс, мимо катера медлительно перекатывались или проплывали на уровне блистера крупные глыбы, в шлемофоне сипело, хрюпало, трещало, лед под ступоходами дрожал и лопался, и создавалось впечатление, будто машина все время куда-то проваливается. Он ждал. Слившись в одно целое с гашетками старта и форсажа, он чувствовал, что сила толчков нарастает, что ситуация осложняется с каждой секундой, следил за траекториями хода самых больших обломков и ждал. Наконец в разрывах снежно-дымчатой завесы показался Асеев с Михайловым на плече. Мелькнув в прыжке и пропал, а сквозь завесу выпер под луч прожектора белопенный горб кипящего вала..

По первым ударили крик Элдера:

— Нортон, назад!!!

Было видно, как Нортон, повинувшись приказу, остановился, и вал на лету рассыпался снежными шапками и лоскутами, застыл

сугробами. Потом вынес на лед кого-то «в белом скафандре» — кого-то облепленного с головы до ног искрящимся инеем, — и когда этот кто-то знакомым жестом протер лицевое стекло и расчетливо уклонился от шального обломка, стало ясно: за рождающийся водяной фонтан выпустил только Асеева. Одного, без Михайлова... Сквозь хрипы и треск голос Элдера:

— Николай, Дэвид, в люк! Быстрее!!!

Казалось, что удар расколол планетоид на части. «Казараг» низко просел на корму. Оскальзываясь передними ступоходами, дергаясь и дрожа, машина делала попытки вырваться из ледяного капкана. Голос Асеева:

— Меф, старт! Больше никого не будет, старт!

В кабину хлынули отсветы сине-фиолетового пламени — гашетки стартовой тяги вдавлены до упора. Парализованный ужасом, он чувствовал, что задние ступоходы заклинило намертво. Машина, выбирируя от напряжения, задрала нос, но не стронулась с места. Под днищем, заливая все вокруг нестерпимо ярким фиолетовым светом, пульсировал плазменный смерч, сзади буйствовал ураган лилового огня и пара, впереди закутанным в белое призраком-великаном набирал высоту столб фонтанирующей пены, над блистером едва ли не с плотностью чаек на птичьем базаре проносились стаи обломков и крупные глыбы. Все вокруг шевелилось, дрожало, прыгало, плыло, съезжало куда-то в сторону, катилось.

— Отстрелить ступоходы! — рявкнул Асеев. — Старт!!!

Рука, сжимавшая рычаг отстрела, не подчинилась приказу. Убить Элдера, чтобы спасти остальных... Но если вон та вертлявая глыба успеет долбануть в блистер — всем крышка..

Не успела. На перехват выпрыгнула из люка фигура в обычнедевелом скафандре — короткое «Эк!..» совпало с рубиновой вспышкой разблокировки фиксации рычага и похожей на агонию судорогой отстрела. Тяжесть стартовой перегрузки, стянутый белыми буквами кровавый рубец транспаранта «Гермолюк закрыт», куда-то далеко вниз провалилась озаряемая зелеными вспышками белая муть, и вдруг распахнулся простор звездно-черного неба. Горошина Солнца над запрокинутым горизонтом... Деревянные пальцы левой руки разжались, отпустили ненужный теперь красный рычаг, деревянно сомкнулись вокруг рукоятки управления катером. И что-то с глазами: зеленоватый серп Урана словно бы расслабился ледяными пластинками, оброс листой бахромой, — перед глазами все стало мутным, нерезким.

— Эй, кто-нибудь... — позвал он. — Вместо меня...

— Не будь идиотом, — тяжело дыша, сказал Лорэ.

— Меф, ты намерен убить нас на финише? — полюбопытствовал Нортон.

Остальные молчали.

Он вспомнил про воздуходувку внутри гермошлема, включил. Сблизнув разбитые губы, посмотрел с высоты на Ледовую Плещь. Кратера не было видно, всю центральную область ледяного диска затянуло дымчатой рябью. Значит, вот как погиб «Леопард»... По сути, Ледовая Плещь — западня. Прорва, прикрытая слоем льда, — Бакулин был прав. Тигровая яма...

Потом, уже на орбите, когда ошеломленная команда рейдера

обеспечила «Казарангу» радиус-ход в режиме зонального захвата и напряжение после маневра несколько спало, он с большим трудом взял себя в руки и понял, что надо делать. «Высажу всех — и обратно, — лихорадочно думал он. — Даже в этой каше можно... еще можно и нужно искать. И найти. Хотя бы одного найти... Не дадут резервный «Циклон» — угоню «Казаранг», никто не посмеет меня задержать».

Однако посмели. Вел он себя глупо и агрессивно. Как будто на рейдере кто-то в чем-то был виноват. Потом затих. Как только почувствовал свою ненормальность — моментально затих.

...Осознав, что опять лежит на жестком полу, лицом на розовом пузыре пневмокресла, Меф открыл глаза, шевельнулся и сел. В командной рубке никого уже не было. Гнетущая тяжесть в затылке прошла, общее состояние улучшилось, но сегодня это почему-то не радовало.

Сидя в пилот-ложементе, Меф долго смотрел на Япет — туда, где над чертой горизонта белесым волдырем вспухала верхушка гигантского облака. Размышлял, машинально потирая и массивуя пальцы.

Собственно говоря, предаваться глубокомыслию не стоило. Думать ему уже не хотелось. И так все было ясно. Сколько мог, он всеми правдами и неправдами цеплялся за орбитальную базу. Его идея легально обосноваться на малолюдной орбитальной базе в Сатурн-системе шла прахом. Здесь обстановка складывалась так, что через сутки ни Жив-здоровам, ни ему самому на «Анарде» не поздоровится. В покое его не оставят — это уж точно. Есть веские основания полагать, что МУКБОП его вычислил.

Он смотрел на пятно тумана и в последний раз взвешивал все «за» и «против». Впрочем, на чаше весов с надписью «против» был только Тобольский. «Но ведь я и «Анарда» Андрею совсем ни к чему, — думал Меф. — Считай, у него пуповина с «Анардой» оборвана: ни связи у нас, ни резервного катера. А на борту люггера, который придет завтра, — два превосходных драккара типа «Мистраль» и, как минимум, два десятка десантников-профессионалов. Да и «Байкал» в конце концов приведут... В общем, сутки Андрей продержится запросто. А я за сутки смогу уйти далеко. Перехвата не будет — гарантия. Не на чем и, главное, незачем. Если бы старый, выживший из ума капитан направил свой танкер к Земле — переполоху было бы на все Внеземелье. В диаметрально противоположную сторону — двигай себе, валяй, катись, проваливай, никому ты не нужен,oberонский монстр...»

Розовую, мерцающую муаровыми разводами рукоять главного ключа для запуска маршевого двигателя он перевел на разогрев камер стеллараторов.

Солнца он и здесь практически не видит. Маленький, тоненький ободок... А там, в обширных просторах самого края Системы, в Зоне Мрака, среди мириадов рыхлых, как пыль, заплутоновых астероидов ему неизменно будет снять удивительно яркая звездочка...

4. ГАДАНИЕ ПО ЛИНИЯМ СПИНЫ

В первый раз, когда Андрей услышал сверхвизг, все внутри у него словно оборвалось, перевернулось, да так и застыло. Испуг был ледяной, тяжелый. Чувствуя на лице холодную испарину, он остановил «Казаранг» и долго вслушивался в тишину, от которой ломило в ушах и висках. Через двадцать минут сверхвизг повторился. Тот же эффект: леденящее потрясение. Андрей уставился в темную глубину щели между залитым светом фар бугристыми поверхностями рассеченного на двое облакоподобного массива. Стиснув зубы, он выждал, чтобы щель вернулась на место — заняла подобающее ей вертикальное положение.

Начинался сверхвизг звуком унылого скрипа ржавых петель старинных садовых ворот, быстро переходил в омерзительный вой, от которого шевелились волосы под шлемофоном, и заканчивался визгом на такой высокой нестерпимо-режущей ноте, что перехватывало дыхание. И ладно бы только это... Но из пяти секунд физического существования сверхвизга две последние сопровождали совершенно необъяснимое событие: казалось, будто драккар и скафандр внезапно распахивались настежь и на миг исчезали куда-то. Беспомощно повисшего в пространстве человека пронзal омертвляющий холод. А потом, едва лишь скафандр и драккар возвращались из странного небытия и наступала жуткая тишина, со зрением начинало происходить неизвестное: нельзя было избавиться от впечатления, будто линия перспективы темнеющей впереди щели отклоняется от вертикали то влево, то вправо. И отклоняется слишком уж сильно — на десятки градусов. Вплоть до соприкосновения с горизонталью. Самый натуральный бред... Пытаясь преодолеть пространственную иллюзию, он добился только того, что машина теперь представлялась ему перевернутой вверх дном. Как на тренажере по отработке навыков пилотирования; но там хотя бы понимаешь, что происходит. Он вообразил, каково было бы здесь, в такой обстановке, нетренированному человеку. Губы под кислородной маской невольно тронула усмешка, когда он вообразил на своем месте Фролова. Марта Фролова, которого он ни разу в жизни не видел.

Поглядывая на розовые, ежесекундно вспыхивающие алым огнем цифры таймера, Андрей просидел почти неподвижно около получаса. Он чувствовал себя очень легким. При длительной неподвижности инерционные силы бездействуют (нагрузки на мышцы, естественно, нет, веса практически тоже) и тело «забывает» о собственной массе. Выждав ровно тридцать минут, он решил, что выжидать дольше, по-видимому, не имеет смысла. Итак, вторая двадцатиминутка сверхвизгом не увенчалась, с иллюзорными переворотами в пространстве покончено, все успокоилось, утихло. Причин оставаться на месте не было. Он проверил индикацию системы управления катером с голоса, подал команду:

— Ка-девять, шагом вперед.

Голос его прозвучал неузнаваемо, глухо — увяз, казалось, в плотных слоях тишины. «Казаранг» шевельнулся, дернулся и потопал, мерно раскачиваясь, вдоль цепочки ямок, зажатой меж-

ду однообразно белесыми и однообразно бугристыми стенами. Наблюдая бесконечное отступление рыхлой границы теней в глубь неприятно узкого, тесного, прямого, как след от удара топором, ущелья, Андрей размышлял. Одолевало подозрение, что сверхвиг (или радиоакустический удар, если угодно) — это реакция гурм-феномена на попытку проникнуть в туман. Правда, прямых попыток шагнуть в кисельно-облачный вязкий коктейль он не предпринимал, но вполне могло быть, что охранные силы загадочного колосса отреагировали сверхвигами даже на попытки прозондировать туманную стену щупальцем манипулятора. Ведь пока он был озабочен только необходимостью пройти вдоль цепочки ямок как можно глубже и ничего здесь не трогал — машина успела беспрепятственно углубиться в ущелье на три километра. Однако стоило ему уверовать в стабильное однообразие окружающей обстановки и дважды ковырнуть на ходу правую стену манипулятором — получил в ответ две увесистые радиоакустические оплеухи... Свое подозрение он изложил дрожащему мотыльку индикатора звукозаписи. И, чертыхнувшись, добавил, что теперь, к сожалению, вынужден привести на себе дополнительный эксперимент.

Честь разведчика неумолимо требовала проверить догадку экспериментом. Боясь раздумать, Андрей включил манипулятор и на ходу погрузил его гибкий, изогнутый крюком конец в кисельно-облачную, густую на ощупь, вязкую массу справа по борту.

Настолько быстрого ответа он, признаться, не ожидал: сверхвиг ударил по нервам через минуту... Ударил очень тяжело. Гораздо тяжелее, чем в прошлый раз, будь оно неладно!..

Едва опомнившись и уже не обращая внимания на пространственную иллюзию и не останавливая «Казаранг», Андрей метнул манипулятор в другую сторону — слева по борту. Металлизированное щупальце, увязнув в туманно-клейком веществе стены, напряглось, охватило носовую выпуклость блистера змеиным нахлестом. «Слева то же самое, — подумал Андрей, втягивая манипулятор в корпус дракара. — Через минуту жди подзатыльника».

Но ждать пришлось дольше. «Казаранг» неторопливо, целестремленно и в полном соответствии с неровностями дна узкой расселины брал подъемы, спускался во впадины, ведомый вперед нескончаемым, казалось, пунктиром идеально круглых, одинаковых ямок. Одна за другой истекали минуты — пять, шесть, семь, восемь, — и ничего особенного не происходило. Андрей уж было приободрился. Уверовал, что левую стену можно щупать манипулятором безнаказанно. А на девятой минуте (вот оно!) заскрипели ржавые петли...

«С меня довольно, — решил он, выравнивая дыхание после радиоакустического удара. — Не-ет, довольно с меня, довольно!» До него вдруг дошло, что «левосторонний» сверхвиг несколько отличался от «правостороннего». Отличался, как ни странно, появлением довольно сильного цветочного запаха. И, как ни странно, этот запах был ему хорошо знаком. Запах герани?..

Он чувствовал, что его издерганным нервам позарез нужен отдых. Остановить бы машину на два-три часа, чтобы ни за чем не следить, ничего не ждать, ни о чем не думать. Хотя бы

на час. Ну хотя бы на тридцать минут... Он не мог позволить себе остановить движение «Казаранга» ни на минуту. Ведь не ради собственного любопытства он просто обязан идти вперед, пока позволяют обстоятельства. Ведь неизвестно, сколько времени просуществует расселина — единственный, очевидно, доступный машине лаз к сердцевине кисельно-туманной громадины, — вдруг стены слипнутся. Вообще говоря, если это произойдет, его положение станет опасным. Или скорее всего безвыходным. Он старался об этом не думать.

Еще у входа в ущелье у него была мысль приподнять драккар на фланг-моторах и не мешкая пронестись между стенами на доступное катеру расстояние — чтобы побыстрее назад. Но за кормой остались километры промеренной ступоходами цепочки ямок, а ему так и не захотелось использовать здесь фланг-моторы. И хорошо, что не захотелось. Если этот кисельно-туманный «коктейль» очень нервно, болезненно реагирует на уколы манипулятора, трудно даже вообразить реакцию на удары плазменных струй. Довольно экспериментов. Нервозный «коктейль» позволил драккару пройти внутри туманного чрева несколько километров — и на том спасибо. За исключением сверхвигза, ничто пока не мешало двенадцатитонному «ослику» нормально топать вперед. Вот пусть и топает дальше. Хотя бы на тех же условиях.

Подумал: «И пяди нашего Внеземелья уступать чужакам для кисельно-туманного их гнездовья не должно. Нигде и ни под каким видом. Далеко от родимой Земли Дальнее Внеземелье, а планеты и луны его все равно заведомо нашенские».

Эта мысль придала ему бодрости. Он знал теперь, что ничего в нем нет от чужаков. По крайней мере — в голове. С головой все в порядке. Чужакам удалось окатить его зеркальной дрянью с головы до ног и даже, может быть, накачать блестящей мерзостью до бровей, но переделать в нем мысли и чувства на свой лад для каких-то своих инозвездных нужд им не удастся.

Цепочка ямок-следов, как и созданная ею прямая расселина, вела все дальше по неровному, грязному, крупному льду, километр за километром, взираясь на бугры, ныряя в ложбины. Нескончаемое однообразие пунктирной тропы и теснота расселины действовали угнетающе.

«Казаранг» преодолел очередной подъем — внешний склон вала крупного, по-видимому, кратера, — лучи передних фар высветили в глубине темной щели какое-то серое пирамидальное сооружение... Ни дать ни взять сильно потрепанный палаточный домик бывалых туристов. Андрей обеспокоенно взгляделся. Ощущал странное препятствие лучом лидара. Наконец понял: это вершина центральной горки в довольно глубокой, залитой тенью кальдере.

Он включил фотоблинкстер, высветил на обведенном синей окружностью участке карты южную точку (вход в ущелье), соединил ее голубой линией с центром Пятна. Голубая линия пересекла по диаметру только один кратер с центральной горкой — двухкилометровый кратер № 590. Прикинув на карте размеры спирально свернутой сердцевины гурм-феномена, Андрей перевел озабоченный взгляд на заметно подросший в сиянии

фар конус препятствия, остановил машину. И отсюда видно: для ступоходов этот холм заледенелой грязи слишком крут.

Хочешь не хочешь, леший его побери, фланг-моторы придется использовать...

Андрей медлил, разглядывая препятствие, оглаживая пальцами в перчатках контактные ползунки, диффузоры, гашетки обеих рукояток управления. Он ни в малой степени не сомневался, что перелет вдоль расселины даром ему не пройдет, что последствия даже короткого перелета должны быть если не катастрофическими в полном значении этого слова, то непременно серьезными и суровыми — к иным себя не готовил. Ах чертов пупыры!..

— Выполняю фланг-маневр, — сообщил он.

Стартовый рывок. Андрей сощурился: не успела уйти вниз темная полоса ледорита — резко, почти вдвое, взросла площадь участков стен, отражающих свет катера. Очень живо ему представилось, как в такой обстановке выглядит со стороны взлет «Казааранг». Будто вспорхнул испуганной фиолетовой молнией огромный, сверкающий разноцветьем огней мотылек с исполинскими, немыслимого размаха белыми крыльями...

Провожая взглядом уплывающую под брюхо катера вершину горки, Андрей заметил на грязной ее макушке искру холодного, остrego блеска, однако большого значения этому не придал. Во время старта его удивило и обеспокоило внезапное онемение ног: от ступней оно быстро распространилось к бедрам. Он сразу понял: это прелюдия к каким-то более существенным неприятностям; должно быть, в отличие от наказания за шалости с манипулятором «счет» за фланг-маневр предъявляется без задержки. Чувствуя, как неудержимо тускнеет и ускользает сознание, интуитивным движением рукояток он успел прицельно бросить драккар к мутно-серому пятнышку отраженного света передних прожекторов (пятнышко-мишень, как подсказал лидар, находилось там, где щель оголила бугры кольцевого вала) и успел с надеждой подумать: «Сознания полностью здесь я еще не терял».

Действительно, и теперь сознание полностью не померкло. Скорее об этом пришлось пожалеть. Сразу после выверта. Пожалеешь, если внезапно, без всяких предупреждений какой-то фокусник-сумасброд выдергивает из-под тебя машину, одним махом вспарывает и выворачивает наизнанку скафандр, а тебя самого, беспомощного, совершенно очумелого, рывком швыряет в необъятный простор какого-то необыкновенного студенисто-гянцевого мира... А в этом мире, выколотив из твоей головы остатки соображения и начисто перекрыв тебе кислород, эстафету пыток перехватывают более жесткие сумасбрды: тебя сжимают в комок, скручивают, растягивают на мегапарсеки, впрессовывают в точку и наконец взрывают. Разлетаясь мириадами блистающих осколков, твой взорванный мозг вдруг ни с того ни с сего вспоминает, что на Обероне лиловый скафандр Асеева перед гибелю командора стал белым... Последнее воспоминание. И вообще — последний проблеск сознания. Дальше все тонет в смолисто-плотной мгле. Абсолютная тишина, абсолютная тьма. Абсолютное безвременье...

Пришел в себя — будто проснулся. Шевельнул ногами, ру-

ками. Довольно свободно, легко. С наслаждением потянулся. Приятная истома в мышцах. Ощущение безмятежности. Как после двух недель отпуска на Земле. Давно он не испытывал такого замечательного чувства. Думать ни о чем не хотелось. Смутно помнил, что его безжалостно истязали в какой-то непонятной студенисто-глянцевой среде... Вспоминать удушающий этот кошмар в деталях не стоило. Возможно, это даже опасно. Мозг, вероятно, не зря защищался забвением. Ох, не зря...

Андрей приоткрыл глаза, увидел расселину «вверх ногами», опять опустил тяжелые от приятного безразличия веки. Краешком сознания он чуял неладное и мысленно прощупывал себя. Нет, все как будто в порядке... Ну если ему не хочется шевелиться, смотреть на эти раскаивающиеся белесые стены — что с того? Осточертели ему эти стены. Он подождет, когда они успокоятся, а за это время обдумает текст сообщения. Стены стенами, истома истомой, но от необходимости внятного изложения странных событий в устном докладе никуда ведь не денешься... Его размышлениям сильно мешало два обстоятельства. Первое: языком ворочать до того не хотелось, что он не знал, сумеет ли сейчас выдавить из себя хоть слово. Второе: он никакого понятия не имел о сути экзотического действия, участником которого только что был. Одно понятно: сверхвизг и выверт — кровные родственники. Ведь двухсекундное исчезновение катера и скафандра, сопровождаемое сверхвизгом, — это, по существу, незавершенный выверт. Или, лучше сказать, недоразвитый выверт. По-видимому, только недоразвитые выверты сопровождаются радиакустическими ударами (не забыть бы отметить это в докладе). И, напротив, зрелый выверт тих, как межгалактический вакуум. Ни малейшего шума. Никаких звуков не было вообще. Тишина была какая-то по-особенному глубокая, плотная. Монолитная тишина. Сверхтишина... Если б ему предоставили выбор между сверхвизгом и сверхтишиной, он, пожалуй, рискнул бы выбрать сверхвизг.

Начинать доклад с жалобы на тишину было глупо. Андрей разозлился и усилием воли буквально, что называется, вырвал себя, выдрал из полуидиотского состояния эйфории; открыл глаза, увеличил приток кислорода в дыхательную смесь (несколько глубоких, до боли в груди, вдохов). Шлепнул ладонями по подлокотникам. Это простейшее, чисто импульсивное действие произвело почему-то гораздо больший эффект, чем все другое: остаток сонливого благодушия смело волной тревоги. Быстрый обзор индикаторов — основные системы дракара в порядке. Взгляд вперед, затем — вниз, вверх. Вид расселины изменился. Автоматика выбрала для посадки изрытый мелкими ямками-кратерками участок почти совершенно черного ледорита, и расселина здесь много шире. Черт с ней, с расселиной...

Все еще несколько ошалелый, но уже изрядно чем-то обеспокоенный («Чем же, дьявол побери, чем?!»), он взглянул на свое отражение в зеркале, прикоснулся к штативу с намерением изменить зеркальный угол обзора кабины, да так и обмер с поднятой рукой. Это было не его отражение!

Андрей инстинктивно сделал попытку вскочить — не пустили фиксаторы. Тот, в зеркале, продолжал сидеть неподвижно — руки поклонились в желобах подлокотников, лица не видно — по

стеклу гермошлема ползали и прыгали, радужно переливаясь, блики индикаторных огней. Не отрывая взгляда от зеркала, Андрей отстегивал защелки фиксаторов. Отстегнул, с трудом развернулся вправо и уставился на пришельца. Точнее — на появленца. Невесть откуда появившаяся в ложементе второго пилота фигура была в скафандре типа «Снегирь». «Десантник с «Виверры»?! — очумело подумал Андрей. — В корабельном скафандре?» От геккорингов до гермошлема «Снегирь» лоснился несвойственным ему глянцевым блеском.

Шевельнулось подозрение: «Может, это просто футляр без фигуры?»

По причине полной своей неподвижности скафандр-подкидыши выглядел необитаемым. А из-за странного блеска верхней теплоизоляционной оболочки — новым и совершенно чистым... «Стереоизображение, — вдруг догадался Андрей. — Сингуль-хроматические эффекты». Естественно, он не мог вообразить себе механику здешних «телевизитов», однако полная идентичность «Снегиря» в левом и правом пилот-ложементах утвердила его в подозрении, что разглядывает он все-таки свой собственный стереопортрет, каким-то образом (во время выверта, должно быть) возникший справа и стабильно там зафиксированный.

Стереоизображение коленей было рядом — руку протянуть. Андрей протянул (на всякий случай) и, со словами «Будем знакомы», ткнул в левое колено пальцами... Шутки в сторону: колено «стереопортрета» было твердым, а главное — красноречиво массивным! Шутки в сторону!

Появленец, словно его разбудили тычком, тяжело и как-то не совсем уверенно встал и в попытке выпрямиться стукнулся головой о блистер. Затем обогнул торчащую на мысе подлокотника рукоять управления, неуверенно шагнул в проход. Переливчато-глянцевитый рукав скафандра гостя-подкидыши промелькнул у лицевого стекла оцепенелого хозяина — перед глазами Андрея мелькнули овал наручных часов, квадраты указателей давления, ромб радиометра, перчатка и золоченый браслет-замок соединительной манжеты. Он видел, как появленец, раскачиваясь, едва не падая, неуклюже сошел в твиндек и долго, будто вслепую, шарил возле крышки люка рукой. Когда открылся гермоляк, машина вздрогнула. И покачнулась, когда псевдо-десантник выпрыгнул за борт.

Андрей смотрел в опустевший твиндек. Едва к нему вернулась способность связно мыслить, он первым делом пожалел, что после выверта еще не обронил в копилку звукозаписи ни слова. Он чувствовал, что говорить сейчас не сможет — это было выше его сил. Он смотрел на светящийся контур открытого гермоляка и понимал, что должен заставить себя подняться. Он поднялся. Появленец не мог уйти далеко.

Затяжное падение на ледорит, Андрей осмотрелся: цепочки круглых следов нигде не было видно. Расселина — насколько позволял это видеть свет фар «Казаранга» — перестала быть идеально прямым, неприятно зауженным коридором. Она стала быть вообще. Вместо расселины — низкий, непривычно широкий и неровный, надо сказать, пролом в облаках; над головой — сплошное белесое марево, а впереди, там, куда достигал свет носового прожектора, достаточно стройно перемежались

светлые и темные вертикальные полосы, и это выглядело как колоннада в тумане. Стена пролома справа по борту чем-то напоминала пышный, сильно измятый полупрозрачный занавес, и кое-где сквозь неоднородный по плотности слой туманного флерра просвечивали большие нежно-зеленые пятна. Как светящиеся лишайники. Фигура в оглянцованным «Снегире» ковыляла к стene — наискось, держа курс на ближайший «лишайник»... Присев, Андрей отключил геккоринги, прыгнул.

Кувыркаясь в пространстве, он осознал, что допустил в момент старта сразу несколько мускульно-силовых ошибок (динамических ляпсусов, если угодно), и его всерьез обеспокоила перспектива с лету врезаться в пылающую оранжевыми катофотами спину умопомрачительного пешехода. Открыл было рот, чтобы крикнуть: «Поберегись!» — но врезался в ледорит, да так основательно, что снес верхушку пористого, темного бугра, похожего на кучу шлака, и, разворотив белое — неожиданно белое — нутро замаскированного под свалку шлака сугроба, включил геккоринги. Появленец даже не обернулся — по-прежнему целенаправленно ковылял к задрапированному полупрозрачным флером тумана «лишайнику». Андрей смахнул с лицевого стекла ледянную крошку, нагнал освещенную фарами «Казаранга» фигуру псевдодесантника. Серебристая надпись на крышке скафандрового люка «ЛУННАЯ РАДУГА» бросилась ему в глаза еще в кабине дракара; теперь, вблизи разглядев под плечевым катофотом индекс и корабельный номер скафандра, он невольно замедлил шаг. АН-12 ДКС № 1.

Точно такие же индекс и корабельный номер были под левым плечевым катофотом его собственного «Снегиря». Все было так, словно он осматривал тыльную сторону своего скафандра. Все, кроме названия корабля... Надпись на крышке люка его «Снегиря» другая: «АНАРДА». «Овеществленный, автономно действующий стереослепок с моего скафандра, — думал Андрей, — в сочетании с названием знаменитого рейдера... О чём это говорит?» Он чувствовал: говорит о многом. Но пока это было за пределами его понимания. Единственная, хотя и очень слабая зацепка: прозрачный намек Аверьяна Копаева на реально существующий шанс встретиться с призраком во плоти. Это, если и не позволяло контролировать логику ситуации, то хотя бы помогало сохранять присутствие духа. Немаловажное обстоятельство. Особенно, если учсть, что сам по себе корабельный скафандр не двинется с места, вся его кинематика — отражение силовых и логических качеств начинки. Здесь открывается широкий простор для догадок, домыслов. Слишком широкий. Лучше бы этот простор был уже.

Псевдодесантник достиг подножия пышного «занавеса» и вдруг, ни секунды не медля, прямо с ходу, вытянув рукава с перчатками вперед, навалился кирасой на полупрозрачную стену и с заметным усилием медленно погрузился в туман. Не очень плотный в смысле оптической проницаемости туманный флер был, видимо, очень плотным и вязким в смысле физической проходимости, — было видно, как фигура в скафандре постепенно продавливала себе дорогу в мутно-дымчатом слое.

Андрей, подчинившись какому-то не совсем осознанному побуждению, вошел в туман следом. «Безумие! — навязчиво, как

вспышки транспаранта при аварии, пульсировало в голове. — Безумие!»

Довольно быстро он понял, что продавливать инертно-вязкую среду легче в том направлении, куда продвигался размытый силуэт псевдодесантника. Загадочная субстанция уступала натиску неохотно, но все-таки уступала, и Андрей напирал на нее гермошлемом, руками, грудью. В отличие от густого тумана в узкой расселине слегка затуманенная стена пролома на вторжение никак не реагировала. Разве что иногда метеорами пролетали мимо ослепительно яркие искры. Странные, болезненно действующие на глаза искры. Невозможно было определить их цвет: то они казались желтыми, то синими, белыми, фиолетовыми...

Зыбкий силуэт псевдодесантника вдруг съежился и исчез. Андрей удвоил усилия и... вывалился из тумана.

Андрей остановился и только теперь увидел цепочку круглых следов. Он и раньше заприметил эту превосходно видную на темном ледорите глянцевито-зеленую, неравномерной ширины полосу, но только теперь догадался, что видит пунктир ямок (или отверстий?) в ледорите, через которые произошел самоизлив зеркального вещества на поверхность. На удалении в несколько метров глянцевито-зеленая полоса очень напоминала «дорожку» разлитой по кратерочкам и буграм люминесцентной краски, но едва над этой «дорожкой» появленец занес ощетиненный гекко-рингами башмак — отражение тут же выдало зеркальную поверхность. «Мягкие зеркала, — догадался Андрей. — Виток спирали в центральной зоне гурм-феномена».

Перешагнуть отражавшую башмаки и свечение облаков полосу появленец не смог. Или не захотел. Судорожно разведя руки в стороны, как делает человек, которому надо войти в ледяную воду, он вступил по колено в зеркальный «ручей»... И когда, завороженный странностью происходящего, Андрей приблизился к месту событий, псевдодесантник в заблестевшем еще сильнее скафандре повернулся влево, да так и застыл, продолжая медленно погружаться...

У развороченной кратеровидной ямы Андрей перед тем, как снова войти в туман, оглянулся. Потрясенно подумал: «Мир праху твоему, кто бы ты ни был...» От фигуры в скафандре посредине «ручья» остался похожий на бюст, лоснящийся, постепенно оплывающий бугор. Андрей машинально стряхнул с рукавов налипшие ледяные крупинки и, ожидая встретить вязкое сопротивление, вошел в туман с вытянутыми вперед руками. Вязкости не было. Ни малейшего сопротивления... Темно... Перед глазами роились какие-то еле видные в темноте хлопья. Не заблудиться бы... Он включил наплечные фары. В лучах света хлопья летели густо, как при обильном снегопаде, но «снег» валил снизу вверх, и это вызывало правдоподобную, усугубленную слабым полем тяготения иллюзию: будто падаешь сквозь метель в затяжном парашютном прыжке.

И еще было такое впечатление, будто при каждом шаге что-то все время подталкивало в спину. Он оглянулся. И сделал открытие. Вязкость появлялась при малейшем движении вспять. Появлялась вязкость, и появлялись метеоры ослепительных

искр неопределенного цвета. Словно сквозь слепящие яркую белизну просвечивала радужная подоснова.

Покончив с экспериментами, он посмотрел на часы, на индикатор кислородного давления и продолжил «полет в метель».

Внезапно «снегопад» иссяк. У Андрея сердце упало. Он сразу понял: толща « занавеса» пройдена. Впереди было темно и пусто. Он обернулся. Лучи наплечных фар мутными конусами освещали туман. Но даже это не мешало видеть сквозь туманный флер зеленое зарево. Чувствуя, как холодаеет спина, Андрей огляделся вокруг. Ему и раньше казалось странным, что нигде не видно зарева прожекторов катера, однако это он относил на счет неизвестных оптических свойств туманного флера.

Голубоватое сияние наплечных фар скользило по темному ледориту слабыми отсветами, тонуло во мраке. Андрей, оглушенный случившимся, почти бездумно, как во сне, перебрался через сугроб, снежная крупа которого, сыпучая прежде, успела, как ни странно, заледенеть. Свет фар вдруг выхватил из темноты невесомо парящую продолговатую белую глыбу. Андрей не поверил глазам. Оцепенело взялся, проглотил что-то застрявшее в горле и медленно, словно боясь вспугнуть робкое привидение, стал подходить к обросшему инем «Казаранг».

— КА-девять, — позвал он, пальцами прощупывая сквозь пущистый иней металл ступохода. — Контакт!

Где-то вдали вспыхнула и угасла зарница.

— Свет! — приказал Андрей.

Снова вспыхнула трепетная зарница — он даже не взглянул туда. Двинулся вдоль борта, щурясь, обеими руками сдирая иней с пояса оптических репликаторов, с лицевой поверхности фар. Можно подумать, на борту катера взорвался весь запас кислорода. На отживающих свой век машинах всегда приходится опасаться чего-нибудь подобного.

— КА-девять, открыть гермолюк!

В кабине инея не было.

Андрей зафиксировался в ложменте, оглядел остатки индикаторных огоньков. Кое-что понял. Воздушные и кислородные емкости на борту были целы, но ни воздуха, ни кислорода в них не было. Открыты все клапаны стравливания. Все, кроме одного. Андрей потянул на себя гибкий заправочный шланг, соединил разъемы и, перекачивая кислород из баллона НЗ в набедренный баллон скафандра, старался припомнить, через сколько часов с момента полного отсутствия команд человека логика и автоматика десантного катера самостоятельно переведит все бортовые системы в режим полуконсервации: спустя триста десять или спустя двести девяносто? В любом случае это большие двенадцати суток. Он чувствовал такое острое желание выдрать из недр автоматики логические капсулы, что пальцы непроизвольно сжались в кулаки. Заставил себя успокоиться.

Он подсчитал и точно знал теперь, что кислорода в баллонах скафандра ему хватит на двадцать три с половиной часа. Плюс, как шутят десантники, «последнее желание» — восемнадцать минут кислородной поддержки при взрыве аварийного патрона.

5. КРАТЕР № 666

На расконсервацию катера и очистку блистера от инея с помощью манипулятора пришлось затратить около получаса. Занимаясь этой работой, Андрей оглядывал стиснутую со всех сторон мраморно-неподвижными облаками полость пролома и решал, как действовать дальше. Но прежде всего он высветил на таймерном табло обратного счета цифры верхнего предела возможности своего пребывания в скафандре: 23-00. Время «матча», проигрыш в котором равносителен смерти.

Он был почему-то уверен, что «Казараг» пересек в полете первый виток пунктира круглых следов, а ему лично удалось добраться пешком до второго. Скорее всего драккар сейчас находится в промежуточной полости. По-видимому, вся сердцевина гурм-феномена состоит из межоблачных полостей, разных по размерам, форме и освещенности. Возможно, туманные перемычки-мембранны, сквозь которые просачивается сюда зеленое свечение, тоже варьируются по вязкости и толщине. Хорошо, если бы их толщина уменьшалась в направлении к центру. Или хотя бы не увеличивалась.

Встрепенулась и угасла зеленоватая зарница. Он покосился на индикатор звукозаписи, тихо присвистнул. Вместо крыльышек сигнального мотылька дрожала красная точка. И здесь, значит, дело дошло до точки...

— Что ж, — проговорил Андрей, — значит, не будем тратить время на доклады. Тем более что гурм-феномен нервно реагирует на каждое мое слово.

Зарницы вспыхивали над горизонтально-щелевыми нишами — кучевые облака словно бы мгновенно раскалялись снизу и так же мгновенно остывали. «А мы туда не пойдем, — думал он, втягивая манипулятор в корпус. — Мы пойдем на ручай моего не вовремя погибшего напарника... Или вовремя?»

Нежно-зеленое зарево ширилось, надвигаясь с каждым шагом дракара. Там, куда были прямые лучи фар и прожекторов, мутной яркостью наливались белесые пятна. Флер... Наконец «Казараг» коснулся туманной завесы — Андрей почувствовал, как напряглись металлизированные мускулы ступоходов, увяз корпус. «Пройдет, — с тревогой и надеждой думал он. — Должен пройти».

Лучистым фейерверком летели навстречу и во все стороны... нет, уже не искры — длинные и широкие рваные полосы неопределенного цвета. Глазам было больно смотреть, но зрелице, в общем, занятное... По мере продвижения дракара вперед радиант фейерверчной россыпи постепенно смешался кверху и это создавало иллюзию скоростного взлета с набором высоты. Сначала под небольшим углом к горизонту, затем все круче и круче. Волей-неволей пришлось погасить фары: головокружительная скорость «взлета» навстречу нежно-зеленой заре плохо вязалась с черепашьими темпами проползания черных трещин, темных морщин и бугров по нижним экранам — видеть это было невыносимо.

Иллюзорная высота росла, скорость — тоже. И вдруг «катастрофическая остановка» на полном ходу — в блистер будто плеснуло зелено-краской. Приехали... Машина глубоко продав-

ливала ступоходами ледорит, корпус выбирировал от напряжения, а окно в подсвеченную зеленым сиянием полость расширялось томительно медленно. Андрей поймал себя на том, что и сам он весь напряжен до предела: мышцы свело от нелепого стремления помочь машине быстрее выдернуть корму из вязкой среды.

— Поднатужимся немножко, — чуточку изменил он с детства знакомые строки, — как бы здесь на двор окошко нам проделать...

Умолк, приглядываясь к светящимся облакам: какая будет реакция?

Никаких серьезных эффектов. Правда, по облакам пробежала волна искристого мерцания. Но пробежала — и все. Ничего больше... Не иначе, Пушкин гурм-феномену понравился.

Машина ухнула вниз, резко накренилась. Цепляя днищем край кратерной ямы, выбралась наверх, выпрямила ступоходы и пошла вперед своим обычным шагом. Андрей оглядел зеркальный «ручей» по всей длине полости: одинокий бугор, похожий на оплыvший бюст, уже исчез — вся поверхность «ручья» из конца в конец была равномерно утыкана чем-то вроде зеркальных кеглей. На глаз расстояние между этими штуками как будто не превышало расстояния между ямками затопленного пунктира. «Здорово напоминает позвоночник!» — подумал Андрей. Перевел взгляд на нижние экраны. Слишком тонкий позвоночник для такого колосса, как гурм-феномен... Но истины ради: на тоненьком этом хребте здесь, очевидно, держится все...

Когда драккар беспрепятственно перешагнул подверженный «хребтовой» эволюции виток спирали, Андрей ощутил нерешительность. Что целесообразнее: направить машину вдоль витка или снова продавливать туманные «мембранны»? Через «мембранны» путь намного короче... Не хотелось признаваться даже самому себе, что он боится вывертов, которые вполне вероятны на этом пути. Однако он их боялся.

Взгляд на часы — и нерешительность улетучилась моментально. Время — воздух!

Андрей оглядел кучевое нагромождение облаков перед блиsterом. Ничего похожего на «мембрану»... Он решил взять левее и повел «Казаранг» в обход громадного и на вид монолитного, как бугристый зеленоватый айсберг, облачного выступа. Обогнув выступ, драккар углубился под неровное брюхо тусклого светящегося облака, нависшего над ледоритом так низко, что брало сомнение, соответствуют ли габариты машины высоте прохода (похоже, там был широкий, но низкий проход). Приходилось лавировать, чтобы чашами верхних лидаров не задеть потолочные выпуклости...

Это был не обособленный проход, а разветвленный лабиринт проходов (высоких и низких, широких и узких), и если бы не темная, вся в ямах, буграх и трещинах ледоритовая основа под ступоходами, здесь трудно было бы не утратить чувство реальности. Словно пробираешься в грозовых, зеленовато подсвеченных тлеющими электрорэзрядами и почему-то абсолютно неподвижных тучах. А вот и «мембрана»... На фоне уже привычной для глаза люминесценции несветящийся туманный флер выглядел тусклым-серым, как старая, запыленная паутина. «Ну, ни

пуха ни пера», — мысленно подбодрил себя Андрей и включил передние и бортовые фары.

Тот же метод продавливания, те же болезненные для глаз искры и рваные полосы, та же иллюзия взлета и перегрузки. Только не было нежно-зеленой заря. И еще новшество: безотносительно к иллюзии взлета ледоритовая дорога вела на подъем. Драккар взбирался на кольцевой вал крупного кратера. Очевидно, полость расположена в воронке... Нехорошо. Лишняя потеря времени. Время — воздух.

На перевале, перед спуском в воронку, катер, высвобождая корму из тумана, дрожал и раскачивался — свет фар метался во мраке по облачным выступам двухъярусной полости. Андрей оторопело смотрел вперед: прямо по курсу многоцветно переливались тесно сгруппированные в горизонтальную полосу вертикально растянутые (как в линейчатом спектре) огни — лиловые, изумрудные, голубые и — самые яркие — белые... Достаточно было остановить машину — огни прекратили свою переливчатую игру. Он взгляделся в застывшее многоцветье и понял наконец: слепящие-белые огни — отражение фар «Казаранга», цветные — бортовых светосигналов. Над отражающей полосой фосфоресцировали зеленоватые пятна «мембран».

Дно кратера было обезображен воронками более поздней метеоритной бомбардировки, пришлое направить машину левее, в обход — по уплотненному льду кольцевого вала. Отраженные огни соответственно двинулись влево. Но двинулись как-то странно, двумя проблесковыми группами: одна — чуть быстрее, другая — с небольшим отставанием. На подходе он понял, в чем дело: во мраке эффект двойного отсвечивания давали сравнительно близкие друг к другу параллельные, или почти параллельные, ряды зеркальных «кеглей».

И действительно, вскоре он достиг участка, где расстояние между витками небрежно брошенной на Япет пунктирной спирали не превышало длины катера. Зрелище было редкостное. Феерическое, можно сказать, было зрелище. Иллюминация «Казаранга», раздробленная и тысячекратно отраженная двумя рядами блестящих кеглеобразных зеркал, живописно отсвечивала на неровностях облачных ярусов.

Когда драккар перешагивал зеркальные « позвоночники », Андрей, разглядывая на нижних экранах кеглеобразные « позвонки », вдруг заподозрил, что они от витка к витку подрастают. «Гурм-феномен, похоже, наращивает себе хребет», — взял на заметку Андрей.

«Мембрана» с нежно-зеленой зарей. Полость с люминесцирующими облаками. «Мембрана» как старая паутина. Затемненный, но с феерическими отсветами храм. Снова «мембрана»...

Он не помнил, на каком по счету переходе догадался, что в центральной зоне гурм-феномена вдоль спиралей громадным коридором тянется одна и та же полость, геометрический вид отдельных участков которой зависит от того, насколько более или насколько менее эти участки придавлены скоплениями облаков и как освещены застывшими, будто замороженными в момент вспышки зарницами. Что навело его на эту догадку — он, пожалуй, не сумел бы внятно объяснить, это было нечто вроде наития. Словно бы внутренним зрением он внезапно по-

стиг инфраструктуру туманного колосса. Однако ни внутреннее зрение, ни шестое чувство не помогли развеять недоумение: отчего это при переходе с витка на виток он встречает либо освещенные зеленым сиянием облака, либо неосвещенные? Пройтись бы разок вдоль всего витка и узнать, да нельзя. Время — воздух. Путь один — напролом.

Нехорошо, когда не у кого одолжить литр сжиженного кислорода.

С витка на виток, с витка на виток... Как с волны на волну. Темень — свет, свет — темень; феерия зеркальных отражений — свечение облаков. День, ночь — сутки прочь... А между прочим, сколько там на часах намигало, не пора ли поворачивать?.. Ой, пора, судари мои любезные, еще как пора... Это с одной стороны. А с другой, судари мои, как же поворачивать, если ничего еще не ясно? Прикажете двигать дальше? Но кому, в самом деле, нужен разведчик, который все выяснит и погибнет, не оставив даже устного сообщения? А есть, между прочим, ужасно хочется... И пить.

Язык как наядак. Дерущая сухость во рту. И, между прочим, с ядовито-железистым привкусом, Аганн не солгал. Но сейчас это никаких эмоций не вызывало. Сейчас это уже не имело значения.

Андрей все чаще поглядывал на часы. По ряду признаков до кратера номер шестьсот шестьдесят шесть оставалось около километра — поворачивать обратно за километр до цели было недопустимо. Тем более что оставшийся путь ТУДА и ОБРАТНО обещал быть легче: в направлении ТУДА толщина «мембран» неизменно снижается, а в направлении ОБРАТНО исчезнет их вязкость. Вдобавок автоматика помнит каждый метр обратной дороги — тоже солидная экономия времени-воздуха. Разумеется, всякое может случиться... Если непредвиденные обстоятельства не будут уж слишком неблагоприятными, может случиться и так, что кислорода хватит. Но любой «сложнячок» перечеркнет все — кислорода в обрез. Уйти отсюда на флаинг-моторах нечего и думать. Только ножками. Неторопливо так, покачиваясь, аккуратненько, топ-топ...

Подозрение, что «кеги» подрастают от витка к витку, перешло в уверенность. Не надо было обладать особой точностью глазомера, чтобы видеть: по высоте они превзошли метр. А диаметры их оснований превзошли величину, которая позволяла этим штукам иметь между собой зазор, — теперь они вплотную соприкасались боками — сплошной забор из «слипшихся» зеркальных столбиков, увенчанных отражающими свет «Казаранга» шарами. А если столбики вымахают там, ближе к центру, в столбы?..

Это его почему-то расстроило. Он поневоле стал размышлять над вопросами, задаваться которыми до окончания разведки не собирался. Осознав, что финал десанта непредсказуем, увы, он, опираясь на сумму полученных здесь впечатлений, попытался решить для себя: к какой из сущностных категорий следует отнести гурм-феномен как явление в целом?

Мысль о том, что гурм-феномен может представлять собой биологический объект, была отброшена сразу — на организм (или колонию организмов) это скопище облаков ни с какой сто-

роны не похоже. Зеркальная субстанция прямого отношения к миру биообъектов тоже, видимо, не имела, но... мышь родила гору — Гору Тумана. Никаких сомнений — все дело в зеркальных каплях пунктирной спирали. Они способны запросто размягчить (без последствий!) металл, растворить (без остатка) появленца вместе с его твердым на ощупь скафандром, изменить (всего-навсего!) природную сущность людей, походя посеребрив им рты зеркальным налетом. Наконец, способны испариться, как замороженная углекислота, или просочиться сквозь ледорит и снова выступить наружу в тысячекратно увеличенном объеме. На что еще способны «мягкие зеркала»?.. Нет, это не вещество. Никакое даже очень сложное вещество не может обладать столь богатым набором сногшибательных свойств в сочетании с высокой степенью поведенческой свободы. «Мягкие зеркала» — это всего лишь один из доступных наблюдению обликов РЕЗУЛЬТАТА ДЕЙСТВИЯ какого-то экзотического, еще недоступного пониманию людей физического процесса... Вот, скажем, торнадо: в «мягком» цилиндре его зловеще-черного столба мало видеть смесь веществ воздушной среды и продуктов выветривания. Куда важнее знать о невидимом глазу: страшная сила смерча есть результат стихийных процессов в неспокойных глубинах энергонасыщенной атмосферы.

Разумеется, говорить о стихийном применительно к «мягким зеркалам» рано. Во-первых, нет решающих доказательств того, что за десять лет никому из экзотов не довелось убедиться в обратном. Во-вторых, есть косвенное свидетельство, что земляне имеют дело с результатом нацеленного на Солнечную систему технологического или, лучше сказать, техногенного воздействия откуда-то со стороны. Ведь нельзя просто так согласиться с двумя бесприцельными попаданиями — это уже подозрительно. Особенно если учесть, что второе попадание в Солнечную систему произошло гораздо ближе к центру ее. Куда будет третья? В одну из лун Юпитера? И когда? Через десять лет? Раньше?

Первое попадание — утерян кусок Оберона: пять процентов массы, одна двадцатая часть планетоида. Теперь исчезнет пять процентов массы Япета. А может быть, и побольше... Что ни говори, однако это очень похоже на запрограммированное кем-то со стороны ограбление Дальнего Внеземелья. И вполне вероятно, с прицелом на ближнее — прав Фролов, прав тысячу раз!..

Продавливая очередную «мембрну», Андрей угрюмо прикидывал, какими шансами располагает человечество в борьбе с луноедами. Другими словами — каким оружием... Он предвидел уже, что Земля будет вынуждена строить флотилии дорогостоящих сверхрейсеров, вооруженных не менее дорогостоящими АМБА (апланатами магнитобезекторных аннигиляторов), и сознавал, насколько затормозится мирное освоение Солнечной системы. Лунные системы Дальнего Внеземелья рискуют молниеносно преобразиться в арену развертывания вооруженных сил космического оборонительного фронта, насыщенного АМБА — самым страшным оружием за всю историю Земли (кстати, пока существующим только в теоретических разработках). Но будет ли эффективным в борьбе с луноедами это оружие?.. Ну, допустим, прицельным огнем дюжины АМБА вполне можно частью

сжечь, а частью разрушить и превратить планетоид типа Япет в громадные куски заледенелой пены — в рыхлые айсберги, — в чем будет выигрыш? И будет ли в чем-нибудь вообще? Сомнительно. В борьбе с луноедами можно одну за другой уничтожить все свои луны и остаться с носом. Н-да...

С той поры, когда человечество осознало беду, наконец заметив, что почва у него под ногами превратилась в крышу обще-планетарного склада химического, бактериологического, термо-ядерного, нейтронного, метеорологического и черт знает еще какого сатанинского оружия, а небо над головой уже готово было превратиться в купол самого совершенного крематория — лазерного и аннигиляционного, — оно, человечество, осознав эту самую отчаянную свою беду, предпочло глобальной кремации глобальную демилитаризацию и привыкло решать мировые проблемы за «круглым столом». Насколько проще было бы усадить луноедов за «круглый стол» и возвратить к их иноземной совести, иноземному разуму. Однако никто иноземных этих любителей поживиться чужим и в глаза не видел. Даже Агани не видел, экзот с десятилетним стажем. Судя по ярости его, Агана, проклятий, иноземный разум и не пытался войти с ним, капитаном «Анарды», в контакт. Не лучше обстоят дела и здесь, в сердцевине гурм-феномена. А что это, простите, за разум такой, который не может или не хочет идти на контакты с представителями ограбленной им цивилизации, в чем его логика? Нет здесь никакой логики. А если есть, то это логика грабителя с большой дороги. Грабителя, садиста и убийцы. Найти бы его уязвимое место...

«Казаранг» продавил «мемброну» — Андрей сощурился. Очень светло. Обилие зеленого света. Впервые катер прошел из светлой полости опять же в светлую, без «промежуточной» темноты — вероятно, центр близко. Интенсивность зеленого сияния облаков возросла здесь настолько, что Андрей невольно покосился на блики указателей уровня радиации. Уровень ее подпрыгнул на порядок выше естественного фона. Пока ничего страшного.

На подходе к сплошному забору тесно прижатых друг к другу «головастых» зеркальных столбов Андрей внимательно оглядился. Облака здесь какие-то не такие... Во всяком случае, интерьер нижнего яруса приобрел не свойственное тяжелым облачным массам гурм-феномена некое подобие архитектурных форм. Сквозь огромные проемы и кружевые разрывы, которые не были затуманены флером «мемброн», проглядывала смежная полость, угадывались несколько соседних полостей. А впрочем... это был, пожалуй, единый комплекс крупных «залов». Или даже секции одного грандиозного «сверхзала», кое-как отделенные друг от друга небрежно выплеснутыми из облачного материала и хаотически натыкаными где придется кривыми арками, столбами, чем-то вроде карикатурно распухших «падающих» башен с покосившимися контрфорсами.

Андрей резко остановил машину, взгляделся в контуры зеркального ряда «столбов». Что за черт! На расстоянии ему казалось, будто перед катером стоял тесно сомкнутый строй блестящих скафандров.

Ну-ка, поближе. Вплотную. Так и есть!.. На нижних экранах

зеркально лоснились фигуры-близнецы высотой в человеческий рост, абсолютно точно повторяющие все топологические особенности скафандра «Снегирь». Совершенная одинаковость, многократное повторение одной и той же фигуры, дубляж... И позы дубль-фигур совпадали: правое плечо немного приподнято, левая рука отведена чуть в сторону. Ноги погружены в «ручей» по колено. Поза тонущего появленца?.. Впрочем, теперь наоборот — всплывающего...

Андрей заставил машину приподняться на всю длину ступоходов и осторожно перешагнуть монолитный ряд загадочных витязей в зеркальных доспехах. Чтобы не останавливать катер, вы светил задний обзор на нижних экранах. Правые руки всех участников богатырской шеренги знакомо прижаты к груди — приблизительно там, где у «Снегирей» смонтированы регуляторы теплообменного режима. «Одно зерно — и такой урожай!..» — подумал Андрей, оглядывая шеренгу.

Обогнув искривленный «контрфорс», драккар попетлял среди «колонн». И когда, проникнув сквозь узкую арку, катер двинулся вдоль ребристо-выпуклой преграды, Андрей на первых секундах движения принял ее за очередной искривленный «контрфорс», наклонно уходящий кверху и вправо. Но это был очередной виток спирали... Сбило с толку, видимо, то, что на светлых, «подкрашенных» зеленым сиянием «Снегирах» трехметрового роста почти нигде не было ртутно-зеркального блеска. Так, месстами... Совсем небольшие пятна. Зато превосходно были видны все детали скафандров. Отлично видна даже часть надписи на крышках скафандровых люков: «ЛУН... РАД...» А главное — под золотистым катофотом на левом плече фиолетовые: АН-12 ДКС № 1...

Андрей взглянул поверх богатырских плеч, вздрогнул.
— Великое Внеземелье!..

Громадный светлый монумент, который он принял сначала за одну из дымообразных «башен», оказался «Снегирем»-исполном, высотой этак метров двадцать пять. Исполин замыкал собой конечный виток спирали. Вернее, возглавлял миллионофигурный строй...

Кое-как справившись с потрясением, Андрей повел «Казаранг» в обход последнего витка, не отрывая взгляда от исполнинского гермошлема, — лицевое стекло (величиной с блистер катера!) отливало зелеными бликами. Он сразу заметил, что перед гермошлемом гиганта вертикально подвешен в пространстве какой-то странный стержневидный предмет. Узкий, длинный и глянцево-черный. Нечто вроде слишком маленького для сверхгиганана копья из черного стеклопластика.

По мере того как драккар огибал фронт множества чуть отведенных в стороны рук, блистающих катофотами, Андрей все внимательнее всматривался в кольеобразный предмет. Когда «Казаранг» взошел на бугор, откуда сверхгигант был хорошо виден в профиль, в середине «копья» обнаружилось шаровидное вздутие... Потом центральная фигура заслонила «копье» с нанизанным на древко «черным апельсином», и, чтобы снова увидеть все это, надо было до конца обойти виток вдоль плотного строя постепенно набирающих рост сверхгигантов.

Итак, в самой сердцевине гурм-феномена загадочное «черное веретено»...

Андрей почти не сомневался, что направление этой штуки совпадало с осью стреляющей скважины Горы Тумана. «Гравитрон? — попытался он угадать функциональный смысл наделенного свойством невесомости «веретена». — Гибрид гравитрона и квантового генератора?..» Он оглядел облачный «потолок» и нигде не нашел и намека на вход в ствол «стреляющего колодца». Ну что ж, в конце концов эта штука могла быть чем угодно. Генератором облакоподобной массы, инкубатором «мягких зеркал», инициатором зеленого свечения. Но скорее всего она была чем-то таким, что соответствовало функциональному смыслу самой идеи сотворения и существования гурм-феномена. Скажем, «веретено» — это какой-нибудь экзотический конденсатор ворованного вещества...

«Впрочем, — размышлял Андрей, — конденсация вещества — полдела. По идеи тотального космического грабежа у луноедов должен быть весьма оперативный и достаточно совершенный, экономичный способ переброски награбленного».

Он попытался представить себе «совершенный, экономичный способ» межзвездной транспортировки. Ничего из этого не вышло. Потому что современный человек в состоянии вообразить только три пути возможной реализации импорта на межзвездных дистанциях.

Первый путь (использование традиционных для землян космотранспортных средств) отпадал сразу. Сверхнеэкономично. Второй путь (перевод материи из формы вещества в транспортабельную форму поля и обратно) отпадал не сразу, но тоже отпадал. Такими делами гораздо сподручнее заниматься вблизи дарового источника энергии — возле местного светила. То есть намного легче, проще и, наконец, удобнее было бы грабить Меркурий, нежели Оберон. О третьем пути (переброс вещества из одной планетной системы в другую посредством «гиперпространственной катапульты») можно судить лишь по источникам информации популяризаторского ранга. Но, пожалуй, полезно сравнить пропускные способности «ГП-катапульта» исследовательского ГП-комплекса «Зенит» — «Дипстар» и гурм-феномена. «Зенит» в одном сеансе транспозитации способен перебросить от Меркурия до Сатурна не более трехсот килограммов массы. Максимум двух человек в легких скафандрах. А пропускная способность гурм-феномена — миллиарды тонн на дистанции, измеряемой, очевидно, парсеками. Но кто даст гарантию, что людям уже известны все пространственно-временные закономерности? Никто не даст. Сотрудники группы Калантарова на «Зените» знают, сколько энергии надо для сеанса транспозитации на девять астрономических единиц, но никому из них не известно, сколько энергии требует гиперпространственный перенос на девять парсеков. Или на девяносто. Может, на этих дистанциях энергии залпа из скважины гурм-феномена более чем достаточно. А потом пройдет какое-то время — и вдруг обнаружится, что на дистанции в девяносто девять парсеков вполне достаточно энергии карманного фонаря. Еще неизвестно, что будет после достройки великого здания физики Вакуума...

Достигнув наконец места, где прямой ряд великорослых витя-

зей пересекал границу кратера № 666, Андрей направил «Казаrang» вдоль кольцевого вала. Ему не хотелось сорваться в кратер, дно которого выглядело необъяснимо светлым на фоне темного ледорита, да и особого смысла в этом, наверное, не было. Достаточно обойти четверть окружности вала — до точки, откуда фигура сверхвеликаны станет видна в профиль. Другими словами — станет доступным обзору «черное веретено».

— Елки-горелки!.. — вдруг вырвалось у Андрея.

Остановив «Казаrang», он вперил взгляд в «черную лилию». Он готов был клятвенно присягнуть, что в момент его невольного взгляса кисть отведенной чуть в сторону руки головной фигуры приопустила закованные в перчаточную броню пальцы, но это меньше его поразило, чем эволюция, произшедшая с «веретеном». Он чувствовал свою беспомощность. Второй раз за время «контактной» разведки Горы Тумана ему пришлось быть ничего не понимающим свидетелем эффективных преобразований стабильных, казалось бы, деталей неподвижного интерьера во владениях гурм-феномена: пунктира круглых ямок-следов и «черного веретена». Вместо сравнительно небольшого «веретена», которое он собирался увидеть, перед повернутым в профиль гигантом теперь красовалось нечто гораздо более крупное и очень похожее на силуэт стилизованной лилии.

Реакция рук словно бы опередила реакцию мозга: Андрей рывком развернул машину и погнал прочь от кратера.

Стоп! Дальше можно не гнать — с эволюцией черной лилиево-образной штуковины кое-что прояснилось. По крайней мере, теперь при помощи заднего обзора он воочию наблюдал, как это делается (правда, в обратном порядке): «черная лилия» съеживалась в «бутон», который довольно быстро преобразовывался в «копье с апельсином», или «веретено», затем — в просто «копье», без намека на апельсин. Поехали обратно...

Андрей угрюмо взглянул на указатель кислородного обеспечения, еще раз последил, как небольшое «веретено» разбухает в большой «бутон» и как из него распускается крупный лилиевообразный «цветок», подумал: «Какова будет ягода?» — перевалил через бугры кольцевого вала и, уже не раздумывая, направил «Казаrang» в кратер. В кратер № 666.

6. ПЛЕЧО ГИГАНТА

До фигуры «командира» было отсюда метров двадцать. Не успел драккар сделать и десяти — Андрей почуял неладное. Создавалось заведомо ложное впечатление, будто спуск по внутреннему склону кольцевого вала на плоское и относительно ровное дно все еще продолжается. «Черная лилия» по ходу дела преобразовалась в огромное, заслонившее собой полмира «черное опахало», варварски роскошно украшенное невиданно крупными кристаллами голубоватых топазов. Нижнюю часть безудержно распухающей рукоятки «опахала» вдруг залила очень яркая белизна — предельно яркая (на этом участке даже сработала светозащитная автоматика блистера). Заинтригованный поразительной эволюцией черного дива, Андрей не сразу обратил

внимание на эволюцию фигуры «командира». Гигант стоял теперь в наклонном положении — как «падающая башня», и рост его по меньшей мере удвоился... С пространством что-то происходило. Но что именно — невозможно было понять. И с полем тяготения что-то происходило. Оно слабело предательски незаметно, но тренированное чутье пилота улавливало перемены. Хотелось остановить драккар, не спеша обдумать ситуацию. Андрей закусил губу под маской. На указатель кислородного обеспечения он боялся даже смотреть.

«Спуск» в иллюзорный прогиб совершенно плоского дна кратера завершился выходом на подъем. Подъем не очень крутой и, похоже, не иллюзорный. Глянув вперед — на «объект восхождения», Андрей почувствовал, что голова пошла кругом, хотя в таком положении «падающую башню» можно было считать почти упавшей. Он не уловил, как это произошло, но ступоходы «Казаранг» уже вышагивали по светлой поверхности титанического скафандра. Вдоль огромного, как цистерна, набедренного баллона, разрисованного цифрами и буквами (дата техконтроля, индекс, марка, техресурс). Цепляясь геккорингами за невидимые глазу неровности, «Казаранг» двигался под исполинской перчаткой. Это было не слишком приятно — слегка раздвинутые и немного согнутые над блистером пальцы выглядели удивительно живо. Рука гиганта казалась приподнятой специально для поимки дракара. Чего доброго, схватит и раздавит, как жука...

Иллюзия восхождения исчезла после перехода по бедру вдоль огромной серебристой скобы. На обычных скафандрах эта скоба — деталь крепления запасных аккумуляторов. Режим работы шагающего механизма катера практически ничем не отличался от рабочего режима в условиях невесомости: очень похоже как если бы катер шагал вдоль корпуса танкера «Анаарды» где-нибудь на орбите. Да и размеры суперскафандра были соизмеримы с размерами дальнорейсового корабля, разница небольшая.

Андрей решил дойти до фиолетового выступа над местным «горизонтом», чтобы взглянуть по ту сторону корпуса «командира», а уж после непременно безотлагательно повернуть обратно. Он не сомневался, что овальный, пылающий яркой белизной по контуру выступ представляет собой суперкопию обыкновенного кольцевого держателя, впрессованного в нагрудно-боковой разъем скафандровых электро- и пневмокоммуникаций. Наверное, так оно и было, но машину до выступа он не довел: посмотрел на облитый яростным голубовато-белым светом край сверхрукава и понял, что заглядывать «по ту сторону» не стоит. Со световым потоком такой интенсивности автоматика блистера не справится. Свет из термоядерной топки автоматике блистера не по зубам. Из термоядерной или даже аннигиляционной... Он вспомнил о своих надеждах на слабую энерговооруженность гурм-феномена, и ему стало нехорошо.

Андрей остановил машину, открыл гермоляк. Осторожно подтянул днище катера вплотную к залитой голубым светом поверхности. Вышел наружу. Ступоходы торчали коленными шарнирами кверху, как ноги кузнецика.

Когда геккоринги подошли зафиксировали его на поверхности,

о которой в достаточной степени определенно можно было сказать только то, что она голубая, гладкая и твердая, он постоял, борясь с желанием нагнуться и потрогать эту поверхность рукой. Он был во власти очень странного ощущения. Подумал: «Стою на плече гиганта...» Взглянул на вмонтированные в рука-ва своего скафандра приборы, машинально отметил повышенный фон радиации, стал взбираться на плоский верх прямоугольного выступа.

Андрей повел видеомонитором, с интересом оглядывая громадный, как утес, гермошлем сверхгиганта, обведенный по контуру каймой белого нестерпимо-яркого света. Он сделал шаг вперед, и в этот момент его собственный гермошлем потрясло взрывом.

Ошеломленный, почти контуженный, обхватив гермошлем руками, он неосознанно затоптался на месте. Он так привык к глубокой тишине, нарушенной только шелестом дыхания да по-скрипыванием сочленений скафандра, что внезапно хлынувшая в неизвестно почему оживший шлемофон лавина радиозвуков оглушила. Понадобилась минута, чтобы преодолеть болезненную реакцию слуха и быть в состоянии выхватывать из звукового хаоса отдельные ноты.

Он пришел в себя, кое-как успокоился. Многие «ноты» были хорошо знакомы. Во всяком случае, хоровой стрекот многомиллиардной армии «цикад» был не внове.

Обострившийся слух явно дал толчок обострению зрения: словно бы пелена слетела с глаз, и он наконец разглядел в деталях у себя над головой узорчато-фонарное сооружение — УФС (по пилотской привычке он сразу сократил название этой штуки до трех букв). Но легче было выдумать для нее сотни новых названий, зарифмовать их, запомнить и пропеть на два голоса, чем осознать и смириться с мыслью, что ничего поразительнее УФС, а главное — ничего грандиознее он никогда не видел.

В основе конструкции УФС была не слишком правильная спираль. Начиналась спираль где-то так далеко, что невозможно было с уверенностью сказать, какую поверхность обрисовывают ее витки — цилиндрическую, коническую или еще более сложную. Распростертый над головой конечный и, естественно, самый широкий виток с безумной щедростью (более ярко, чем земной крупный город в вечернюю пору) был иллюминирован не только мириадами голубых огоньков, но и сверх того тысячами ярко-голубых, странно «лохматых» фонарей-гигантов. Был изуродован дымящимися прямоугольными выступами и разной величины кристаллическими (судя по отблескам) наростами...

Кстати сказать, было заметно: кайма белого, нестерпимо-яркого света на гермошлеме суперскафандра стала и шире и ярче. Андрей отступил от линии верхнепереднего среза рефлекторной стороны фары. На всякий случай. Как и каждый пилот-профессионал, он хорошо знал, что это такое — взглянуть на солнце в открытом пространстве плохо защищенными глазами. Тем более на бело-голубое... Словно в качестве иллюстрации к его опасениям, сверху и слева будто хлыстом ударили по глазам отраженный (он сразу понял это) голубой луч — спасибо, мгновенно сработала светозащитная автоматика лицевого стек-

ла. Он прикрылся рукой и посмотрел в том направлении из-под ладони. Рядом, буквально метрах в пяти от его собственного плеча, в голубой тени, которую давала голова «кутес», медленно поворачивался вокруг своей... диагональной, что ли, оси какой-то странный сине-зелено-черный предмет не крупнее «Казааранга». Или обломок предмета?.. Трудно сказать, что это такое. Больше всего эта штука напоминала бутерброд. Между двумя неровными, плохо выпечеными галетами с бугристой, темно-синей (словно окалина на металле) поверхностью переливался голубыми и зелеными бликами довольно толстый слой чего-то, очень похожего на ртуть. Зеркальная субстанция, по-видимому, играла роль, если и не продолжения внутренней поверхности «галет», то клейко их соединяющего состава. Это видно и по вогнутому со всех сторон мениску слоя, и по тому, что «галеты» не слишком-то четко соблюдали ориентацию в пространстве относительно друг друга. Некоторый пространственный люфт у них определенно был. Даже во время медленного вращения было заметно, как «галеты» колыхались на зеркальной «подушке», сдавливали ее или растягивали. Догадайся попробуй, что это такое. Машина? Деталь машины? Осколок? Форма инозвездной жизни? Существо? В скафандре? Без скафандра? Разумное? Примитивное?

Андрей вскинул руку (с болтающимся на цепочке видеомонитором, про который он позабыл), крикнул:

— Эй, ты!

«Бутерброд» мгновенно перестал вращаться, замер. «Интересно, — удивился Андрей, — как эта штука сумела зафиксировать себя в пространстве?» Однако вслед за резкой остановкой вращения «бутерброд» продемонстрировал еще более удивительный кинематический трюк: верхняя «галета» сорвалась с места и моментально отпрыгнула далеко вперед, вытянув зеркальный слой в сверкающую ленту. Доля секунды покоя — и нижняя «галета», блеснув «обожженной» поверхностью, повторила прыжок напарницы. При этом сверкающая «лента» стремительно сократилась, словно резиновый жгут, втянулась в прежний объем зеркального слоя — отскочивший метров на сто пятьдесят «бутерброд» вернул себе первозданный облик. Никакого намека на реактивный способ передвижения... В компактном виде «бутерброд» неторопливо поплыл по дуге, намереваясь, вероятно, присоединиться к большой группе подобных ему особей.

Андрей схватился за видеомонитор. Честно говоря, ему было не по себе, когда эта штука висела рядом, и теперь он был рад, что она убралась. Если представители инозвездной формы жизни пугливы — это кстати.

— Эй, ты! — звонким эхом прозвучало в шлемофоне. — Эй, ты!..

Андрей посмотрел вслед уплывающему «бутерброду».

— Эйты-эйты-эйты!.. — скороговоркой прозвучало в шлемофоне, и компания бутербродообразных особей (числом, наверное, в несколько тысяч) на мгновение превратилась в ярко и остро сверкнувший веер серебряных стрел.

Это действие напомнило что-то до боли знакомое... Ах, да! Ну конечно! Так прыскает в разные стороны испуганная на мел-

ководье стайка рыбешек-мальков... Чего или кого пугаются эти твари? Своих разговорчивых собратьев?

Пока он вытряхивал утопленную в корпус видеомонитора черную бленду, трое «мальков» (уже в компактном виде добропорядочных «бутербродов») вошли в тень головы-«утеса» и зафиксировались тут ступеньками неподвижной лесенки. Каждый из «мальков» вдвое превосходил размерами первого посетителя. Занятый видеозаписью, Андрей не сразу заметил прибытие еще одного визитера. А когда заметил — взмахнул руками и громким голосом с пугающими интонациями закричал:

— Эй, ты!!!

Ни громкий голос, ни пугающие интонации действия не возымели: огромный «бутербродище» с темными многоугольниками вместо «галет» (это делало его похожим на обкусанный со всех сторон кусок пригорелого пирога) продолжал сближение с прежней скоростью, да еще покачиваясь на ходу. Андрей ввел поправку:

— Эй, вы!

Реакция была мгновенной: три серебряных стрелы прошили пространство слева, исчезли где-то за спиной. А «бутербродище» выметнуло, казалось, на полмира исполинскую перламутровую полосу. Выметнуло и так же резво убрал. А когда убрал, то на таком удалении выглядел уже просто синеватой точкой.

— Эйвы-эйвы-эйвы-эйвы! — донесло эхо. И еще быстрее, захлебываясь, более высоким тоном: — Эйвыэйвыэйвы!

— Молодцы, — похвалил несколько ошеломленный стремительным разворотом событий Андрей. — Нарекаю вас эйвами! Отныне и на века.

— ...Эйвами-эйвами-эйвами!.. — прозвучало в ответ. — Века-века-века-века...

В черных глубинах космического океана то и дело вспыхивали беспорядочными фейерверками пугливые «стайки мальков».

— С чего это вы такие переполошенные?.. — сказал Андрей. А про себя подумал: «Совсем чужой этот мир, елки-горелки. Абсолютно не наше пространство».

— ...Такие-такие-такие... — затоковало пространство.

Где-то близко с громоподобными всплесками один за другим опрокинулись сразу четыре айсберга. После этого кто-то пробормотал:

— Вышла из мрака младая... с перстами пурпурными Эос!..

Андрей узнал свой голос, но собственные интонации почему-то ему не понравились. Примолк и словно бы насторожился густо населенный болтливый мир.

— Что за стрекот там у тебя? — спросил голос Мефа Аганана. — Откуда помехи?

Копии слов звучали внятно, вполне узнаваемо, а вот вопросительная интонация была неестественно вялой, тусклой, безжизненной. «Как с того света, — подумал Андрей. — Убираться надо отсюда-подобру-поздорову...»

Отступая, он старался охватить объективом всю видимую сферокартину. Он надеялся, что, может быть, какие-то участки ее удастся зафиксировать. На это оставалось только надеяться. Даже в тени исполинской фигуры было светло от зарева короны бело-голубого (а значит, высокотемпературного) местного све-

тила. Само светило находилось где-то там, далеко внизу, а ослепительно белая бахрома его короны виднелась чуть ли не на уровне маски сверхвеликаньего гермошлема.

Понимая, что такая возможность может больше и не представиться, Андрей на подходе к драккару продолжал ловить объективом все, на чем задерживался взгляд. Случайно подняв глаза, он заметил на большом расстоянии сверкание колоссальной стаи «мальков». Эйвы стремительно расплывались, однако не веером, а во все стороны. Вокруговую. Подобно тому, как дети изображают на рисунках лучи солнца. Что-то новое... Среди удирающих было много перламутровых полос. Но самая крупная, самая яркая полоса неподвижно «дынилась» (другое слово трудно здесь подобрать) в центре всеобщего кругового бегства. Вглядываясь до боли в глазах, он вдруг понял, что это не просто ленточная стадия отдельного эйва, а блистающий край какого-то большого объекта, слепленного из множества эйвов, собранных в одно место. «Дым» состоял из серебристой «пыли», а каждая пылинка — это, несомненно, эйв. Тысячи эйвов спешили слиться с компанией строителей объекта, а миллионы других по непонятной причине только что пустились наутек. «Странные закономерности чуждого мира», — подумал Андрей, остановился и уже по-другому взглянул на пылающее голубыми отблесками «фонарями» прямоугольные выросты... Мириады эйвов? Спиралевидное их скопище? И ничего, кроме эйвов? Он отвернулся. Тоскливо подумал, что, если посредством этой примитивной видеозаписи удастся передать хотя бы десятую долю здешних образов и впечатлений, давнишняя романтическая мечта человечества о межзвездных контактах очень просто может перевоплотиться в неприглядную свою противоположность. Если, конечно, удастся... Он обреченно взглянул на часы. Попробовал задержать дыхание. Торопливо поковылял к драккару. Ощущив в груди спазм удушья, не выдержал — с жадностью отышался. Подумал: «Где же обещанная Аверьяном способность долго обходиться без дыхания? Или я еще не вполне созревший экзот?» Цифры на часах бесстрастно свидетельствовали: не дышал он ровно две с половиной минуты. Совсем никакое это не достижение. И скоро придется жалеть, что экзотическая зрелость опоздала... По забывчивости он тоскливо, но глубоко, полной грудью вздохнул. Совершенно неэкономно. Слопал по меньшей мере двухминутный запас кислорода.

— КА-девять, — прозвучало в шлемофоне. — Контакт.

Катер выпрямил ступоходы, неуверенно потоптался на месте, мигая светосигналами. «О, черт!» — изумился Андрей. Рявкнул:

— Стоп!!!

— Стоп! — спокойно продублировал шлемофон. Машина замерла.

В спешке Андрей переставлял ноги без «притирки» геккорингов, и был момент, когда его крутануло на одном каблуке и едва не сорвало с плеча исполина — пришлось бы долго летать. Улететь в «Снегире» не проблема, вернуться сложнее.

— Подними передние ступоходы, — спокойно, властно произнес знакомый голос.

Андрей на несколько мгновений онемел: «Казаранг» пошевелил лидарами и действительно поднял передние ступоходы. Корпус

дракара опасно раскачивался над зеленой пропастью, охваченной пылающе-изумрудным кольцом облаков; тело сверхвеликана торчало из пропасти, как половина танкера на выходе из наливного тоннеля какого-нибудь аэропорта. Мельком взглянув на обросшие ледяными окатышами геккоринги поднятых ступоходов, Андрей почти не дыша скомандовал:

— Опусти.

— Хорошо, опусти, — снисходительно позволил голос.

Ухватившись за нижний край гермоляка, Андрей пружинным броском швырнул себя в твиндек. После удара об отжатые к борту грузовые фиксаторы, интуитивно почувствовал, что машина стронулась с места. А потом и увидел. Обернуться мешали мизерная сила тяжести и схваченное чем-то запястье левой руки — он не глядя оборвал это что-то и, пробираясь к ложементу, видел смену картин переднего обзора: то фонари УФС впереди, то сверкание косяка, то пылающе-изумрудная окантовка провала; машина медленно, точно корова на льду, поворачивалась, скользя на разведенных в стороны ступоходах. То, чего он боялся: геккоринги практически перестали держать. «Черт с ними», — подумал он, соображая, как при таких условиях не упустить из-под контроля движение «Казаранга». Машина очень кстати скользила в направлении к зеленой пропасти, домой, но скользила слишком нерасторопно. Он выровнял ее по курсу третья микроимпульсами, закрыл гермоляк и, в нарушение всех инструкций, не убрав геккорингов, увеличил скорость скольжения. «Геккорингам, конечно, крышка. Черт с ними», — еще раз подумал он. Ему до того надоело это мерное вышагивание на металлических костылях, что при всем драматизме своего положения он был рад, что теперь, кроме как на фланг-моторы, и надеяться не на что. Если ему суждено здесь погибнуть, он по-пилотски умрет на лету.. Правда, переходить на фланг-режим и умирать на лету он не спешил. Оттягивал до последнего. Главное — выбраться из чужого пространства. Хоть на карачках. Погибать в чужом пространстве он не был согласен ни на каких условиях.

7. СНЕЖНАЯ РОЗА

Скорость скольжения росла; теперь на разгон «Казаранга», несомненно, влияло и поле тяготения Япета. Драккар нырнул в зеленый полумрак под руку сверхвеликана. Пора тормозить. Андрей, испытывая нехорошее предчувствие, осторожно стал выдвигать подпяточные когти на ступоходах. Так и есть: скорость машины резко возросла. Вдобавок он ощущил нарастающий крен и понял, что левая пара ступоходов потеряла контакт с поверхностью. На секунду он растерялся; никаких, даже курсантских навыков рационального торможения трением у него не было.

— Капелька щеславия тебе не повредит, — заявило пространство. — ...Ит-ит-ит-ит-ит.

Машина, внезапно задрав корму, уже входила в переворот через нос, когда Андрей решился на плазменный выстрел. Шпаги фиолетовых молний сверкнули над головой, и последнее, что он отчетливо видел перед тем, как машину крутануло волчком,

был надвигающийся разрисованный буквами и цифрами бок на-
бедренного супербаллона-цистерны, объятый бледно-лиловым
пламенем. Андрей пытался угадать, куда последует удар. Ожи-
дал слева. Но столкновение произошло правым бортом. Очень
тяжелый удар. Катер остановился.

— Ну почему ты у меня такой обыкновенный?.. — горестно
вопросило пространство. — ...Ный-ный-ный-ный-ный...

Потирая то место на гермошлеме, под которым определено
будет огромная шишка, Андрей разглядывал замутненный зеле-
нными струйками пара бок супербаллона, дымящуюся (очевид-
но, именно сюда угодила струя плазмы) воронку великаньего
заправочного устройства. Кольцевой держатель для заправоч-
ного шланга был с одной стороны расплющен ударом, предохра-
нительный колпак сорван, но торчащая из воронки игла инже-
ктора уцелела. Андрей перевел взгляд на указатель кислородного
обеспечения, на цифры таймера, и ему стало ясно, что он ошиб-
ся в подсчетах более чем на полчаса. Уже скоро завоет микро-
сирена...

Подняв голову, он обвел глазами знакомый облачный интеръ-
ер (в секторе от верхушки супербаллона до распространенной ла-
дони сверхвеликаны), и его почти не удивила довольно быстрая
перемена характера свечения: нежная зелень уступала место
мрачной мертвенно синюшной краске. Он нисколько не сомнев-
ался, что неприятная перемена — результат действия плазмен-
ных выстрелов. Гурм-феномен ужасно не любит, когда его бес-
покоют.

— Ну а если тебе там, на танкере, станет совсем уж невмо-
готу, — продолжал витийствовать радиоэфир, — дашь мне по-
нять об этом словами: «Скучаю, очень скучаю... чаю-чаю-чаю-
чаю...»

Завыла внутрискафандровая сирена. «Так весело я еще никогда
не скучал», — подумал Андрей, пытаясь вспомнить, в каком мес-
те на «Снегирях» встроен выключатель этого голосистого микро-
чудовища. Пока вспоминал, наблюдая за распространением си-
нюшной муты, сирена умолкла. Итак, пять минут нормального
дыхания плюс восемнадцать «последнего желания»... Он заста-
вил «Казаранг» выпрямить ступоходы, выдвинул из корпуса
щупальце манипулятора и запустил его в воронку заправочного
устройства.

Мысль о попытке заправиться кислородом от супербаллона
пришла ему в голову еще на первых метрах путешествия вдоль
суперскафандра. Нет, даже раньше — когда ему показалось, что
исполин пошевелил рукой. Курьезная возможность «одолжить»
литр-другой кислорода у сверхвеликаны пощекотало воображе-
ние, и не более того.

Убрать манипулятор он не успел — все произошло молни-
еносно. Он успел только увидеть, как из конца «иглы» вырва-
лась и пошла почему-то наискось струя белой пены. Внезапно
инжектор, да и сама воронка заправочного устройства исчезли,
и не успел он глазом моргнуть — перед ним бушевал белопен-
ный вулкан. Точнее, перед ним лишь мелькнула картина бушую-
щего вулкана, и тут же видимость упала до нуля — сначала
Блистер накрыла серая мгла, а затем — непроглядная темень...
И снова, как в прошлый раз, реакция рук опередила реакцию

мозга: руки инстинктивно произвели какую-то работу — поверхность блистера окрасил нестерпимо-яркий ртутно-фиолетовый свет, машину рвануло влево, но какая-то более мощная силища бешено подхватила драккар, грубо перевернула и, жестоко встряхнув, швырнула в ревущее озеро расплавленного металла. Рев, звонкий грохот и невыносимый вой.

Сверхвизг!..

Тишина.

Темный пояс экранов.

Такое впечатление, будто машина плывет в темном тоннеле, слегка покачиваясь. После сверхвизга это даже приятно... На вогнутой поверхности блистера и экранов отражается горсть разноцветных светосигналов, вспыхивают отблески мигающих марок времени. «В загробном царстве тоже есть время», — подумал Андрей, неожиданно осознав, что совсем не дышит. Спазматическое сокращение мышц горла перекрыло дыхательные пути — легкие словно забыли о настоятельной необходимости перекачивать воздух. Однако стоило вникнуть в сей поразительный факт — мучительно захотелось дышать. А дышать было нечем!..

Он подорвал аварийный патрон кислородной поддержки. Голова прояснилась. Но не настолько, чтобы понять, куда, в какой закоулок гурм-феномена зашвырнуло машину. Подозревая, что вулканоподобный выброс белопенной массы все же имел отношение к жидкому кислороду, он шевельнул щупальцем манипулятора, подвигал им перед носом драккара. Попытка расчистить щупальцем хотя бы маленькое «окно» была безуспешной. Он чувствовал, как машину покачивает, вертит вокруг продольной оси (несомненно, какой-то поток), и в то же время чувствовал стремительное ослабление и без того мизерной силы тяжести. Признак падения катера? Или верхом на сорвавшейся в пропасть снежной лавине. Любая пропасть имеет дно... Он попытался открыть гермолянку — не хотел разбиваться с завязанными глазами. Крышка люка не поддалась.

Покривив в усмешке задубелые под маской губы, он поблагодарил судьбу за тридцать три свои года замечательно прожитой жизни, подумал, что идущие следом разведчики будут (непременно должны быть) удачливее, два раза вдохнул полной грудью колючий кислородный холод и рванул оранжевый рычаг отстрела.

По корпусу «Казаранга» пробежала легкая судорога — блистер вдруг сорвало и ослепительно белым парусом унесло кверху. Андрей ожидал увидеть все, что угодно, только не это, и дважды мгновения оторопело разглядывал знакомый ландшафт.

— Ур-ра-а-а... — не помня себя от радости закричал он, вскинув разведенные в стороны руки и обнимая залитое солнцем просторное ледорадо Япета, всю систему Сатурна и вообще сразу все Внеземелье.

Но, поздоровавшись с родным пространством, он снова взялся за рукоятки, потому что внизу действительно была пропасть и катер действительно валился в нее на гребне лавины. Посмеиваясь, как в счастливом сне, Андрей взмыл над склоном на полной тяге.

За время десанта гурм-феномен из колоссального пудинга с

козырьками отвислых карнизов перевоплотился в идеально ровную полусферу. Чудовищное яйцо, полупогруженное в темный ледорит посреди равнины Атланта... На маневре ухода от беслесого купола-исполина Андрей не мог оторвать взгляд от вспыхнувшего на его вершине необыкновенно красивого фарфорово-хрупкого образования, которое формой очень напоминало цветок розы. Обрамленная десятками полукружий неярких радуг, снежно-белая красавица отбрасывала многокилометровую черную тень в северном направлении, а южный склон был залит ярко-белыми языками лавин.

Хлынувшая в кабину после отстрела блистера снежная пудра густо запорошила индикаторы и светосигналы — ничего не видать; на траекторию сближения с «люстрой» сверкающего над Япетом «Байкала» Андрей вышел интуитивно, дал форсаж. А на орбитальном маневре, когда планетоид вздыбился справа по борту стеной, Андрей заметил в промежутке между двумя кратерами у восточного склона гурм-феномена лагерь космодесантников. Вглядевшись, присвистнул. Это был крупный станционный лагерь... «Ну дела! — подумал он. — Определенно, «Снежный барс» в полном составе сюда пожаловал. Ай да Фролов! Вот это оперативность!..» Потом он увидел вокруг белесого чудища с белым «цветком» на макушке множество блестящих точек и черточек и зауважал Фролова еще больше.

На подходе крендель-ангара «Байкала», возбужденный, переполненный радостным нетерпением, он чуть не разбрзглся: выпустил из виду, что твиндек наполнен зачерпнутым из лавины снегом, и на тормозном маневре весь этот груз снежной пудры ухнулся на голову. Кое-как очистил лицевое стекло перчаткой, он с трудом успел приподнять машину над срезом прямоугольной щели вакуум-створа. Повторил заход и вдруг почувствовал: сно-ва дышать стало нечем...

Андрей плохо помнил, как вогнал машину в вакуум-створ, как отстегнул фиксаторы и прямо из кабины прыгнул в розовый квадрат открытого люка переходного тамбура. Прыгнул удачно. Взглянув на свисающую с левого запястья оборванную цепочку от видеомонитора, он мимолетно подумал, что самым неудачным прыжком за время десанта был прыжок в твиндек... Не дожидаясь, когда вспыхнет перед глазами транспарант «Барническое равновесие», Андрей нашупал замок и открыл стекло гермошлема — легкие обожгло горячим воздухом и едким запахом аммиака. Кашляя, со слезящимися глазами, Андрей перешагнул комингс скафандрового отсека и, подхваченный транспортировочным захватом, оказался в гардеробной шкаф-ячейке. Выскользнув из осточертевшей ему липкой, пропитанной аммиаком, бронированной скользуны, он, пошатываясь на бегу (не успел еще адаптироваться к условиям корабельной гравитации), бросился в душевую. И лишь под струями ароматной воды у него появилось время проанализировать схваченную зрительной памятью картину: лишенный блистера, выбеленный снежной пудрой «Казараг», как потрепанная арктическими штормами лодка, садится на чистую, блестящую как зеркало палубу рендель-ангаря по соседству с двумя новенькими драккарами. Космодесантных катеров такой модели ему еще не доводилось видеть. Что-то среднее между «Бураном» и «Казарагом», но со своими

особенностями: очень яркая люминесцирующая окраска, две пары коротких ступоходов, три лыжи, аккуратные прямоугольные коробы выступающих по бортам реверс-моторов... Неведомая ему модель (если глаз не ошибся в спешке) называлась «Вьюга». Это название он слышал от проектировщиков малотоннажных машин, однако то обстоятельство, что эскадрильи «Снежного барса» уже укомплектованы «Вьюгами», изрядно его озадачило. Впрочем, разве за всем уследишь... Он представил себе, как будут поражены пилоты новых драккаров, когда увидят обынделевые останки сильно помятого музейного экспоната, ревниво нахмурился.

«Байкал» был на удивление малолюден. По дороге на свой ярус Андрей сквозь блики прозрачной многослойности ветрокоридоров заметил у себя над головой только двух пролетающих мимо людей да против двери капитанской каюты встретил связиста Круглова. С удовольствием поздоровался, спросил:

— Ну как у вас тут дела?

Круглов не ответил. Стоял и, глубоко засунув руки в карманы, безмолвно смотрел на него с выражением печального (если не сказать — скорбного) смирения на припухшей физиономии.

— Валаев у себя? — спросил Андрей уже менее дружелюбно.

С неохотой высвободив руки из карманов, связист сделал вялый, неопределенный жест. «Чего этот парень на меня уставился?» — подумал Андрей и вдруг вспомнил о своей трехдневной щетине. Брезгливо ощупал лицо. Первого пилота никто и никогда не видел на борту «Байкала» небритым или неряшливо, не по форме одетым.

— Извини, я небрит, — сказал он и заторопился вдоль анфилады солнечных «гротов». Не встретить бы еще кого-нибудь.

Внезапно какой-то необычный звук заставил его обернуться и посмотреть в спину Круглова. Связист смеялся. До ушей Андрея донеслось что-то похожее на куриное квохтанье. И негромкий взглас:

— Он, видите ли, небрит!

Круглов исчез за поворотом. Андрей почувствовал, как дере-венеют скулы. Входя в свою каюту, подумал: «Хорошо тебя встречают твои товарищи, первый пилот. Приветливо».

В центре холла стоял кто-то в белом костюме.

— Тринадцать-девять, визит отменяется, — быстро сказал Андрей. И только после этого до него дошло, что в центре затемненной каюты он видит свое собственное стереоизображение.

Он вглядился и почувствовал себя словно в кошмарном сне. Это была мемориальная каюта. Каюта-паноптикум... Повсюду на глянцевых вогнутостях специально затемненных стен были видны слабые отражения недвижной центральной фигуры. Его фигуры. В прозрачных глубинах стеклянистого массива скорбно источали золотистый свет в виде отвесных лучей четыре декоративных потолочных колодца. Вдобавок холл вдруг наполнили торжественно-печальные звуки органной музыки. На фоне звездно-черного окна из каюты в открытый космос поплыли светлые строки, повествующие о подвиге первого пилота суперконтейнероносца «Байкал» Андрея Васильевича Тобольского. Год рождения, год гибели.

— Однако!.. — пробормотал Андрей. Мелькнула мысль: «С ума они здесь посходили, что ли?!» — Тринадцать-девять, — позвал он. — Свет. Музыку прекратить.

Ничего не изменилось.

— Информбюро, контакт! — позвал Андрей, закипая холодающим бешенством.

Музыка смолкла, автомат ответил женским голосом:

— Информбюро базы «Япет-орбитальный».

— Какова формула обращения к бытавтомату в каюте, из которой я говорю?

— Двенадцать-одиннадцать.

— Индекс двенадцать-одиннадцать сменить на индекс тринадцать-девять.

— Принято к исполнению.

— К немедленному исполнению, — подсказал Андрей. — Вы мне больше не нужны, отбой. Тринадцать-девять, изображение в центре каюты убрать, музыку не включать. На окно — листний морской пейзаж. В течение часа все каналы связи блокировать, на запрос любого абонента реагировать сигналом «занят».

Изображение фигуры в белом исчезло. В каюте стало светло: по всему помещению рассыпались, замельтешили отражаемые волнами наката жаркие солнечные блики, в «окно» хлынула яркая морская синь. Слишком тихо... Безупречно вышколенный бытавтомат по старой памяти дал пейзаж без звукового сопровождения.

— Шум прибоя, — добавил Андрей. — Чутьтише!.. Вот так. На борту корабля будет порядок.

Сбросив авральный комбинезон, он еще раз с большим удовольствием поплескался под душем и, пристально рассматривая себя в зеркалах, постоял в сушилке. Потом неторопливо, старательно вернул своей персоне вид первого пилота сверхскоростного суперкорабля. Впрочем, это касалось только физиологии, потому что надеть первому пилоту было нечего: в гардеробной он обнаружил лишь пакеты с комплектом форменной одежды космодесантника. Морда снежного барса на рукаве... С той минуты, когда он встретил Круглова, ему никак не удавалось избавиться от впечатления, что Валаева нет на борту «Байкала», хотя абсурдность этого впечатления по логике дела можно было считать стопроцентной. От ощущения, что на борту не все в порядке, никакая логика избавить не могла.

Отбросив пакеты, Андрей открыл было рот, чтобы заставить автосистему бытового сектора делать то, что ей положено здесь делать, и вдруг покачнулся: в глазах на мгновение потемнело и тело ощущало очень странный, глубокий покой. Было так, словно он на секунду заснул, вздрогнул, проснулся. Он еще раз взглянул в зеркало на себя (мускулистого, загорелого, в плавках) и счел за лучшее оставить тяжбу с бытавтоматикой на потом и побыстрее перебраться в спальню.

Лежа на диване лицом кверху и наблюдая суету солнечных бликов на потолочных «сталиктитах», он прислушивался к своему внутреннему состоянию. Состояние было необычное. Стоило чуть расслабиться — и в уши внезапно хлынули тысячи тысяч звуков, созвучий. Необъятный голосистый мир...

«Стоп!» — в ошеломлении подумал Андрей и каким-то неосознанным, спазматическим, что ли, усилием вернул себя в обычное состояние. Приказал бытавтомату дать на «окно» ночной пейзаж зимнего леса. Глядя в сумрак потемневшего потолка, он поймал себя на том, что возврат в обычное свое «нормальное» состояние нервов и чувств не успокоил его и не обрадовал. Было грустно.

Пытаясь отвлечься от новых для себя ощущений, он спросил:

— Тринадцать-девять, кто сменил твой индекс на двенадцать-одиннадцать?

— Операторы центрального информбюро.

— Да, разумеется... Какое сегодня число?

Автомат ответил.

— Месяц? Год?

Автомат ответил.

— Хочешь сказать, мы с тобой не общались больше восьми лет? — улыбаясь, спросил Андрей. И вдруг почувствовал, что это правда.

— Восемь лет, четыре месяца и девятнадцать суток, — уточнил автомат.

— Тринадцать-девять, свяжись с кухонным распределителем. Мне нужен охлажденный березовый сок. И как можно быстрее.

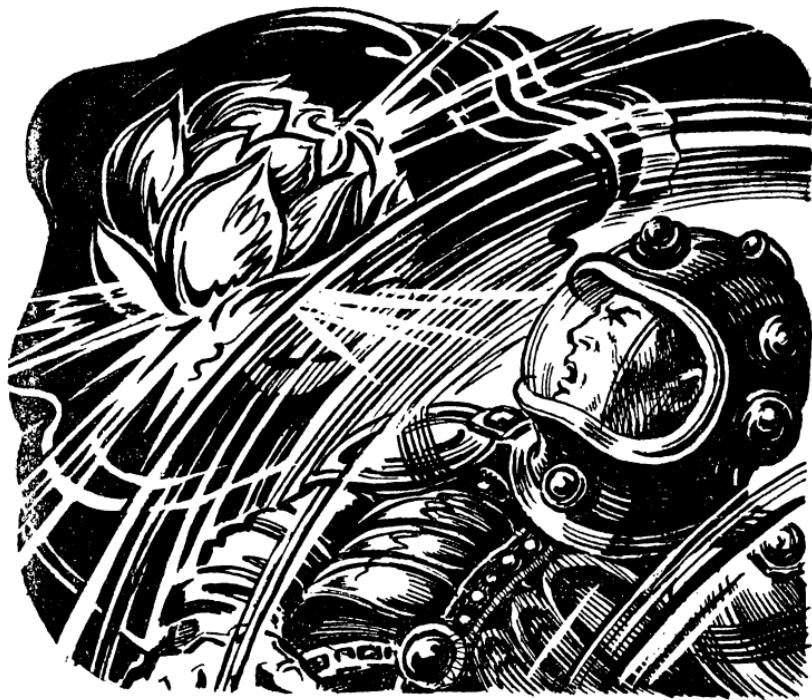
Через полторы минуты у изголовья звякнул и выдвинулся пепел пневмопосыльной системы. Андрей вынул холодную прозрачную коробку, шершавым языком нашупал соковыводную трубочку. Напился и сунул было коробку в пенал, но снова поднес коробку к лицу, нашел глазами дату изготовления... Пальцы сжали коробку в комок.

И когда тело стало проваливаться куда-то в мягкую белизну, он разжал пальцы, расслабился и успел подумать: «За восемь с половиной лет я могу позволить себе один раз нормально поспать».

Лавина несла его в узкий проран между обледенелыми скалами. Это было не страшно. Он бежал в бурном снежном потоке навстречу ветру и громко смеялся. Кричал, перекрывая гул грозной стихии: «Старт! Старт, дикая кошка, старт!» — и знал, что непременно поднимется в воздух, и видел, как падают в пропасть обломки утесов, и ступни быстро бегущих ног его были больше этих обломков. Ветер подставил ему свою упругую грудь — он взлетел и, смеясь, распростер напряженные под напором воздушного потока руки над клубящимся снежной пылью ущельем, и белые вершины Гималаев постепенно становились ниже траектории его полета, а над вершинами расцветала исполинская снежная роза...

Андрей ошарашенно сел, ощупал грудь, руки, колени. Посмотрел на розовые цифры часового табло. Он спал всего полчаса, но чувствовал себя прекрасно.

— Тринадцать-девять... — произнес он формулу обращения. Собрался было распорядиться насчет привычной одежды, однако раздумал. Какая будет одежда — это теперь не имело значения. Кто-то подбросил ему в гардеробную пакеты с формой космодесантника отряда «Снежный барс». Пусть так и будет. Андрей Тобольский, бывший первый пилот бывшего суперкон-

тейнероносца «Байкал», со спокойной совестью может носить форму «Снежного барса». Как десантник с восьмилетним стажем. Тем более что суперконтейнероносец «Байкал» перестал, очевидно, существовать. База... «Япет-орбитальный...»

— Вам что-нибудь нужно? — спросил автомат.

— Да, — проговорил Андрей. — Мне нужно найти себе место в моем теперешнем мире...

«ВЕЛИКИЙ ПРЕДОК»

(Вместо послесловия)

После прекрасно организованного стараниями работников Т-связи телесвидания с дочерью Андрей покинул спортзал не переодевшись, как был — в бело-красном тренировочном костюме; взгляды встречных прохожих заставили его обратить внимание на свой вид и вернуться. Возвращаясь, он воспользовался другим входом — через ветротоннель, прямо в спортгардеробную, — не хотелось опять заходить в огромное эллипсоидное помещение, искусно расцвеченнное светоузорами, но все равно словно бы вылинявшее теперь, потускневшее после неописуемой роскоши земных сочных красок... Он принял душ, натянул на себя все еще непривычную форму космодесантника. Проделал это абсолютно машинально. К нему еще не вернулась спо-

собность размышлять. В голове царило необыкновенное спокойствие. Он не мог думать. Ни о чем. Перед глазами стоял знакомый им с Лилией уголок дендрария, а посредине аллеи, в жарком пятне солнечного света, — незнакомая девчушка-подросток, ужасно нескладная, угловатая, с испуганным лицом, голенастая, как олененок. Минуту они молча разглядывали друг друга. Потом он что-то спросил — она не ответила. Стена невесть почему возникшего отчуждения казалась непробиваемой. Выручил мяч. Он взял в руку тренировочный мяч, несколько раз стукнул им об пол и постарался придать голосу беззаботные интонации: «Мой веселый, звонкий мяч, ты куда помчался вскачь?..» Стена рухнула: Лилия подбежала вплотную к натянутым поперек аллеи рядам красных ленточек (граница действия стереоэффекта); он жадно вглядывался в незнакомое лицо дочери и не мог произнести ни слова. Что-то случилось у него с губами, он долго не мог заставить себя говорить. Так ничего толком они друг другу и не сказали. Права была Светлана: пятьдесят драгоценных минут самой дорогостоящей в мире связи состояли в основном из расточительно длинных пауз. Лицо двенадцатилетней Лилии ему не понравилось. Маленькая Лилия была нежна, красива, как цветок. Для этой такое сравнение не напрашивалось. Двенадцатилетняя Лилия чем-то напоминала ему двоюродную сестру Ольгу и Валентину одновременно. Взрывоопасная смесь... Но, если серьезно, он почему-то ощущал себя расстроенным до предела, подавленным, разочарованным. Во время телесвидания с Мартом Фроловым он получил от ведущего темпоролога чудовищный (иначе не скажешь) груз тяжеленной, как ледяная гора, информации и безропотно подставил под неожиданно свалившийся на него айсберг свое натруженное плечо и, угнетаемый этой тяжестью, все же почувствовал в себе желание действовать, думать, работать, хотя полученный от Марта информационный груз был сродни печальной поше легендарного Мессии, влекомой им по пыльной дороге на хорошо известную всему цивилизованному миру ближневосточную возвышенность. А после телесвидания с дочерью было такое чувство, будто и ее и его обвели вокруг пальца, искусно, изобретательно обманули: ему подсунули не его дочь, девочке — не ее отца... Сыновья и дочери человеческие научились лихо преодолевать довольно крупные куски Пространства. А вот с преодолением Времени дело обстоит хуже.

Как и договорились, Копаев ждал его у центрального входа в Форум. Еще когда Светлана сказала ему, что Аверьян предлагает там встретиться, он удивился, но ничего не спросил. Мало ли по каким причинам бывший функционер МУКБОПа считает удобным randevu под необъятным куполом самого большого зала бывшего корабля.

Они поздоровались сдержанно, без особых эмоций — так, словно расстались только вчера, и Копаев театрально торжественным жестом предложил ему войти в зал Форума первым. Створки овальной двери широко распахнулись, он посмотрел в глубину зала и ощутил, как сердце забилось сильнее. При первом взгляде можно было подумать, что широкая дверь центрального входа вела в одну из центральных полостей гурмфеномена...

Андрей машинально сел на левую сторону подковообразного дивана, извлеченного откуда-то снизу негромкой командой Аверьяна. Копаев сел справа и, видимо, озадаченный странноватой реакцией автора видеосъемки на подготовленную без его участия экспозицию, смотрел на него выжидающе. Наконец спросил с недоверием в голосе:

— Ты что... впервые это видишь?

— Я — нет, но ты... Откуда это у вас здесь? — Андрей обвел рукой закругляющийся ряд окрашенных зеленым светом «Снегирей»-великанов.

— Позволь, однако... все это — содержимое твоего видеомонитора!.. Разве не так?

— Моего!.. — переспросил Андрей. — Но... ведь я его потерял.

Копаев с облегчением рассмеялся:

— Его нашли в твиндеке — примерз к грузофиксатору.

— Ах вот как! Тогда другое дело... Я и не подозревал, что бытовой видеомонитор способен дать такое высокое качество изображения в широкоугольном режиме работы.

— Это не он способен, — возразил Копаев, — это я способен. Правда, не без помощи соответствующих видеокорректорных устройств. Пришлось повозиться... Зато результат! И тебе будет легче.

— В каком э-э... смысле?

— Но ведь объяснять это все ты нам собираешься? Или как?..

— А что я должен объяснять? Все это мои глаза видели там примерно так же, как теперь видят твои.

— Мои глаза видят толпу твоих эфемеров, — заметил Копаев, — и мне интересно было бы знать, как тебе удалось такую массу их наплодить! Я бы и за восемь лет не справился. Да и никто бы не справился.

— Ты уверен, что это мои эфемеры?

— Великое Внеземелье! Ну не мои же?! Индекс и номер твоего скафандра налицо.

— А как быть с названием корабля? Почему «Лунная радуга»?

— Думал, наверное, о «Лунной радуге»? Вот тебе и результат. Еще о чем ты там думал?

Андрей не ответил. Перевел взгляд на двадцатипятиметрового исполина, возвышающегося светло-зеленой башней над строем эфемеров-богатырей.

— Скажи, Аверьян... ты лучше меня разбираешься в генетологии эфемеров...

— Хочешь спросить, чей облик таился под стеклом гермошлема эфемерного «Снегиря»?

— Да.

— Расскажи, при каких обстоятельствах поднялась на врага эта радужная рать.

Андрей рассказал.

— Ясно... — протянул Копаев. — А впрочем, что тут может быть ясного? Ясно только одно: твой единственный нормальный эфемер попал в какую-то воспроизводящую среду, которая сыграла роль множительного агрегата. Осталь-

ная армия — эфемеры второго, так сказать, порядка. Или лучше будет выразиться — трансцендентные эфемеры...

Андрей напомнил:

— Ты не ответил на мой вопрос.

— Разве? — Копаев криво усмехнулся. — Насчет трансцендентных я даже гадать не берусь. А что касается «нормально-го»... Тут, пожалуй, могут соперничать только два варианта: либо копия Николая Асеева, либо твоя. Неужели имеет значение — кто? Если имеет, я склонен отдать предпочтение второму варианту. Ну сам посуди: с чего бы это чужое пространство, не стесняясь, громко, на всю Галактику, можно сказать, обсуждало интимные факты твоей биографии? Убедительно?

— Нет. Почему источником интимных фактов обязательно должна была служить копия, а не оригинал? Побывать в чужом пространстве довелось, как ты теперь знаешь, и мне самому.

— Ты слишком много от меня хочешь.

— В таком случае то же самое я могу сказать о тебе.

— Ну нет! В этом смысле я имею перед тобой преимущество. Ты вправе полностью игнорировать меня как любопытствующую личность, но обязан считаться со мной хотя бы как с посредником. Не будем забывать, что за тобой отчет перед Землей.

— Видишь ли, я сейчас такая персона, что могу позволить себе роскошь выбирать посредников по душе.

— Чем я тебе не угодил? — Аверьян был теперь заметно обеспокоен.

Андрей молча смотрел на него. На первый взгляд Копаев не изменился: все такой же ловкий в движениях бронзовоухий блондин, каким был в тот памятный день их беседы на парапете бассейна. Вот только взгляд серых глаз Аверьяна стал жестче, да самоуверенности прибавилось. Трудно было сразу сказать, чего недоставало теперешнему Аверьяну по сравнению с тем Аверьяном, прошлым... Но чего-то явно недоставало.

— Так чем же я тебе не угодил? — повторил Аверьян. На этот раз голос его прозвучал гораздо спокойнее.

— Теряешь гибкость функционера МУКБОПа, — вслух подумал Андрей. — Теряешь форму...

— Давно уж к МУКБОПу я никакого отношения не имею.

— За что отстранили?

— За то же, за что и тебя теперь отстранят от полетов. Категорически и навсегда.

— Здесь вы очень интересно заблуждаетесь, молодой человек... э-э... простите, молодой экзот. Но я не стану вас разочаровывать.

Глаза Копаева настороженно сузились.

«Сразу учゅял, — подумал Андрей. — С чутьем у него по-прежнему все в порядке».

Стереоизображение застывшей рати эфемеров-богатырей сменилось космически-величественной картиной: глаза слепила множеством голубых огней грандиозная спираль узорчато-фонарного сооружения.

— С масштабом я не переборщил? — осведомился Копаев.

— Недотянул. Можешь спокойно увеличить раза в полтора — не ошибешься.

Присвистнув, Копаев с уважением проговорил:

— Ну и ну! Вот это громадина!.. А ведь состоит она из одних... Кстати, там, на месте, удалось тебе разглядеть, из чего она состоит?

— Да. Эта штуковина — спиралевидное скопище эйвов.

— Как... как они называются?

— Эйвы, — повторил Андрей. И объяснил почему.

Копаев внимательно выслушал подробности знакомства с эйвами. Рассказ, по-видимому, произвел на него впечатление. Он спросил:

— Марту рассказывал? Что он об этом думает?

— Я могу, разумеется, передать, что думает об этом Март. Но тогда тебе придется выслушать сначала, что об этом думаю я.

— А что об этом думаешь ты? — мгновенно перестроился Аверьян.

— Я думаю, что эйвы не могут быть носителями Разума. Думаю, уровень их «интеллекта» вряд ли намного превышает «интеллектуальный» уровень... вируса гриппа. Я полагаю, земная цивилизация случайно соприкоснулась с довольно примитивной формой... как-то не поворачивается язык говорить «формой жизни». Лучше выразить это словосочетанием «форма преджизни», потому что «жизнь» в нашем понимании отличается от способа существования эйва, наверное, в той же степени, в какой белковый обмен отличается от рабочих процессов, происходящих, к примеру, в электроконденсаторах. Или, скажем, в электроаккумуляторах. Тебе пришлось повозиться с корректорской доводкой моей видеозаписи... ты заметил там хоть что-нибудь похожее на планету?

— Нет.

— Я тоже. Напрашивается рабочая гипотеза: эйвы — продукт эволюции внепланетной преджизни. Скудность запасов околовзвездного вещества, на которых «спаслись» колонии первобытных эйвов, и щедрость потоков энергии привели к тому, что эволюция протоэйвов пошла в необычном для нашего земного восприятия направлении. Здесь можно немного пофантазировать... Вот, скажем, в силу каких-то гравиокинематических причин колония протоэйвов перешла из стадии хаотического скопления в стадию «вытянутого шнура». Неустойчивость скопления прямолинейной формы очевидна, и стадию «шнура» сменила стадия «спирали». А отсюда до темпор-прогиба рукой подать. А что такое темпор-прогиб? Дальнодействие. А практическое дальнодействие — это самый экономичный вид переноса материи из одной точки пространства в другую. И когда свернувшаяся в спираль колония протоэйвов нежданно-негаданно вдруг получила солидную инъекцию нужного ей вещества, развитие колонии пошло по пути закрепления этой полезной привычки. Сперва разбухшая колония, естественно, высосала все «бесхозное» вещество из окрестностей собственного светила. Затем, приобретя кое-какой технологический опыт, принялась за окрестности светил чужих... Вот в первом, так сказать, приближении... Голая схема. Март с этой схемой в основном согласен, хотя его

и коробит ее примитивизм. Дискутировать нам было некогда, поэтому я, опасаясь, что не смогу достаточно внятно изложить точку зрения Марта на интересующий тебя вопрос, излагаю свою и откровенно делаю ссылку на комментарий Фролова. Я, конечно, согласен с Мартом, что все обстоит гораздо сложнее, чем представляется мне, однако нам с чего-то надо начинать. Немыслимо сложный математический аппарат современной темпорологии, я убежден, заведомо включает в себя и «дважды два равняется четырем».

— Спасибо, — сказал Копаев. — Долго обсуждать эту тему вам с Фроловым действительно было некогда, я понимаю. Вам было гораздо важнее подробно обсудить другой вопрос...

— А ты откуда знаешь? — с любопытством спросил Андрей.

— Определенные навыки у меня еще сохранились.

— Подробно... За полчаса даже превосходной двусторонней Т-связи эту проблему подробно не обсудить...

— Вот именно! Мы пять лет к этой идее привыкнуть не можем. С какой же стати Март сразу преподнес тебе идею Внешнего приемника?

Андрей не ответил. Не потому, что собирался скрыть от Копаева полученную от Фролова информацию о первом сигнале с ВП — ничего и ни от кого скрывать он не собирался. Просто не было настроения говорить о дальней дороге перед дальней дорогой... Он смотрел на голубые огни и чувствовал на себе пристальный, колкий взгляд собеседника.

— Можешь не отвечать, — сказал Аверьянов. — Теперь и младенцу понятно: кончилось наше временное житье-бытье у Япета. Прощай, мой табор... Выкинут нас теперь из Дальнего Внеземелья в Сверхдальне... куда-нибудь по направлению к Проксиме Центавра на полтысячи астрономических единиц, а там добирайтесь до нового своего светила как сами знаете...

Чтобы отвлечь Аверьяна от мрачных мыслей, Андрей сказал:

— В торопливой беседе с Мартом я как-то не уловил всех тонкостей механики укрупнения массы корабля, несущего Внешний приемник. Ведь если ВП в принципе копирует работу комплекса «Зенит» — «Дипстар», то и рабочая масса нового комплекса не должна быть меньше рабочей массы «Зенита».

— Да какие тут тонкости! — Копаев поморщился. — ВП запустили к Центавру на новеньком корабле-носителе. А параллельными курсами запустили туда в автоматическом режиме корабли-ветераны. Отправили вдвое больше, чем нужно, чтобы хоть половина одновременно достигла отметки в пятьсот астрономических единиц.

— Ух ты! — искренне изумился Андрей. — Армада!..

— И все это скопище летящих в автоматическом режиме кораблей в конце концов должно, по идеи, самостоятельно соединиться в одно целое, образовать рабочую массу для срабатывания Внешнего приемника. Передадут нас всех на борт носителя ВП как по видеотектору, назовем мы свой сверхкорабль каким-нибудь родным именем... скажем — «Солнце»... и начнется пилотируемый этап экспедиции. Первой Звездной.., А капитаном «Солнца» назначат, конечно, тебя.

— Когда-то ты предрекал мне быть капитаном «Тобола». Помнишь?

— Помню. Но теперь быть капитаном межзвездного рейдера предрекаю тебе не я...

— Кто же?

— Твоя будущая жена. Светлана Фролова-Тобольская.

— Интересно, — сказал Андрей. — А с чего ты решил, что она моя будущая жена?

— Что... уже настоящая? — невинно моргая, спросил Аверьян. — Ну-ну, ладно, успокойся! Насчет настоящей я пошутил. А вот насчет будущей... Я не думаю, чтобы сама Светлана шутила. Все, что касается тебя, у нее на полном серьезе, и это уже доказано. Ведь предсказала она год, месяц и день, когда ты вынырнешь из белесых глубин темпор-объекта!..

— Продолжаешь шутить? — осведомился Андрей скучающим голосом.

— Вовсе нет! Не сойти мне с этого места, все так и было! Знал бы ты, что тут было, когда она объявила год, месяц и день... Разговоры пошли всякие-разные, слухи змейками поползли... Короче говоря, Круглов, конечно, рассвирепел и попытался искоренить на базе «средневековое ведовство», «беспардонное шарлатанство», «гадания на кофейной гуще», а когда ты действительно вынырнул в предсказанный день, объявил тебя эфемером... Ты уж его извини, он действовал честно, по убеждению.

— На межзвездном рейдере нужны хорошие связисты, так же, кстати, как и хорошие координаторы.

— Хороших связистов здесь — как кратеров на Япете. А хороших координаторов... извиняюсь, я один.

— Ну что ж, скромно и с достоинством, — похвалил Андрей.

— Нет, я серьезно! Связистов в нашем таборе чуть ли не больше, чем десантников. Это их столько в один год к нам привалило. Ты, пожалуй, не поверишь, но факт: многие буквально рвутся в нашу зону. Быть экзотом нынче стало модно. Особенно когда выяснилось, что экзоты — потенциальные долгожители. Смельчаки проникали в зону любыми путями, на любом транспорте, правдами и неправдами. А однажды к нам весь экипаж «Дипстара» в полном составе пожаловал! В общем, дело дошло до того, что, пропустив к Япете всех жаждущих воссоединения членов семей, служба космической безопасности на-глухо закрыла зону... Стоп! — Копаев вдруг поднял руку. — Ты слышал?

— Что именно? — Андрей беспомощно огляделся.

— Кажется, темпор-объект разваливается... На базе поднялся радиоожиотаж!..

Аверьян скомандовал автоматике Форума высветлить сфероборзы.

— Я ничего такого не слышу, — признался Андрей. — Я дважды за сегодняшний день разрядил себя на экраны.

— Стойся этого не делать, — посоветовал Аверьян. — Здесь это считается признаком дурного тона... Гляди! Действительно разваливается!.. — Он увеличил изображение участка Япета с неровно осевшим, как подтаявший сугроб, куполом темпор-объекта.

Андрей посмотрел и подумал, что здешних обитателей это унылое зрелище должно, наверное, впечатлять. Если эта белесая несокрушимая штука мозолила им глаза восемь лет идеально ровным полусферическим куполом, то сейчас ее осевшее тело выглядит, разумеется, диковато.

— Против рати твоих эфемеров-богатырей скопище эйвов не устояло! — восторженно объявил Аверьян. — Они отступили!..

«Как и у нас, у них не могла не возникнуть проблема экзотов, — подумал Андрей. — Вероятно, эйвы-экзоты дестабилизовали жизнь колонии, и обычные эйвы инстинктивно стараются заблокировать процесс дальнодействия на неприятном этом участке пространства-времени. Вот так человечество старается теперь отодвинуть нас как можно дальше, и нельзя его за это винить...»

— Нет, Аверьян, — вдруг проговорил Андрей, — межзвездный рейдер мы назовем не «Солнце». Мы назовем его в честь земного человека «Великий предок».

